

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Селиванова Ю. В.** Идея прогресса как проблема становления истории отечественной социологической науки 3
- Антонова О. Г.** Место С. Л. Франка в истории социологии 5
- Дыльнов Г. В.** Традиции реформаторских идей в отечественной социологии XIX – начала XX столетия 6
- Селиванова Ю. В., Масленников В. А.** Либеральные меры и сильная власть (Б. Н. Чичерин как теоретик социального реформирования) 9
- Антонова О. Г., Васильева Е. Н.** Двухуровневое образование: проблемы и перспективы в современных российских условиях 13
- Калиникова М. В., Ивченков С. Г.** Система экологического образования в условиях глобализации 17
- Бородавкина Е. Е., Дыльнова З. М.** Теоретико-методологические основы исследования предпринимательства 20
- Дыльнова З. М.** Об изучении проблем становления отечественного предпринимательства 27
- Калиникова М. В.** Качество экологического сознания населения современной России: прикладной аспект 29
- Аникин Л. С., Небога В. С.** Роль региональных органов власти в привлечении инвестиций в социальную сферу на примере Саратовской области 31
- Красильников О. Ю.** Проблемы внедрения концепции «электронного правительства» В России 34
- Голуб О. Ю.** Общие подходы к разработке социальной технологии управления кризисными коммуникациями 38
- Дыльнова Т. В.** К вопросу о понятии «система социального управления обществом» 42
- Бородавкина Е. Е.** Социальный механизм управления и регулирования российской модели рынка труда 44
- Воробьев В. П., Голубовская О. Л.** Социальный портрет потребителя региональных брендов 51
- Зубков В. А.** Человеческий фактор как основа успешного развития аграрного сектора Саратовской области в XXI веке 53
- Ивченков С. Г.** Субъективные факторы современной семейной социализации 56
- Могилович Б. Р.** Текст и социальная коммуникация 58
- Пашкина Т. А.** Понятие «имидж территории» в современной науке и практике 63

Слово молодым социологам

- Лобачева О. А.** Изменения в социальной функции русского языка 66
- Кузьмина С. В.** Роль СМИ в формировании имиджа политического деятеля 69
- Небога В. С.** Роль институтов гражданского общества в реализации социальной политики городского муниципалитета 72

Политология

- Чернышов А. Г.** Современное российское общество в поисках идеологии развития и элиты 75
- Данилов М. В.** Вовлечение граждан в избирательный процесс: значение неполитических факторов 79
- Вестов Ф. А.** Нормативно-регулятивные и административно-силовые аспекты функционирования правового государства 83
- Чекмарев Э. В.** Влияние политической модернизации на социальное становление и развитие политической культуры молодых людей в регионах России 87
- Зимин В. А.** Политическая культура как фактор модернизации и социального прогресса 90
- Бичехвост А. Ф.** Кризис легитимности региональных структур партии власти (опыт Саратовской областной организации КПСС 1988–1991 гг.) 95
- Варфоломеев Ю. В.** Политико-правовая ответственность высших должностных лиц государства при смене власти (на примере деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) 99

Слово молодым политологам

- Полтавская Ю. Н.** Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы 104
- Ливерко О. В.** Особенности модели идентификации «народной» армии в постсоветский период 107
- Жданов П. А.** Сетевая структура Большой двадцатки 110

Приложения

- Хроника 114

Сведения об авторах

119

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Дыльнов Геннадий Васильевич
- Заместитель главного редактора**
Вилков Александр Алексеевич
- Ответственный секретарь**
Бегина Ирина Александровна
- Члены редакционной коллегии**
Ивченков Сергей Григорьевич
Калиникова Марина Викторовна
Комкова Галина Николаевна
Кузнецов Игорь Иванович
Шахматова Надежда Владимировна
Шестов Николай Игоревич

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы — Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word предоставляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки предоставляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Корректор

Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 10.06.2012.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Уч.-изд. л. 15,2.

Тираж 500 экз. Заказ 34.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2012

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Selivanova Yu. V. Idea of Progress as a Problem of the Formation of the Domestic Sociological Science History	3
Antonova O. G. S. L. Frank's Position in the History of Sociology	5
Dynov G. V. Reformatory Idea Traditions in the Domestic Sociology of the 19th and Beginning of 20th Century	6
Selivanova Yu. V., Maslennikov V. A. Liberal Measures and Strong Power (B. N. Chicherin as a Theoretician of Social Reforming)	9
Antonova O. G., Vasilyeva E. N. Two-Level Education: Problems and Prospects in Modern Russian Conditions	13
Kalinnikova M. V., Ivchenkov S. G. System of Ecological Education in Globalization Conditions	17
Borodavkina E. E., Dynova Z. M. Theoretical and Methodological Bases of Entrepreneurship Study	20
Dynova Z. M. On Studying Domestic Business Formation Problems	27
Kalinnikova M. V. The Quality of Ecological Consciousness in Modern Russia: Applied Aspect	29
Anikin L. S., Neboga V. S. Role of Regional Authorities in Attraction of Investments into Social Sphere on an Example of the Saratov Region.	31
Krasilnikov O. Yu. The Problems of Application of E-government Conception in Russia	34
Golub O. Yu. General Approaches to the Development of Social Technology for Crisis Communications	38
Dynova T. V. On the Question of the Notion of the Social Government System of a Society	42
Borodavkina E. E. Social Mechanism of Management and Regulation of Russian Labour Market Model	44
Vorobyev V. P., Golubovskaya O. L. Social Portrait of the Consumer of Regional Brands	51
Zubkov V. A. Human Factor as a Basis of Successful Development of the Agrarian Sector of the Saratov Region in the XXI Century	53
Ivchenkov S. G. Subjective Factors of Modern Family Socialization	56
Mogilevich B. R. Text and Social Communication	58
Pashkina T. A. Notion of the Image of a Territory in Modern Science and Practice	63

A Word to Young Sociological Scientists

Lobacheva O. A. Transformational Changes in Russian Language Social Function	66
Kuzmina S. V. The Role of Mass Media in Politician's Image Forming	69
Neboga V. S. Role of Institutes of a Civil Society in Realisation of Social Policy of City Municipality	72

Politology

Chernyshov A. G. Modern Russian Society in Search of Ideology of Development and Elite	75
Danilov M. V. Involvement of Citizens to the Electoral Process: the Importance of Non-political Factors	79
Vestov F. A. Normative, Regulative, Administrative and Enforcing Aspects of Rule-of-law State	83
Chekmarev E. V. The Influence of Political Modernization in the Social Formation and Development of the Political Culture of Young People in the Regions of Russia	87
Zimin V. A. Political Culture as a Factor of Modernization and Social Progress	90
Bichekhovost A. F. Crisis of Legitimacy of Regional Structures Party in Power (Experience of the Saratov Regional Organization of the CPSU 1988–1991)	95
Varfolomeev Yu. V. Political and Legal Responsibility of the Higher Officials of the State After Power Change (on the Example of Activity of Extraordinary Investigation Commission of Provisional Government)	99

A Word to Young Politological Scientists

Poltavskaya Yu. N. Radicalism and Extremism: the Political Meanings	104
Liverko O. V. Peculiarities of Identification Model of «People's» Army during the Post Soviet Period	107
Zhdanov P. A. The Network Structure of the Group of Twenty	110

Appendices

Chronicle	114
------------------	-----

Information about the Authors

119

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316 (470) (09)

ИДЕЯ ПРОГРЕССА КАК ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю. В. Селиванова

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Статья посвящена истории возникновения идеи прогресса, а также специфике ее анализа представителями различных направлений и школ в отечественной социологии. Названы имена выдающихся ученых, внесших значительный вклад в изучение социального прогресса. **Ключевые слова:** история социологии, социальный прогресс, специфика толкования прогресса различными учеными.

Idea of Progress as a Problem of the Formation of the Domestic Sociological Science History

Yu. V. Selivanova

The paper is devoted to the formation history of the idea of progress and peculiar features of its analysis by representatives of different leads and schools in domestic sociology. The names of several outstanding scientists contributed much to the study of social progress are listed.

Key words: history of sociology, social progress, peculiar treatment of progress by different scientists.

Идея прогресса в русской социологии занимает особое место. Она прошла путь от первоначальных форм до обоснованного теоретического утверждения. Теорию прогресса разрабатывали мыслители различных направлений, но более всего – оппозиционеры царского режима, выражая в ней программы радикальных перемен социальной жизни.

Термин «прогресс» появился не сразу, его эволюция связана с прогрессивными изменениями, то есть происходящими в направлении совершенствования общества.

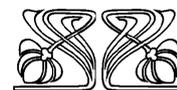
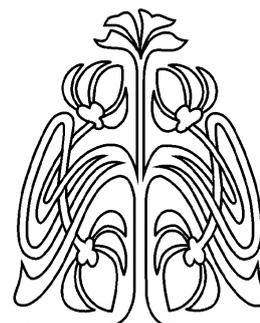
В. Н. Татищев, Я. Н. Козельский, С. Н. Десницкий и некоторые другие социологи XVIII в. одновременно с западноевропейскими социологами (Т. Гоббс, Д. Ж. Вико, И. Г. Гердер, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) и отчасти под их влиянием утверждают принцип историзма.

А. Н. Радищев и декабристы (в особенности П. Пестель и Д. И. Фонвизин) доводят принцип историзма до проектов желаемого переустройства общества.

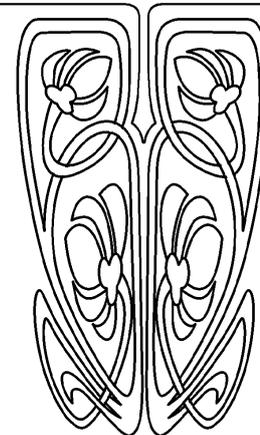
Диалектическая концепция развития, обоснованная Ф. Шеллингом и главным образом Г. Гегелем, вносит радикально новые обоснования во все теории прогресса XIX–XX вв.

Н. И. Надеждин, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, А. С. Хомяков создают разнообразные варианты мирового и русского социального прогресса. Принцип преемственности в историческом процессе становится общепризнанным.

П. Я. Чаадаев считал диалектическую концепцию развития неприменимой для объяснения изменений, происходящих в русской истории (движение вне времени и пространства). С этого периода в русской социологии понимание прогресса разделяется на две несовместимые модели.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Западническая модель строится на универсальных принципах прогресса, принимающих общечеловеческие ценности. Вторая – славянофильская и выводится из признания индивидуализированных социальных общностей, из несопадающих стихий этносов.

Именно здесь, в двойственном понимании прогресса, закладываются исходные посылки последующих решений теории прогресса и полемики вокруг этой проблемы. Понимание прогресса Н. Г. Чернышевским и его единомышленниками не совпадает ни с одним из вышеназванных вариантов. Во второй половине XIX в. теория прогресса опосредуется методологией, с одной стороны, позитивизма, с другой – марксизма. Преобладающая часть мыслителей, разработавших теорию прогресса, принадлежала или в каком-либо отношении примыкала к позитивизму. Идеологи народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский придерживались демократических и социалистических позиций.

Социологи-народники непосредственно совмещали теорию прогресса с основными положениями своих политических программ. Среди социологов славянофильского типа К. Н. Леонтьев существенно отходит от своих предшественников, сделав крайне консервативные выводы, отрицая не только прогресс, но и развитие России («подморозить Россию»).

В начале XX в. образуется еще больше разнообразных социологических школ. Проблема прогресса становится критерием различения теоретических позиций мыслителей. Ковалевский, определяя предмет социологии, заменяет «прогресс» «эволюцией», предлагая, таким образом, усеченное понятие развития.

Следующий шаг в негативном отношении к прогрессу делают обновленцы-неохристиане. Наиболее последовательное отрицание прогресса и рационального понимания развития принадлежит М. А. Булгакову, который понимал историю как трагическое, катастрофическое движение в никуда.

В советское время прогресс понимался как комплексное развитие всех сторон и институтов общества. Категория прогресса перестала быть проблематичной и входила как составная часть в исследования, разрабатывающие диалектическую концепцию развития общества.

В 1960-е гг. появляются специальные исследования по теории прогресса в истории русской социологии (А. Г. Сафронов, А. П. Казаков), а также сводные труды по прогрессу, подводящие итог предшествовавшим исследованиям (В. И. Мишин).

Одной из примечательных черт развития современной российской социологической науки является возрождение интереса к достижениям дореволюционной социологической мысли, в частности к методологии социологических исследований, содержанию социологических теорий,

пониманию русскими социологами места и роли социологии в обществе.

Важной темой социологической мысли выступала проблема прогресса как одна из ключевых и «сквозных» для социологического знания XIX – начала XX в. Историки социологии отмечают, что вплоть до Первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменений, «динамики» и «прогресса», что интерес к человеческой истории и современным социальным проблемам часто приводил их к построению «динамической социологии», в которой структура общества признавалась в известной степени изменяемой. Эта особенность социологии того времени была обусловлена рядом обстоятельств: стремлением ее как возникающей отрасли научного знания обосновать свою научность; попытками определенных социально-политических сил аргументировать, опираясь на идею прогресса, свои политические позиции и программы.

Проблема прогресса разрабатывалась представителями самых разных направлений в русской социологии. Значительное число теорий прогресса поставило задачу их типологизации, решить которую пытались многие ученые – П. Лавров, Н. Кареев, Н. Грот, П. Виноградов, П. Сорокин и др. В качестве оснований для таких попыток выступали прежде всего представления мыслителей о механизме прогрессивных изменений (движущих силах, стадиях, способе преобразований, траектории развития и т. п.).

Наибольший вклад в решение данной проблемы внесли социологи-позитивисты, что отмечалось отечественными историками социологии (Н. Кареев, В. Хвостов и др.). В их трудах получили отражение и проработку разные аспекты проблематики прогресса: субъективизм в познании, роль личности в истории, сущность и содержание социального прогресса и его критериев, роль разнообразных факторов в его детерминации, роль случайности и необходимости в истории и т. п. Позитивистские теории прогресса могут, на наш взгляд, рассматриваться как определенный тип, поскольку, несмотря на неоднородность позитивизма и наличие существенных различий в понимании его представителями отдельных аспектов проблематики прогресса, всем им был присущ единый в главном подход к пониманию природы социальной эволюции. В основе такого понимания находилась эволюционистская теория. Русскому эволюционизму были свойственны те же основные черты, что и западному. Общие положения эволюционизма отличают позитивистское решение проблемы прогресса от ее решения другими направлениями.

Вместе с тем единообразное понимание в главном и основном сущности и механизма социального прогресса не отменяет различий в трактовке разными социологами-позитивистами и их школами частных аспектов проблемы. Данные

различия связаны, на наш взгляд, с особенностями их онтологического и методологического подхода к пониманию социальной реальности. Социологический реализм и номинализм как особые онтологические позиции обуславливали своеобразие представлений о структуре прогрессивного развития, его движущих силах, роли личности в истории, а также в определенной степени специфику методов анализа исторических изменений: реализм требовал объективистского взгляда, номинализм предлагал использовать и «субъективный», оценочный подход. «Реалисты» и «объективисты» в результате подчеркивали объективный характер прогрессивных социальных изменений, а «номиналисты» и «субъективисты» акцентировали внимание на «субъективном элементе» – человеке, его разуме, воле, его благе.

Существенным фактором, влиявшим на содержание теорий прогресса в отечественной социологии, выступали социальные ценности,

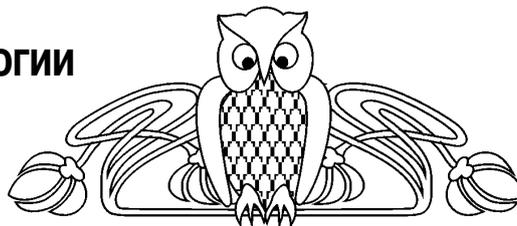
которым были привержены социологи – авторы теорий. Их ценностная ориентация в конечном счете определяла содержание прогрессивных идеалов и критерии приближения к ним, а также оценку реальной истории в плане ее «прогрессивности». Политические позиции и идеологические предпочтения русских социологов, будучи связанными с их отношением к общественному строю в России, решающим образом обуславливали их представления о способах и методах осуществления прогрессивных преобразований. Теоретико-методологические основания теорий прогресса, ценностные ориентации социологов и, как следствие, их представления о механизмах прогресса могут выступать в качестве оснований типологизации этих теорий. На наш взгляд, можно вести речь о позитивистских, антипозитивистских, неопозитивистских, непозитивистских, а также консервативных, либеральных (и либерально-консервативных) и радикальных концепциях.

УДК 316(470)(09)+929 Франк

МЕСТО С. Л. ФРАНКА В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

О. Г. Антонова

Саратовский государственный университет
E-mail: ogantonova@rambler.ru

В статье рассматриваются социологические воззрения известного отечественного ученого С. Л. Франка на сущность прогресса, общественное развитие, нравственность личности как продукт цивилизации.

Ключевые слова: прогресс, социальный прогресс, общественное развитие, отечественная социология.

S. L. Frank's Position in the History of Sociology

O. G. Antonova

The paper considers the sociological views of the prominent domestic scientist S. L. Frank on the essence of progress, social development, the moral of the person as a product of civilization.

Key words: progress, social progress, social development, Russian sociology.

Одной из крупных фигур в плеяде видных представителей русской общественно-политической мысли первой половины XX в., вошедших в историю становления и развития социологии в Саратовском государственном университете, является Семен Людвигович Франк (1877–1950). Приват-доцент Петербургского университета с 1912 г., С. Л. Франк летом 1917 г. по предложению Министерства народного просвещения Временного правительства становится деканом и ординарным профессором только что открытого историко-философского факультета Саратовского государственного университета (до своего отъезда в Москву в 1921 г.), и кроме того, воз-

главляет Саратовское философско-историческое общество.

Творчество С. Л. Франка достаточно многогранно. Его интересовали проблемы, относящиеся к разным отраслям гуманитарного знания, в том числе к социологии. Он внес значительный вклад в разработку проблем общей социологии, предприняв попытку определения задач обобщающей социальной науки. Заметное место в его творчестве занимают проблемы социологии культуры и политической социологии, в частности взаимоотношений личности, общества и государства, возникновения государства и его институтов, политической идеологии, появления такого социального феномена, как деспотизм, становления демократии.

С. Л. Франк исходил из основополагающей идеи личности как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни и образует содержание культуры. Он был убежден, что личность стоит выше государства и никакое государство не может смотреть на нее как на свое орудие. Рассуждая о взаимодействии общества и государства, С. Л. Франк отмечал, что общество на первых ступенях своего бытия живет под действием «обычного права», нормы которого никем не введены, а рождаются произвольно. Из данного состояния оно выходит только под влиянием внешней опасности. Именно тогда появляется государство,

вначале имеющее лишь военно-административное значение, а потом контролирующее все общественные сферы. То есть государство служит не какой-либо чисто внешней и утилитарной цели, а утверждению целостной правды.

Исследуя идеологические течения, Франк обращается к таким понятиям политической жизни, как «правое» (куда он относил подавление свободы мысли и слова, произвол властей) и «левое» (освободительное движение, требование законности). Наряду с этими течениями он предлагал найти место и тем силам, которые, отличаясь умеренностью и стремлением к примирению, ориентировались на реформы. Другими словами, С. Л. Франк отвергал крайности, в том числе революционное переустройство общества. Говоря о бессмысленности и даже вреде всевозможных революционных скачков и других социальных катаклизмов, Франк отдает предпочтение «здравому смыслу», «основанному на жизненном опыте и холодной мудрости». Относительно роли государства в жизни общества он разделял мнение В. С. Соловьева о том, что в функции государства не может входить установление рая на земле, но его задача – предупредить возникновение ада.

К числу основных затронутых Франком тем относятся проблемы России и революции. Опираясь на наследие К. Леонтьева и Н. Данилевского, он строит собственную историософскую концепцию, в которой крушение государственности России предстает итогом всего предшествующего развития не только нашей страны, но и пропитанной духом рационализма, атеизма и человекобожия европейской цивилизации Нового времени. Технократическая, обезличенная, анти-

гуманная по своей сути европейская цивилизация всей историей своего развития подготовила себе подобный финал. Буквальное восприятие самых радикальных идей из общественно-политической мысли Запада русской интеллигенцией, наряду с ее утилитаризмом, материализмом и атеистическим богоборчеством, и предопределило, по мысли Франка, характер русской революции.

Резко критически ученый относился к абсолютному возвеличиванию отдельного человека, партии, учения, считая это провозвестником деспотизма. Он определял деспотизм как господство человека над человеком, неограниченное и руководимое лишь произволом самого господствующего. Избежать этого можно лишь путем развития демократии, назначение которой Франк видел не в передаче власти в руки большинства, а в ограничении каждой индивидуальной воли волей всех остальных членов общества.

Таким образом, социально-политическая теория С. Л. Франка может быть рассмотрена как уникальная в истории отечественной социальной мысли попытка создания на руинах марксистских, позитивистских и либеральных воззрений нового, не имеющего аналогов на европейской арене мировоззрения, своеобразного «религиозного консерватизма», главной особенностью которого стало признание невозможности построения идеальной социально-политической системы и стремление не к абсолютному (и потому недостижимому) идеалу, а к созданию наиболее благоприятных во всех отношениях условий существования каждого индивида в отдельности и общества в целом.

УДК 316 (470)(09)

ТРАДИЦИИ РЕФОРМАТОРСКИХ ИДЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Г. В. Дыльнов

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы общественного реформирования в контексте социологических воззрений.

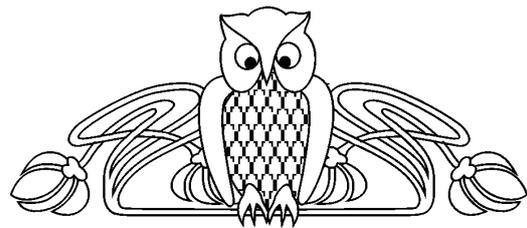
Ключевые слова: общество, преобразования, реформы, способы и методы их осуществления.

Reformatory Idea Traditions in the Domestic Sociology of the 19th and Beginning of 20th Century

G. V. Dylnov

The paper discusses problems of social reforming in the context of sociological views.

Key words: society, transformations, reforms, means and methods of their implementation.

Отечественная социология прошла нелегкий и противоречивый путь. Ее развитие не было гладким и прямолинейным. Будучи органической частью отечественной культуры, социология разделила все превратности ее исторической судьбы. В ее летописях значатся выдающиеся достижения, которые могут быть предметом национальной гордости. Здесь мы найдем имена замечательных мыслителей, которые внесли достойный вклад не только в отечественную, но и в мировую науку. Развитие русской социологии представляет собой пеструю картину с причудливым переплетением самых разнообразных школ и направлений – прогрессивных и реакционных, новаторских и догматических, революционных и консервативных.

В поисках и дискуссиях рождалась отечественная социология со своей тематикой, своими пристрастиями и проблемами. Разумеется, в рамках новой науки, как и в любой отрасли научного знания, развивалось множество школ и направлений, каждое из которых предлагало свою собственную социологическую парадигму. Возникало немало теоретических построений, характеризующихся определенной целостностью, относительной непротиворечивостью, нацеленных на практическое применение.

Главная линия эволюции шла в русле позитивизма, но следует учитывать и довольно сильные антипозитивистские тенденции. Нужно иметь в виду, что «первый позитивизм», идущий от О. Конта, поставив задачу создания социологии как самостоятельной науки со своим предметом и методом, полностью данной задачей не решил. Поэтому на своем раннем этапе новая наука не сумела избежать «детской болезни» редукционизма, то есть стремления присоединить социологию к какой-нибудь группе уже существующих научных дисциплин, имеющих солидную эмпирическую базу, обладающих развитой методологической системой и методологией исследования.

Редукционизм в социологии проявляется в попытках объяснить сложные процессы развития социальных явлений на основе закономерностей, свойственных отдельным сферам общественной жизнедеятельности или общественного сознания, либо природным явлениям. При этом характерно стремление расчленить сложные явления на менее сложные и на основе простых элементов и связей между ними формулировать законы поведения сложных систем. В мировой социологии известны различные виды редукции, наиболее распространены были механический, биологический, географический, экономический, психологический, этический. Те из них, которые имели отношение к природным процессам, объединялись под общим названием социологического «натурализма». Почти все указанные разновидности, хотя и не в одинаковой степени, проявились и в России.

Наряду с этим прослеживается стремление обосновать «суверенность» социологии как самостоятельной науки, отграничить ее от других областей знания в отношении как к предмету исследования, так и к его методу. На Западе такая линия нашла наиболее четкое выражение в социологическом «реализме» Г. Спенсера, в «социологизме» Э. Дюркгейма, в концепциях Г. Зиммеля и Г. Риккерта, а в России – в «эволюционной социологии» М. М. Ковалевского.

Картина эволюции социологической мысли была довольно пестрой – здесь имелось множество мировоззренческих и методологических ориентаций. Но в то же время все эти школы и направления имели и нечто общее, что позволяет трактовать комплекс социологических теорий, возникших в XIX в., как единый социокультурный феномен. Важным стало осознание общественно-

политической значимости социологической науки. Новое понимание выразил Е. В. де Роберти, подчеркнувший, что социологическое невежество должно считаться единственным подлинным источником наших интеллектуальных страданий, нашего морального падения, наших ошибок и социальных бедствий, столь ужасных и разнообразных.

Объективный синтез интеллектуальных тенденций (при всем их разнообразии) способствовал тому, что русская социология сформировалась как самостоятельная динамическая отрасль научного знания. Какие же основные особенности ее характеризовали?

Прежде всего следует отметить, что социологическая мысль с самого начала не замыкается в своих собственных профессиональных рамках и весьма тесно связана с нравственными, эстетическими и социально-политическими исканиями, характерными для русского общества XIX в.

Проблемное поле русской социологии выглядит достаточно пестро: здесь можно найти все, что интересовало передового человека того времени, над чем мучительно бились лучшие умы русского общества. Публицистическая и морализующая тенденции проявились в том, что от социолога непременно требовались четкая позиция по отношению к «жгучим» вопросам и соответствие его теоретических построений высоким нравственным идеалам. Все течения были политически окрашены, все пытались с помощью «позитивных» или иных аргументов обосновать тот или иной вариант общественного переустройства России.

Можно выделить некоторые направления развития русской социологической мысли конца XIX – начала XX в. – социологические теории народников, позитивизм, неопозитивизм, субъективная школа, марксистская социология, неоканитианство, религиозная философия.

В русле этих направлений имелось множество теорий, концепций, идей, которые существенно не отличались не только целями, задачами, содержанием, направленностью, но и формами и методами их реализации, претворения в жизнь. Весьма популярными были идеи народной революции, классовой борьбы, преобразования общества путем революционных потрясений и переворотов, что нашло свое наиболее полное воплощение в ортодоксальном марксизме.

Наряду с этим русская социологическая мысль развивала идеи и искала пути постепенного преобразования общества на демократических началах, без крови и человеческих жертв. Идея реформирования – центральная среди них, именно ей подчинены все богатство идей, выбор путей их достижения. История отечественной социологии богата именами ученых, внесших свой вклад в обоснование необходимости строительства нового общества путем разносторонних и глубоких реформ. Покажем это на двух примерах.

Обратимся прежде всего к русской школе социологии права, сформировавшейся на рубеже XIX–XX столетий. Она вобрала в себя богатство идей и общественных деяний разных ученых. Среди них назовем М. М. Ковалевского, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, П. Н. Миллюкова, П. И. Новгородова, Б. А. Кистяковского, В. М. Хвостова и др.

Генезис основных направлений отечественной социологии права проходит в сложных драматических условиях противоречивого развития пореформенной России. На процесс их формирования самым существенным образом влияли социальные конфликты, борьба консервативных и либеральных, реакционных и революционных, анархистских и этактических тенденций в общественной жизни страны.

Наряду с консервативно-охранительными и леворадикальными течениями в пореформенный период значительную историческую роль играло либеральное направление – так называемая государственная школа. На основе исторического и социологического анализа видными деятелями этого направления был разработан альтернативный вариант политико-правовых реформ.

Существенную роль в осмыслении особенностей политико-правового развития российского общества сыграли творческие поиски позитивистов, заслугой которых явилась теоретическая разработка концептуальных основ «теории факторов» и плюралистического подхода к изучению процессов социальной эволюции на основе социокультурной и политической динамики русского общества.

Своеобразная интерпретация движущих сил и закономерностей политических и правовых процессов в пореформенной России содержится в трудах представителей неокантианства. Особое значение имеет их научный вклад в разработку теоретических основ формирования конституционного строя и подлинного правопорядка в конкретных условиях российского общества.

Подчеркнем еще раз, что практически весь комплекс политико-правовых учений, о которых

велась речь выше, опирался на идеи умеренных реформ, которые должны были привести к ограничению самодержавия и постепенному становлению конституционного строя.

Далее остановимся на характеристике взглядов отечественного социолога начала XX в. А. А. Богданова. Причем обратим внимание на неоднозначность его позиций в отношении способов и путей достижения общественных идеалов.

Включившись в рабочее движение России в 90-е гг. XIX в., А. А. Богданов становится с 1904 г. одним из руководителей большевистского крыла РСДРП, вторым после Ленина человеком в партии. Но в результате политических и мировоззренческих разногласий он навсегда порвал с большевизмом.

Как известно, мировоззрение Богданова формировалось под воздействием передовых научно-технических и общественно-политических теорий XIX – начала XX в., а также гуманистических традиций русской общественной мысли.

Общественный идеал А. А. Богданова – социализм, понимаемый как коллективистский строй, основанный на научно организованном труде и сознательно товарищеских отношениях. Здесь стержневым принципом выступают нравственные критерии – доверие, взаимопонимание, братская солидарность, взаимопомощь свободных людей, стремящихся к сознательной гармонии жизни.

Развитие социально-политических взглядов А. А. Богданова под влиянием его нравственных, гуманистических убеждений привело его к отрицанию насильственных способов преобразования общества и диктатуры, которая «держится на штыках». Он стремился социологически обосновать эволюционный путь совершенствования и переустройства социальных отношений, выдвигая на первый план демократические реформы, просвещение и воспитание трудящихся, в первую очередь формирование новой организационной культуры. Обоснованию этих своих идей он посвятил главный труд своей жизни «Тектология».

УДК 316.334+929 Чичерин

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МЕРЫ И СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ (Б. Н. ЧИЧЕРИН КАК ТЕОРЕТИК СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ)

Ю. В. Селиванова, В. А. Масленников

Саратовский государственный университет
E-mail: vanvim@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды выдающегося русского социолога и политического деятеля Б. Н. Чичерина и предложенные им формы социального реформирования. Подчеркивается значение идей ученого в контексте стратегии и тактики экономической и социально-политической модернизации российского общества.

Ключевые слова: Б. Н. Чичерин, социальные реформы, русский либерализм.

Liberal Measures and Strong Power (B. N. Chicherin as a Theoretician of Social Reforming)

Yu. V. Selivanova, V. A. Maslennikov

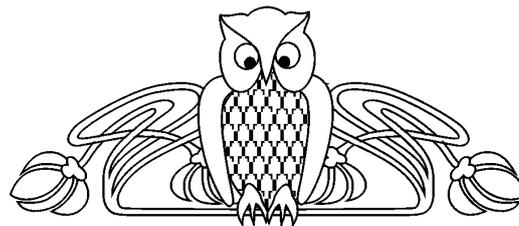
The paper considers the outstanding Russian sociologist and political figure B. N. Chicherin's views on the ways and forms of social reforming. The significance of the scientist's ideas in the context of the strategy and tactics of economical and sociopolitical modernization of the Russian society is emphasized.

Key words: B. N. Chicherin, social reforms, Russian liberalism.

В феврале 2011 г. общественность нашей страны отмечала знаменательную дату – 150-летие падения крепостного права в России. Об этой реформе написано и сказано очень много. В частности, великий русский историк В. О. Ключевский утверждал, что в прошлом русского государства не было «другого события, одинаково важного по своему историческому значению»¹. В отечественной историографии можно найти различные оценки Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. – от восторженных до более сдержанных и критических.

Можно, конечно, по-разному относиться к реформам, осуществленным в царствование Александра II, с различных позиций оценивать их результаты и последствия. Как любое крупное общественное явление, они имеют как положительные, так и негативные аспекты. И если говорить о положительных аспектах, то они во многом определяются научной и публицистической деятельностью либеральной общественности накануне и в период проведения реформ. Причем речь идет не столько о прямом влиянии на правительство, сколько о формировании определенного общественного фона, благоприятствующего преобразованиям.

Видное место среди идеологов русского либерализма занимал Б. Н. Чичерин (1828–1904) – выдающийся ученый-юрист, философ, со-

циолог, публицист. Главная задача, которую он стремился решить на протяжении всего своего долгого творческого пути, – выяснение особенностей и перспектив исторического развития русского общества и русской государственности. Ему принадлежит заслуга разработки стратегии и тактики всесторонней модернизации России, последовательного реформирования всех сторон общественной жизни.

Наряду с К. Д. Кавелиным Чичерин явился основателем и наиболее видным представителем государственной (юридической) школы в отечественной историографии. Это была первая научная школа, обратившаяся к проблеме органической взаимосвязи истории (в данном случае – истории государства и права) и социологии. Основа социологической концепции Чичерина – идея главенствующей роли государства в историческом развитии русского общества. Государство, по его определению, – высшая форма общежития, которая обеспечивает гармоническое сочетание свободы с разумным порядком, защиту политических и гражданских прав личности.

Социологическая концепция Чичерина определялась его философскими взглядами. Испытав в молодости глубокое влияние Гегеля, он в течение всей своей жизни оставался виднейшим представителем гегельянства в России, его выразителем прежде всего в социально-политической сфере. Гегелевскую диалектику Чичерин рассматривал как универсальный метод систематизации исторического и социально-правового знания для построения общей теории общественного развития. Эта теория должна была стать основанием для стратегии и тактики сознательного, разумного преобразования общественных отношений. Гегельянство, подчеркивал историк русской философии В. В. Зеньковский, дало Чичерину свою «великолепную форму», но философская интуиция его была самостоятельной и творческой. «За гегельянством Чичерина оказывается его собственная, оригинальная, смелая и творческая мысль»².

Вопросы социальной эволюции затрагиваются во многих произведениях Чичерина. В общем виде данная проблема рассматривается в его работе «Социология», которая является второй частью трилогии «Курс государственного права» (1894–1898). В пятом разделе этой работы Чичерин излагает свои взгляды на социальную структуру и закономерности развития человеческого общества.

Не вдаваясь в детали, отметим, что автор видит суть истории в преемственности поколений, передаче накопленного опыта (прежде всего духовного) новым поколениям, приходящим на смену старым. Нормальный путь исторического развития – эволюция, которую автор противопоставляет «революционным переломам жизни»³. Чичерин подвергает суровой критике позитивистские теории общественного развития, прежде всего учение авторитетного в тот период английского ученого Г. Спенсера. Спенсер, разработавший теорию социальной эволюции, выделял в этом процессе два аспекта – интеграцию и дифференциацию. Английский мыслитель вывел «формулу эволюции»: интеграция материальных и социальных элементов превращает «бессвязную однородность» в «связную разнородность». Но желая избежать вывода о консервации равновесной системы, он ввел понятие «распадения», дифференциации, возникновения новых элементов, а затем их интеграции на новом уровне. В этом и состоит, по Спенсеру, суть динамики материальных и социальных систем.

Такое понимание процесса эволюции не удовлетворяло Чичерина, он отмечал неспособность теории Спенсера объяснить качественные изменения в развитии общества. Механический круговорот интеграции и распада системы он считал «бессмысленным», ничего не говорящим о сути общественных процессов⁴. Чичерин призвал видеть в социальной эволюции сознательное, разумное начало, тот «духовный элемент», который свяжет общество в единое целое (причем речь идет не только о его современном состоянии, но и о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего)⁵.

Важнейший аспект гегелевской системы, привлекающий Чичерина, – мысль о том, что закон разума и есть основной закон материального мира, а следовательно, и социальной жизни. «Все историческое развитие, – писал по этому поводу русский мыслитель, – получало для меня смысл; история представилась мне действительным изображением духа, излагающего свои определения по присущим ему вечным законам разума»⁶. Но согласно диалектике всемирного исторического процесса, разработанной Гегелем, высшей формой воплощения «абсолютного разума» является государство. Без учета взглядов Чичерина на роль государства невозможно адекватно понять его концепцию социальной эволюции в целом и общественного реформирования в частности.

История, как утверждал Чичерин, – это закономерный процесс совершенствования самого государства и развития общества с помощью и под руководством государства. Венчает этот процесс формирование гражданского общества. Таким образом, развитие государственного начала само по себе не составляет цели и смысла исторического процесса. В отличие от философии Гегеля основным понятием политико-правовой и социологиче-

ской концепции Чичерина выступает человеческая личность. Именно государство способно и обязано обеспечивать законные права и свободы личности. Только в государственной системе могут реализоваться примирение и интеграция основополагающего для либерализма начала свободы с не менее важным началом власти и закона.

А отсюда и уверенность идеологов русского либерализма в том, что именно государство является реальным фактором преобразования общества. Оно выступало подлинным «демиургом», двигателем эволюции, под которой понимается нормальный, мирный, ненасильственный путь изменений. Другие общественные силы не способны выполнить эту роль – такой вывод вытекал из исследования русской истории. Меньше всего, в отличие от славянофилов и их последователей, они полагались на народ как таковой, на устремления и «инстинктивные» желания масс. Русское крестьянство, безусловно, являлось хранителем традиционных нравственных начал, но его политическое сознание находилось на уровне самых примитивных, архаических представлений. Народная стихия, представленная самой себе, могла проявляться, по мнению либералов, лишь в бессмысленном, анархическом разгуле, в «пугачевщине».

Наилучший вариант реформирования возможен в таких условиях, когда государство опирается на «средние классы», под которыми Чичерин подразумевает средние имущественные слои населения, выступающие наиболее надежной опорой государственного правопорядка. «По существу своему средние классы стремятся не столько к власти, сколько к свободе, необходимой для развития труда и промышленности»⁷. Отсутствие или слабость средних, обеспеченных классов непременно ведет к беспощадной борьбе между бедными и богатыми, которая не имеет исхода. «Бедная страна не может быть свободной страной»⁸, – констатирует Чичерин. И только средние классы способны объединить и сплотить общество, обеспечить завоевание политических свобод не путем революционной борьбы, а при помощи реформ, взаимных уступок и компромиссов.

Так обстояло дело в Западной Европе. В России все складывалось по-другому. Средние слои здесь были незначительны и слабы, не обладали политическим опытом. Попытки опираться на массы, призывать к каким-то массовым акциям представлялись либералам бесперспективными, опасными и даже преступными. Отсюда и неприемлимое отрицательное отношение Чичерина и его единомышленников (например, Кавелина) к радикальным движениям 1870–1880-х гг. Подлинной силой, способной провести преобразование в нужном духе, по их мнению, выступает власть, поэтому либералы просто обязаны настойчиво искать подходы, позволяющие направить события в нужное русло. Главная их задача – подсказывать правительству самые разумные и безопасные

способы реформирования. Поэтому вряд ли соответствует действительности расхожее мнение о Чичерине как апологете абсолютизма – он прекрасно понимал, что реформирование гораздо эффективнее в условиях конституционного строя. Но за неимением такового в России приходилось использовать возможности «просвещенного абсолютизма». И приверженность идеологов либерализма самодержавию, сотрудничество с ним определялись в той мере, в какой оно содействует реформам, обеспечивая тем самым приближение конституционного строя.

В общественном движении 1850–1860-х гг. – на историческом переломе, в преддверии и в период осуществления реформ – Чичерин вместе с Кавелиным и ряд других видных деятелей возглавили либеральную партию (конечно, не организацию, а группу единомышленников) и наметили основные пункты программы реформирования российского общества. Характерно, что изложена эта программа была не в российских изданиях, а за рубежом – в издаваемых Герценом в Лондоне «Голосах из России». Чичерин утверждал, что пришла пора сделать решительные шаги по пути освобождения народа, «искупившего свои анархические стремления» многовековым подчинением железной государственной дисциплине и тем самым доказавшего «способность к политической жизни». Важными тактическими пунктами являлись предложения о введении свободы совести, свободы общественного мнения и книгопечатания. Чичерин стремится уверить «верхи», что все надежды обращены именно к ним и что об ограничении самодержавия не может быть и речи. Он отмежевывается от революционно-демократического лагеря и резко осуждает радикалов за призыв народа «к топору». Но, с другой стороны, он предупреждает правительство о том, что промедление с реформами чревато потерей инициативы «верхов» в проведении преобразований и даже грозит революцией⁹.

Эти идеи в целом совпадали с линией, проводимой верховной властью. Отсюда и сближение позиций молодого профессора-либерала и либерально настроенного в тот период Александра II. В одном из писем Б. Н. Чичерина его брату Василию, служившему в Министерстве иностранных дел, и содержалась знаменитая фраза о том, что «в настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть»¹⁰. С этим письмом Василий Чичерин ознакомил министра А. М. Горчакова, и тот предложил автору письма развить свою концепцию подробнее, чтобы рекомендовать ее Александру II.

Чичерин разъяснял свою хитросплетенную формулировку следующим образом: «...либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права граждан, охраняющие свободу мысли и совести, дающие возможность высказываться вам законным желанием, – сильная власть, блю-

стительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархистских стихий и против воплей реакционных партий»¹¹.

Как же воспринимала верховная власть позицию Чичерина и прочих либералов? Единственное, что понравилось Александру II в письме московского профессора, – это требование сильной власти. Уловив главную идею рассуждений Чичерина, скрытую за множеством оговорок – призыв к самоограничению царской власти, – император поручил князю Горчакову передать автору письма, что «касаться самодержавия не должно».

Для Чичерина на данном этапе было важно начало реального процесса реформирования, способного привести к коренному изменению социально-политического строя России. Поэтому отмена крепостного права в 1861 г. им воспринята как «заря новой жизни». «Вот мера, – писал он, – вполне либеральная, которая соответствует самым существенным потребностям России»¹². Но он отчетливо понимал, что это лишь первый шаг на пути преобразований. В этот период Чичерин приступил к чтению лекций по истории политических учений в Московском университете. Университетскую кафедру он использовал как трибуну для пропаганды своих взглядов. Молодой профессор-либерал открыто и настойчиво доказывал необходимость продолжения реформ. Он сознавал шаткость нововведений, державшихся лишь на обещаниях правительства, и поэтому предлагал ряд конкретных форм и способов закрепления и расширения «либеральных мер», направленных на изменение общественного строя России. С одной стороны, Чичерин призывал общество не торопиться, не забегать вперед и «поддерживать начинания правительства», а с другой – советовал последнему не останавливаться на полпути, отмежеваться от реакционеров, в руках которых «существующий порядок обречен на падение»¹³.

В публицистических статьях, собранных в книге «Несколько современных вопросов» (1862 г.), Чичерин утверждал, что наступила пора постепенного «приобщения» к управлению «всех живых сил народа», способных служить «задержкою, если правительство пойдет по ложному пути». Он отстаивал необходимость разделения властей, особенно независимость суда от администрации, насколько это возможно в условиях самодержавия, а также развитие действенного местного самоуправления.

Чичерин, безусловно, осознавал, что принцип разделения властей противоречит природе абсолютизма, но, очевидно, надеялся, что последовательно осуществляемая серия реформ

сможет постепенно привести самодержавие к конституционному правлению, подготовить и развить в недрах старой формы государства костяк новой. С этой целью Чичерин полагает необходимым созвать законосовещательное двухпалатное собрание: верхняя палата образуется на базе Государственного совета из назначаемых правительством чиновников, нижняя – из представителей дворянства и буржуазии, которые должны, тем не менее, представлять интересы всего народа, а не отдельных сословий. Чтобы не спугнуть царизм, он спешит заверить, что такое собрание «не представляет ничего несовместного с самодержавием»¹⁴.

Но уже очень скоро Чичерину, как и другим либералам, пришлось в полной мере испытать горечь разочарования. Постепенно он убеждался, что самодержавие не способно осуществить намеченный курс реформ и все больше склоняется к реакции. В 1866 г. Чичерин обличал губительное лицемерие власти, поклоняющейся либеральным идеалам «при скрытой к ним вражде. Это делает бесплодными все усилия честных людей, примыкающих к правительству и готовых помочь ему в восстановлении порядка»¹⁵. Однако его убежденность в необходимости продолжения реформ остается неизменной. На рубеже 1870–1880-х гг. в условиях социально-политического кризиса Чичерин считал промедление с конституционными реформами все более опасным, чреватым революционным взрывом. Поэтому ограничение самодержавной власти, о чем еще в 1862 г. он писал как о потребности ближайшего будущего, теперь, по его мнению, становится «насушной потребностью дня», иначе Россия неизбежно придет «к материальному и нравственному банкротству»¹⁶.

В марте 1881 г., в разгар кризиса самодержавия, вскоре после убийства Александра II, Чичерин направил К. П. Победоносцеву знаменитое письмо под заглавием «Задачи нового царствования»¹⁷. В этом документе он убеждает правительство, что одними репрессиями нельзя спасти положение, что время полумер прошло, мелкие реформы уже не могут служить лекарством «против зла». В условиях деспотизма и отрыва правительства от общества все эти «послабления», по его мнению, уже недостаточны и только еще больше «расшатывают» общество, усиливают «нигилизм». Надо более решительно продолжать реформы. В экономической сфере Чичерин предлагал выкорчевывать пережитки феодализма, главный из которых – фактическое «закрепощение» крестьянина в общине посредством круговой поруки. Без полного освобождения крестьянства невозможны «никакие хозяйственные успехи». В политической сфере Чичерин проводит мысль о том, что назрела необходимость «призвания» выборных от дворянства и от земства и создания совещательного собрания, способного в перспективе превратиться в полноправный законодательный орган.

Однако в этот период правительство отвернулось от либералов. Победоносцев назвал предложения Чичерина «льстивыми» и «обманчивыми»¹⁸. Предупреждения здравомыслящих людей не были услышаны верховной властью. Такая позиция привела к тому, что в этот период, по выражению историка русского либерализма В. В. Леонтовича, стала «разверзаться пропасть между общественностью и государственной властью»¹⁹. Эта пропасть неуклонно расширялась, что и послужило одной из причин революционных событий 1905 и 1917 гг.

В конце своей жизни Чичерин был свидетелем неудержимого нарастания революционного движения и бессилия правящей верхушки, в которой он видел лишь «отребье русского народа». В публицистических статьях, издаваемых за границей, ученый предсказывал неизбежность крушения самодержавия. Его угнетала мысль о нереальности мирных, ненасильственных перемен в общественной жизни России. Осознавая пагубность самодержавного правления, Чичерин в то же время страшился революционного кровопролития, а в либеральных кругах не видел силы, способной ограничить абсолютизм «сверху». Отсюда «его разочарование и пессимизм, погружение в философию и естествознание в последние годы жизни»²⁰. В связи с этим можно привести высказывание выдающегося русского философа Е. Н. Трубецкого о том, что жизнь Чичерина – «необыкновенно грустная страница из истории русской культуры <...> Чичерин пришелся не ко двору в России и был выброшен жизнью за борт, потому что был слишком кристальный, гранитный и цельный человек»²¹.

Далеко не все замыслы и идеи отечественных мыслителей XIX в. были воплощены в жизнь. Но это не обесценивает их в глазах людей XXI столетия. Напротив, концептуальные положения и выводы, которые содержатся в трудах Б. Н. Чичерина и его единомышленников, приобретают особое значение в условиях модернизации современного российского общества. В трудных исторических условиях, действуя в рамках возможного, Чичерин сумел наметить и проанализировать важнейшие теоретические аспекты и стратегию и тактику социальных преобразований. Это прежде всего системный подход ко всему комплексу реформ, когда преобразование рассматривается как целостный динамичный процесс. Для того чтобы реформы дали оптимальный результат, полагал русский мыслитель, они должны отвечать таким требованиям, как своевременность, конструктивность, наличие четко продуманных теоретических концепций и конкретных планов реформаторской деятельности. Он выделил также ряд интересных и с точки зрения нынешнего дня актуальных положений по тактике преобразований, в частности о необходимости их ориентации на широкие социальные слои, постоянной корректировки направления реформ, сроков, темпов и методов их

реализации в соответствии с импульсами, идущими от общества. Последнему обстоятельству Чичерин придавал особое значение. Он считал необходимым создание в российском обществе постоянно действующих социальных механизмов и форм влияния со стороны прогрессивной общественности на власть с целью пробуждения ее к своевременной и адекватной реакции на «вызовы времени».

Стремление ко всеобщему благу определяет то пристальное внимание, которое Чичерин и другие идеологи либерализма уделяли разработке правовых основ реформирования российского общества. Они четко осознавали, что успешные и плодотворные реформы возможны только в условиях правозаконности, когда позитивные результаты социальных преобразований последовательно закрепляются в практике законодательства и правоприменения. И, наконец, Чичерин убедительно доказывал необходимость разумного соотношения конкретных частных целей реформирования с конечным идеалом. Самим своим существованием социальный идеал зовет к переменам в общественной жизни, детерминирует усилия реформаторов, увлекающих за собой народные массы, определяет гуманистический характер намеченных преобразований.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обращение к творческому наследию Бориса Николаевича Чичерина – ученого, философа, патриота, неутомимого искателя истины и борца за свободу, социальную справедливость и правозаконность – может быть чрезвычайно полезным на современном этапе, когда речь идет о разработке программы широкомасштабных экономических и социальных преобразований, программы научно обоснованной, реалистичной и вдохновляющей, пронизанной светом социального идеала.

УДК 316.334:37

ДВУХУРОВНЕВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

О. Г. Антонова, Е. Н. Васильева

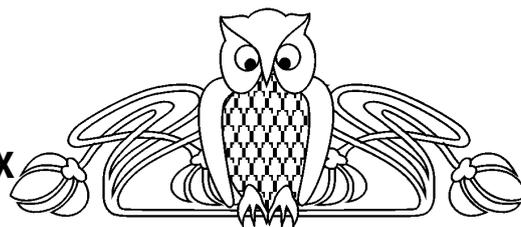
Саратовский государственный университет
E-mail: ogantonova@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с переходом на двухуровневую систему образования в современных российских условиях. Целью данного исследования является анализ происходящих изменений в вузах страны, существующих тенденций и возможных последствий.

Ключевые слова: образовательный процесс, двухуровневое образование, качество обучения, реформы высшей школы.

Примечания

- 1 Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 463.
- 2 Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 166.
- 3 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. . М., 1894–1898. Ч. 2. Социология. С. 349.
- 4 Там же. С. 351.
- 5 Там же. С. 355.
- 6 Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 97.
- 7 Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 615.
- 8 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. С. 204.
- 9 См.: Зорькин В. Д. К вопросу об оценке политических взглядов Б. Н. Чичерина // Вестн. Моск. ун-та. 1967. № 4. С. 67–68.
- 10 Чичерин Б. Н. Воспоминания : в 4 т. М., 1929–1934. Т. 3. С. 24.
- 11 Зорькин В. Д. Чичерин. М., 1984. С. 80.
- 12 Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 3. С. 31.
- 13 Там же.
- 14 Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 129.
- 15 Чичерин Б. Н. О народном представительстве. С. 530.
- 16 Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России. М., 1878. С. 30.
- 17 Победоносцев и его корреспонденты. М. ; Пг., 1923. Т. 1. С. 104–120.
- 18 Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 4. С. 131.
- 19 Леонтович В. В. История либерализма в России : 1762–1914. М., 1995. С. 339.
- 20 Зорькин В. Д. К вопросу об оценке политических взглядов Б. Н. Чичерина. С. 74.
- 21 Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 155.

Two-Level Education: Problems and Prospects in Modern Russian Conditions

O. G. Antonova, E. N. Vasilyeva

Transitions to two-level education problems in modern Russian conditions are examined in the present article. The aim of the current research is the analysis of the changes in countries higher education, current trends and possible consequences.

Key words: educational process, two-level education, quality of education, higher education reforms.

Согласно закону о переходе на двухуровневую систему высшего образования все российские вузы будут готовить студентов по программам бакалавров и магистров¹. Перед высшей школой встал вопрос, как выстроить новую конкурентоспособную систему образования, сохранив при этом лучшие черты традиционной российской высшей школы. Как известно, бакалавриат и магистратура представляют собой две самостоятельные ступени высшего образования. Правда, специалистами будут считаться только обладатели «корочки» магистра. В магистратуру поступают на конкурсной основе, тогда как в бакалавриат абитуриентов принимают по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ). При этом в некоторых вузах сохраняется привычная форма высшего образования – подготовка дипломированных специалистов. Такое исключение сделано для студентов творческих, медицинских и некоторых военных вузов.

Ныне основная часть студентов идет по линии бакалавров. Известно, что в США в магистратуру поступает обычно не более 30% выпускников бакалавриата. Бакалавриатом будут охвачены социально-экономическая и гуманитарная системы подготовки, часть естественно-научных и инженерно-технических специальностей, которые связаны с подготовкой эксплуатационников – так называемых линейных инженеров, не принимающих стратегических решений.

Массовость высшего образования приводит к отсутствию каких-либо квалификационных ограничений, в результате чего в вузы попадают функционально неграмотные абитуриенты. В связи с введением бакалавриата и магистратуры должна измениться эффективность подготовки, которая зависит не от срока, а от способа обучения. Образовательная задача бакалавриата, рассматриваемого как полноценное высшее образование, состоит в формировании базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций. Люди, имеющие диплом бакалавра, будут готовы к профессиональной деятельности в качестве технологов, линейных руководителей производства. Обучение в магистратуре должно быть направлено на подготовку креативного класса специалистов, способных к решению более сложных задач.

Главным требованием становится то, что руководство вузов и работодатели должны работать сообща. Только совместными усилиями вузовского сообщества и работодателей можно подготовить востребованных специалистов. И крупные предприятия, и ассоциации малого и среднего бизнеса будут не только участвовать в традиционной студенческой практике, принимая у себя будущих специалистов, но и реально входить в учебный процесс, помогать вузам материально, ориентировать будущих специалистов на те или иные конкретные рабочие места.

Главным принципом Болонского соглашения, как известно, является внедрение системы за-

четных единиц (ECTS – European Credit Transfer System)². Данная система начинает работать там и тогда, где и когда организаторы и исполнители создают на практике образовательную программу, которая нацелена на реализацию базовых преимуществ двухуровневого образования. В их числе, например, обеспечение «индивидуальной образовательной траектории» обучения студента внутри вуза и за его пределами. Речь идет о предоставлении студентам реальной возможности выбирать подходящую траекторию обучения: модули, комбинации учебных курсов (часть которых можно «взять» в других вузах – российских или европейских) в соответствии со своими способностями, интересами, в том числе с ориентацией на запрос работодателя.

От качества построения системы зачетных единиц зависит то, как будет (и будет ли вообще) отстроена последующая цепочка нововведений: кредитно-зачетная система – модульное построение учебного процесса – возможность индивидуальной траектории обучения – внутривузовская и межвузовская мобильность образовательных программ – полноценное международное сотрудничество и т. д.

Переход с пятигодичного обучения на четырехгодичное – сложный процесс. Дело в том, что реформа образования предполагает финансовое вливание. Причем оно должно ощущаться там, где непосредственно осуществляется образовательный процесс, то есть в вузах. Речь идет не об автоматическом увеличении зарплаты преподавателей, а о финансовых инструментах, позволяющих стимулировать и направлять процесс в русло заданных целей. Экстенсивная модель меняется на интенсивную – количество часов, проведенных в аудитории, не является, строго говоря, критерием качества. Ведь меняется сам критерий: раньше в основу оценки качества подготовки специалиста ставилось знание, сейчас – компетенция. Если знание – это способность студента выразить тот набор информации, который передал ему преподаватель или он сам почерпнул из книг, а потом изложил на экзамене, то компетенция – это интегративное качество выпускника, которое выражается в способности эффективно действовать, решать определенный набор профессиональных задач разной сложности в стандартных и нестандартных ситуациях.

Парадоксом новой системы выглядит аудиторная нагрузка преподавателей. Примерная нагрузка в магистратуре – от 14 до 18 часов в неделю по разным магистерским образовательным программам, в бакалавриате – 29–34 часа, то есть нагрузка преподавателей, работающих в магистратуре, меньше, чем нагрузка преподавателей в бакалавриате и тем более на специалитете. Однако изменяется содержание учебного процесса в магистратуре, как изменяется и само взаимодействие магистрант – преподаватель³. Значительная часть времени посвящается индивидуальной научно-исследовательской работе, консультациям, обсужде-

нию текстов и т. д. Статус консультации в рамках двухуровневой системы образования существенно повышается. Это не просто консультация перед экзаменом в привычном смысле слова, а еженедельное регулярное консультирование силами преподавателей всего состава магистрантов по самому широкому кругу вопросов – от помощи в усвоении трудных вопросов темы до написания статей и диссертаций.

Еще один важный принцип двухуровневого образования – то, что вопрос самостоятельной работы магистранта решается через создание каждым преподавателем электронного динамического курса, который позволяет фиксировать долю участия и успешность освоения предмета каждым магистрантом. Для того чтобы электронные курсы заработали у нас, преподаватели должны их разработать. А это значит, что преподавателю для создания качественного электронного продукта, помимо тех часов, которые он проводит в аудитории, необходимо найти значительное по объему время.

Электронный курс не аналогичен учебнику, он, хоть и содержит объяснения, все же ближе к задачку с набором методически продуманных профессиональных задач-головоломок. Преподаватель, предлагая свои услуги, демонстрирует и свой набор обучающих электронных курсов. Теперь его профессионализм оценивается не только по тому, какие статьи он написал или какую издал книгу (хотя это тоже важно), но и по тому учебно-методическому обеспечению, которое он прилагает к данной дисциплине.

В новых условиях изменяется система оценки как качества работы преподавателя, так и результата обучения магистранта. Важно включить магистранта в коммуникативное поле научно-исследовательского коллектива, помочь ему освоиться в команде профессионалов. Здесь ценно воспроизведение компонентов интеллектуальной коммуникации – участие в дискуссиях на «круглых столах», проба сил в качестве модератора, выступление на конференциях, обсуждение публикаций и т. д. Именно такие формы организации учебного процесса подстраиваются как раз к компетенциям, а не к простому изложению знаний. Они-то и меняют содержание образования, делают его современным.

Необходимо изменение роли УМО, которые должны стать центрами, объединяющими усилия государственных организаций, профессиональных ассоциаций, работодателей, широких кругов общественности в реформировании высшего образования. Важность приобретают создаваемые совместно с профессиональными ассоциациями и ведущими работодателями центры анализа компетенций на основе изучения потребностей рынка труда.

Итак, если специалитет соответствовал приоритетам индустриального общества, то двухуровневое образование – постиндустриального. Процесс подготовки специалистов в этих условиях должен быть, во-первых, куда более

динамичным и, во-вторых, предполагать совсем иной тип мобильности, который существенно изменяет само содержание образования. Прежнего, пусть и досконального знания чего-то одного уже недостаточно, подготовка специалистов должна быть перенацелена. Система бакалавриат – магистратура придает образовательному процессу несколько измерений мобильности: по горизонтали, по вертикали, внутри образовательного учреждения и вовне. В конечном итоге она расширяет возможности самого выпускника вуза в пространстве предложений и вызовов⁴.

Если говорить о сложившемся положении вещей в этом вопросе в нашей стране, то следует отметить следующее. Сопоставление сведений из национального доклада Российской Федерации со сведениями из национальных докладов других стран-участниц за 2009 г. показывает, что по десяти основным позициям Россия отстает (за исключением трех позиций) от среднего показателя. Конкретно, по показателю внедрения двухуровневой системы Россия получила самый низкий балл из 46 стран⁵.

Так, всего в 2007 г. более 92% студентов российских вузов обучались на специалитете, в бакалавриате – более 7%, в магистратуре – 0,5%. Данные за 2010 г. ненамного выше, но уже в 2011 г. абсолютное большинство вузов перешло на двухуровневую систему подготовки. Это скоростное переключение и стало самым сложным, критическим моментом в реформе высшего образования, так как сам по себе переход еще не гарантирует автоматического изменения содержания подготовки специалистов.

Основная проблема – как построить образовательный процесс, чтобы позволить выпускнику российского вуза конкурировать с выпускником вуза европейского по критериям европейского образовательного пространства. На этом пути пока много нерешенных проблем – и внутривузовских, и тех, которые возникают из-за непоследовательности Министерства образования и науки РФ и отсутствия консолидированного мнения по этому вопросу в обществе в целом. Решение принималось не преподавателями и вузами, а сверху, по устоявшейся российской схеме. Именно то, что решение не было мотивировано консолидированным мнением преподавательского сообщества, порождает трудности и проблемы переходного периода.

Сторонники реформы считают, что единые европейские стандарты позволят студентам расширить свои возможности. Бакалавр, выученный в российских вузах, сможет продолжить образование, скажем, в Сорбонне. Кроме того, реформа разрешит вечную дилемму – учиться или работать. Студенты смогут выбрать – посвятить себя работе, имея диплом бакалавра, или поступать в магистратуру. При этом они экономят время, если вдруг понимают, что учатся «не на того». К явным преимуществам двухуровневого образования относится то, что оно лучше встраивается в перманентно изменяющийся социальный запрос.

В то же время эксперты утверждают: почти 80% российских вузов в 2009 г. было настроено против внедрения европейской системы образования⁶. Основные нарекания вызывает невозможность подготовить грамотного специалиста за столь короткий период, если даже за пять лет это сделать нелегко. Схему бакалавриата – магистратура будет крайне трудно реализовать на российской почве, так как в России найдется мало вузов, которые смогут, не снижая качества образования, за три-четыре года выпустить квалифицированных специалистов. Сжатые сроки, в которые вузы должны перепрофилироваться, по мнению экспертов, приведут только к халтуре. Есть предположение, что многие учебные заведения просто разделят уже имеющиеся дисциплины на две части и первую будут проходить в так называемом бакалавриате, а вторую – в так называемой магистратуре.

Некоторые эксперты считают, что реформа высшей школы не превратит отечественных студентов в европейских и к зарубежной системе образования мы не приблизимся, поскольку у нас образовательные стандарты не согласованы с европейскими и даже нет единых учебных курсов.

Серьезная проблема заключается также в том, что общество не понимает причин внедрения двухуровневой системы образования в вузах. Сегодня в обществе бытуют разные мнения по поводу введения бакалавриата и магистратуры. Большинство вузовского сообщества считает, что при современном уровне российского образования без фундаментальной науки сложно представить прорыв в каких-либо направлениях космоса, физики элементарных частиц, живой материи и др. В общем, в некоторых областях – математике, физике и даже ряде гуманитарных специальностей – нужны фундаментальные знания. Бакалавриат этого, разумеется, не даст. Что касается экономических наук, то сегодня распространена точка зрения, что здесь бакалавриат возможен, для экономики страны пригодятся специалисты с четырехлетним сроком обучения.

Наиболее остро стоит проблема внедрения в российских вузах европейской системы зачетных единиц. В первую очередь трудности возникают там, где переход на двухуровневую подготовку осуществлен без пересмотра самой сути образовательной стратегии. Для образовательных программ, выстроенных таким способом, система зачетных единиц представляется избыточной.

Нельзя не признать, что переход на двухуровневую систему образования имеет явные плюсы:

- типовой срок обучения увеличивается до 6 лет;
- вводится конкурсный барьер перед магистратурой;
- в одно направление соединяется несколько специальностей; предполагается подготовка высококвалифицированных бакалавров, способных работать по целому ряду специальностей;

– в магистратуре вузу предоставляется полная свобода, федеральный компонент ничтожен.

Исходя из этого переход на двухуровневую систему должен быть весьма полезен для российского образования.

Если подойти к вопросу о подготовке специалистов с позиций работодателей ИТ-сферы, то можно отметить следующее. Эта область развивается весьма динамично, но основной сдерживающий фактор – нехватка кадров. Главная проблема на сегодняшний день связана не с качеством образования, а с количеством выпускников, готовых работать по ИТ-специальностям. Сейчас это число покрывает менее 40% объявленных вакансий. При этом число занятых в ИТ-сфере в России значительно отстает от аналогичных показателей в Германии, США и других развитых странах.

Что касается отношения работодателей к переходу на двухуровневую образовательную систему, то среди них формируется следующая позиция: с одной стороны, возникает стимул для оттока российских специалистов за рубеж, с другой стороны, уменьшение срока обучения до трех-четырех лет обеспечит более быстрый приток кадров в экономику страны. Кроме того, сокращение специальностей в бакалавриате является вполне целесообразным: в сфере ИТ достаточно буквально одного-двух направлений подготовки бакалавров. Это позволит выпускать универсальных специалистов, готовых к активной прикладной деятельности. А уже в магистратуре возможно углубленное обучение по 10–20 направлениям.

Примечания

- 1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования) : федер. закон от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ // Рос. газ. Федер. вып. 2007. 27 окт.
- 2 См.: Князев С. Т. «Кредиты доверия» : ECTS как инструмент обеспечения академической и профессиональной мобильности / С. Т. Князев, В. С. Шаврин // Аккредитация в образовании. 2009. № 32. С. 68–71.
- 3 См.: Иващенко Е. Н. Проблемы построения магистерских программ в современном российском вузе // Alma mater. 2009. № 1. С. 5–9.
- 4 См.: Шилов С. М. Академическая мобильность как условие перехода университета на уровневую систему образования : [РГПУ им. А. И. Герцена] // Вестн. Герцен. ун-та. 2009. № 6. С. 23–25.
- 5 См.: Интеграция системы образования России в единое европейское пространство : национальный доклад, Бельгия, г. Левен, 28–29 апреля 2009 г. // Аккредитация в образовании. 2009. № 31. С. 26–29.
- 6 См.: Чистохвалов В. Н. Болонский процесс–2010 : что дальше? Основные подходы к будущему развитию интеграционных процессов в области высшего образования // Аккредитация в образовании. 2009. № 32. С. 46–49.

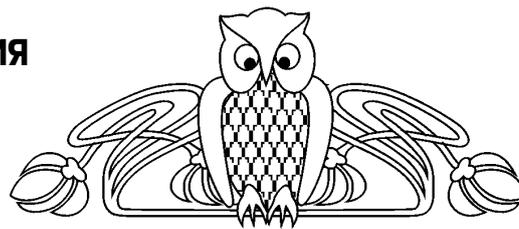

УДК 316.74:37

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. В. Калининкова, С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье рассмотрены основные принципы построения системы экологического образования в высших учебных заведениях разных стран Западной Европы и США. Показано, что в условиях глобализации стратегической задачей мирового сообщества является создание глобальной системы экологического образования. Выделены характерные черты экологизации высшего образования.

Ключевые слова: глобализация, экологическое образование, высшее образование, международный опыт.

System of Ecological Education in Globalization Conditions

M. V. Kalinnikova, S. G. Ivchenkov

In article has been reviewed the main principles of construction of ecological education system in a higher education schools in different countries of Western Europe and USA. Has been shown, that in conditions of globalization strategy target of international society is the creating the global system of ecological education. Were distinguished characteristic features of ecologization of higher education.

Key words: globalization, ecological education, higher education, international experience.

В третьем тысячелетии ускоренными темпами идет образование глобальных структур – экономических, политических, культурных, социальных. Сегодня ни одна страна в мире не может считать себя самодостаточной. Усиливающуюся взаимосвязь мирового сообщества Э. Гидденс назвал глобализацией. С современных позиций можно сказать, что «глобализация – это процесс преобразования разнородного мирового социального пространства в единую глобальную систему, в которой беспрепятственно перемещаются информационные потоки, идеи, ценности и их носители, капиталы, товары, услуги, стандарты поведения и моды, изменяя миропредставление, деятельность социальных институтов, общностей и индивидов, механизмы их взаимодействия»¹. Ускорителем глобальной трансформации выступает глобальная переориентация культуры, а следовательно, и образования.

Стратегической задачей мирового сообщества является создание глобальной сети экологического образования, в которой все образовательные системы включают в себя знакомство с экологическими проблемами, возникшими перед человечеством, и формируют понимание взаимосвязи человека, общества и природы в планетарном масштабе. Разработка общей стратегии

экологического образования и охраны природы, координация усилий разных стран в этой сфере осуществляется на уровне Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Одно из дискуссионных положений на всех проходящих форумах – проблема ориентации экологического образования. Принципиальным является вопрос о том, что должно быть в центре внимания – природная среда (окружающая среда) или мир природы. Несмотря на то что именно первая ориентация в экологическом образовании (на природу как среду) получила наибольшее развитие в мире и поддержку на международном уровне, в последнее время все больше специалистов приходит к пониманию того, что без акцентирования экологического образования на мире природы невозможно комплексное решение проблемы экологического кризиса. Экологическое образование должно быть направлено на формирование, во-первых, системы представлений о мире природы как совокупности конкретных природных объектов (и их комплексов), во-вторых, субъективного отношения к природным объектам как обладающим уникальностью, неповторимостью и самоценностью и, в-третьих, обеспечение прагматического взаимодействия с ними.

В соответствии с выделенными стратегическими ориентирами в экологическом образовании существуют различные тенденции его методической организации, что зависит в первую очередь от состояния института образования каждой страны. На основе изложенных общих положений обратимся к анализу опыта постановки экологического образования в ряде европейских стран и США.

Опыт Германии в организации экологического образования имеет более чем 25-летнюю историю. В общих чертах становление экологической политики страны в области образования можно разделить на три этапа. Первый этап – «наступление» – относится к концу 60 – началу 70-х гг. XX в. Именно в этот период возник феномен общественного «пробуждения» – деятельность профсоюзов и борьбы населения страны за улучшение качества жизни. Второй этап – «расширение» – выражался в широком общественном движении за охрану окружающей среды, действующем «снизу». В результате были приняты законы о сточных водах, химикатах, отходах и т. д. Исторической вехой на этом пути явилось создание партии «зеленых» в

начале 1980-х гг. С 90-х гг. начался третий этап – «консолидация». В это время стали вырабатываться общеевропейские стандарты, ориентиры, цели и системы мероприятий в природоохранной деятельности.

В соответствии с этапами становления экологической политики постепенно возрастало значение экологического воспитания в концепции общего образования Германии. На национальном уровне важной вехой на пути развития экологического образования стала первая государственная программа по окружающей среде – «Экологическая программа федерального правительства» (1971 г.). В ней была признана огромная роль обучения, ориентированного на изучение окружающей среды и антропогенного воздействия на нее, на всех ступенях системы образования.

Опыт Германии в организации высшего экологического образования показывает, что из всех стран Западной Европы именно здесь экологическая психология и гуманистическая педагогика нашли наибольшее распространение по той причине, что в стране сильны культурно-педагогические традиции и высок потенциал экологического и образовательного развития общества². Высшая школа в Германии во все возрастающей степени испытывает влияние эко-гуманистической концепции образования. Произошло изменение учебных планов и программ высших учебных заведений в сторону увеличения экологических тем и практикоориентированных форм. Наблюдается перенос акцента с традиционных методов обучения на нетрадиционные (система замкнутой цепи телевидения, микропреподавание, группо-динамический тренинг, групповое обучение, метод проектов и другие). Разработана целая сеть семинаров, учебных центров и курсов эко-гуманистической подготовки, так как только изучение и развитие наук о природе и экономике человеческих отношений, этике поведения, языка межличностного общения делает человека более чувствительным к проблемам окружающей его природной среды.

Таким образом, в современной Германии экологическое образование, понимаемое как формирование экологического сознания и способность действовать в соответствии с интересами охраны природы, получившее широкую государственную и административную поддержку, занимает надежную позицию в сфере образования.

Французская система образования всегда была и остается строго централизованной, в ней сильно развит внеуниверситетский сектор науки, что резко отличает ее от системы высшего образования Германии, Великобритании, России³. В соответствии с выработанной международной стратегией действий по образованию в области окружающей среды и подготовке кадров французские министерские инструкции выделяют в качестве ведущих следующие подходы: непрерывность, междисциплинарность, интегративность,

единство интеллектуального и эмоционального восприятия окружающей среды и общества. Преподавание строится на краеведческой основе. По мнению французских педагогов, это способствует выработке у молодежи чувства гордости за родной край, уважения к другим регионам и народам.

Экологическое образование в высшей школе требует специфической техники, что вытекает из двух непростых целей: во-первых, необходимо понять суть и обучить комплексу проблем, связанных с окружающей средой, во всей их целостности; во-вторых, интегрировать традиционное, базирующееся на отдельных дисциплинах образование с межпредметным обучением. На университеты в этом отношении ложится двойная задача. С одной стороны, они призваны подготовить выпускников, понимающих смысл и важность экологических проблем, по своей специальности, с другой стороны, университеты выпускают экспертов в области окружающей среды, которые являются специалистами по различным экологическим аспектам.

Таким образом, экологическое образование в университетах и колледжах Франции получило хороший старт, но пока еще не развивается должным образом. Все же достигнутый уровень пробуждает у людей экологическое сознание и воспитывает чувство ответственности за сохранение окружающей среды.

Английская модель системы высшего образования имеет свои особенности⁴. В ней подчеркивается значение развития личности, так как в Великобритании весьма сильны традиционные принципы, в соответствии с которыми основное внимание уделяется развитию индивидуальных способностей студента. Эта модель «личностного обучения» построена на модели идеального университета Дж. Ньюмена (1801–1890).

Место экологического образования в системе среднего звена обучения в Англии дискуссионно. Однако пристальное внимание большинства специалистов в последние годы обращено на работу по методу проектов. Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся (индивидуальную, парную, групповую), которая положена в основу воспитания свободного человека, способного самостоятельно принимать решения. Этот метод всегда предполагает решение какой-либо проблемы, предусматривающей использование различных методов и средств обучения, а также интегрированных знаний и умений из курсов разных предметов.

В качестве примера можно рассмотреть опыт подготовки специалистов по охране окружающей среды Сэлфордского университета, где в 1990 г. был открыт самостоятельный факультет – департамент по подготовке специалистов по охране окружающей среды. Главная цель обучения по новому направлению – дать будущим специалистам универсальное базовое экологическое образование. Технология обучения модульная.

Экологические знания на университетском уровне формируются на основе трех критериев: структуры курса; обеспечения научной информацией по проблемам окружающей среды; частоты полевых занятий. К числу рекомендуемых методов относятся:

- развитие межпредметных связей между дисциплинами, ориентированными на обеспечение студентов экологическими знаниями;
- установление сотрудничества между преподавателями университетов и обмен информацией и библиографией;
- создание программ полевых занятий по всем предметам, которые объединены в общем проекте.

Эти предложения не требуют чрезмерных усилий или капиталовложений, однако помогают студентам лучше осознать проблемы окружающей среды.

Система образования в США, включая высшее, является в наибольшей степени децентрализованной и построена по региональному принципу. Каждый штат имеет право организовать систему образования по своему усмотрению при условии, что конституционные гарантии прав и привилегий граждан США обеспечиваются в полной мере. При этом штат несет ответственность за функционирование системы.

В экологическом образовании преобладает тенденция, связанная с акцентированием внимания на формировании в первую очередь стратегий и технологий взаимодействия с природой, то есть «технологическая» тенденция⁵. Содержание экологического образования в этом случае ориентировано на включение личности в такое взаимодействие с природой, которое в наибольшей степени предоставляет возможность освоения адекватных экологических стратегий, приобретения необходимых для их реализации умений и навыков (технологий).

Отличительной особенностью американской системы экологического образования является ориентация на экологические проблемы той местности, где расположено учебное заведение, а не на охрану природы вообще. В программах и курсах дисциплин прослеживается зависимость от географических, исторических, экологических особенностей штатов, традиций местной автономии. Приемы обучения предполагают работу «в поле». Важную роль в экологическом движении американской молодежи играют общественные движения «зеленых». Экологи стремятся к единению человека, общества и природы и полагают, что перед современным индустриальным обществом стоит задача пересмотра прежней системы ценностей и утверждение принципа «верховенства природы». Такая система экологического образования дает весомые положительные результаты: к 2000 г. в США насчитывалось около 12 тыс. природоохранительных организаций и ежегодно создается до 250 новых. Охрана природы стала

даже образом жизни многих американцев. Таким образом, экологическое образование в США характеризуется ориентацией в первую очередь на формирование системы экологических представлений.

Изучение существующих в мире систем образования и моделей их развития в направлении экологизации позволяет считать, что современное российское экологическое образование не отвечает европейскому и мировому уровню и нуждается в модернизации. Однако при этом реорганизация системы образования не может тиражировать европейский опыт, поскольку эколого-экономические, политические, государственные и другие традиции в нашей стране имеют свои специфические особенности, исторические корни, национальный характер и общественно-религиозные обычаи. Поэтому на современном этапе перестройки российской системы образования необходимо тщательно проанализировать европейский опыт подготовки специалистов, после чего наметить и осуществить новый российский подход в подготовке экологически образованных специалистов XXI в. Аналитическое изучение методологии, технологии и учебных планов подготовки специалистов в ведущих европейских университетах показало, что наиболее приемлемым для России является опыт подготовки экологически грамотных специалистов в Сэлфордском университете (Великобритания).

Подводя итоги, из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Главная цель экологического образования с точки зрения мирового сообщества состоит в обеспечении условий для интеллектуального, личностного и социального развития учащихся, воспитании у них чувства личной ответственности за состояние окружающей среды, стремления глубоко разобраться в сущности и противоречиях происходящих перемен в экологическом развитии нашей планеты.

В последнее время государственная образовательная политика в европейских странах способствовала вплетению экологической составляющей во все уровни обучения традиционных систем образования. Во всем мире экологические проблемы изучаются комплексом естественных и гуманитарных дисциплин, причем в большинстве стран преподавание строится на принципах непрерывности, междисциплинарности, целостности, интегративности, деятельностного и проблемного подхода к изучению и решению экологических проблем на региональных примерах.

Бесспорно, главным звеном в системе экологического образования выступает высшая школа, где преподается целый набор экологических дисциплин и активно внедряются инновационные методы обучения (микропреподавание, групподинамический принцип, метод проектов и др.), способствующие формированию экологических знаний специалистов.

Знание существующих в мире систем экологического образования позволяет значительно повысить эффективность профессиональной подготовки специалистов в России.

Примечания

- ¹ Бабосов Е. М. Глобализация как предмет социологического анализа // Социология. 2000. № 4. С. 3–15.
- ² См.: Калинин М. В. Экологическое общество : проблемы становления (социологический анализ). Саратов, 2003.

УДК 316.334.23(470+571)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Е. Е. Бородавкина, З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: evgeniya_borodavkina@mail.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические аспекты исследования предпринимательства, имеющего важное значение при формировании социальной структуры, рыночной экономики, развитии научно-технического прогресса, установлении системы ценностей и моральных нормативов.

Ключевые слова: предпринимательство, инновация, бизнес, инвестиционная деятельность, риск, капитал, прибыль.

Theoretical and Methodological Bases of Entrepreneurship Study

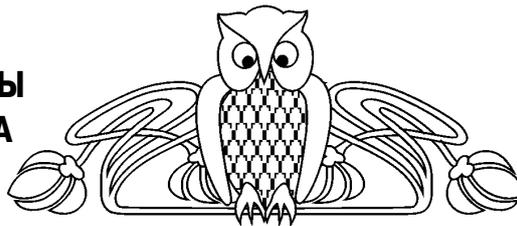
E. E. Borodavkina, Z. M. Dyl'nova

The article examines the main theoretical and methodological aspects of entrepreneurship study, which is very important in the forming of social structure, market economy, development of scientific and technical progress, establishment of values and moral standards system. Special attention is paid to the fact that theoretical analysis of this category is important because entrepreneurship, being the engine of progress, is directed to profit earning by producing new products or by application of new ways of existing products production. The more existing social values favour the forming of entrepreneurial person, the more probable is accelerated economic growth.

Key words: entrepreneurship, innovation, business, investment activity, risk, capital, profit.

Предпринимательство относится к числу сложных общественных явлений, требующих междисциплинарного анализа. Оно формируется и функционирует под влиянием множества взаимосвязанных и взаимодействующих объективных и субъективных факторов. По причине его многоаспектности предпринимательство может исследоваться в рамках разных наук. Однако определение границ исследовательского поля той или иной науки в его познании, особенно

- ³ International Strategy for Action in the Field of Environmental Education and Training for the 1990's // UNESCO-UNEP Congress on Environmental Education and Training. Paris, UNESCO, 1987. P. 6.
- ⁴ См.: International Verhagen, F. C. Earth literacy education : why and how? // High school j. Chapel Hill, 1995/96. Vol. 79, № 2. P. 157–163.
- ⁵ См.: Ясвин В. А., Дерябо С. Д. Современные тенденции в развитии стратегий экологического образования. URL: <http://www.mrezha.ru/ehopsy/works/pedagog.htm> (дата обращения: 21.09.2011).

прикладном, пока весьма затруднительно из-за дефинитивной нечеткости социальной сути этого феномена, а также ряда ключевых для того или иного ракурса его осмысления научных категорий.

О неопределенности понятия предпринимательства свидетельствует множество его дефиниций и разночтения в его интерпретации такими разными зарубежными учеными, как Р. Коуз, П. Дракер, А. Маршалл, М. Вебер, В. Зомбарт, Й. Шумпетер и др.¹ Одни понимают предпринимательство как специфическую разновидность социальной деятельности (поведения социального субъекта), связанной с инновациями и в некоторых случаях с риском (П. Дракер)², другие – как тип хозяйственной деятельности (Р. Коуз, А. Маршалл)³, расходясь, однако, в понимании содержания этой деятельности, третьи – как процесс создания чего-то нового и умножения таким образом вкладываемого капитала (Р. Хизрич, М. Питере)⁴. Наряду с этим одни отождествляют предпринимательство и бизнес, другие их разводят. Нет согласия и по вопросу тождества или различий между предпринимательством, антрепренерством и менеджментом и т. п.

Все эти расхождения полностью переключались из западного в современное российское обществоведение, приняв в дополнение к вышесказанному нередко утрированный, обусловленный синонимичным богатством русского языка характер. Так, нередко отождествляются предпринимательство и предприимчивость; предпринимательство, деловая деятельность и бизнес; предпринимательство, рискованная экономическая инициатива и инвестиционная деятельность и т. д.

Термин «предпринимательство» в отечественной литературе впервые вводится в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Перечисляя слова «предпринимать,

предприимчивый, предприниматель, предприятие», он так разъясняет их: «Предпринимать, затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступить к свершению чего-либо значительного; предприимчивый торговец, склонный, смелый, решительный, отважный на дела этого рода; предприниматель – предпринявший что-либо». Другими словами, быть предпринимателем значит «решиться исполнять новое дело». Таким образом, принадлежность предпринимательства к творческой деятельности закреплена бесспорно⁵.

Наиболее авторитетный дореволюционный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона понятий «предприниматель» и «предпринимательства» не дает, но содержание терминов «предприниматель» и «предпринимательство» вытекает из статьи «Прибыль». Прибыль получается лицом, за свой счет ведущим предприятие (предпринимателем), участвующим более или менее лично или непосредственно в распоряжении своим (предпринимательским) капиталом. Автор данной статьи В. Яр⁶ как синонимы употребляет термины «капиталисты» и «предприниматели». По его мнению, «все они вместе взятые составляют совокупность лиц, на свой страх и риск ведущих дело производства и дающих капиталу то направление, которое им приносит небольшую прибыль, а всему народному хозяйству обеспечивает наибольшие выгоды в экономическом отношении».

Основным субъектом предпринимательской активности выступает предприниматель, под которым в постсоветских государствах стали подразумевать любого делового человека, который осуществляет хозяйственную деятельность в негосударственном секторе экономики. В Большом толковом социологическом словаре дается следующая трактовка понятия «предприниматель»: это «владелец капитала, занимающийся управлением предприятия для продажи товаров или услуг ради прибыли»⁷. Характеристика действий предпринимателя становится характеристикой его поведения, которая, в свою очередь, распространяется на внутренний мир хозяйствующего субъекта. Предпринимательское поведение является, как правило, активным типом экономического поведения с выраженными инновационными компонентами. В социологии критерием выделения того или иного вида предпринимательского поведения является степень его соответствия различным общественным нормам (профессиональным, правовым, моральным и т. д.).

В научной справочной литературе нет однозначного определения сущности предпринимательства. Это вполне объяснимо, так как представители различных отраслей знания (экономисты, филологи, философы, социологи и др.) по-разному трактуют содержание этого термина исходя из поставленной цели исследования и накопленных знаний. С философской точки зрения предпринимательство может быть

охарактеризовано как особый настрой души, как форма деловой романтики, как средство реализации человеком присущих ему потенций⁸. Однако этого определения явно не достаточно для полного понимания данного феномена. Филологи трактуют предпринимательство следующим образом: «Предпринимательство – деятельность предпринимателя»⁹. Историки определяют его как индивидуальное или коллективное занятие каким-либо видом экономической деятельности (торговлей, ремесленным и более крупным промышленным производством, строительством, добычей полезных ископаемых, транспортом, товарным земледелием и скотоводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, кредитованием, изобретательством, особенно в период промышленного переворота и т. д.), направленным не на удовлетворение собственных потребностей, а на рыночный сбыт и извлечение прибыли.

В современном экономическом словаре отмечается, что предпринимательство – это «инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя»¹⁰.

Близким по значению к данному понятию является и термин, который дает электронная «Большая российская энциклопедия»: «Предпринимательская деятельность – по законодательству РФ самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность граждан и их объединений, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Предприниматель, согласно данной энциклопедии, – это тип руководителя, который стремится изменить динамику развития деятельности и активно ищет ее новые направления и возможности для расширения номенклатуры продукции¹¹.

В Российской социологической энциклопедии предпринимательство «представляет собой различные формы не запрещенной законом хозяйственной активности во всех отраслях народного хозяйства (производственная деятельность, коммерческое посредничество, торгово-закупочная, инновационная, консультативная деятельность, операции с ценными бумагами и т. д.). Предпринимательство исторически обусловлено и прямо зависит от многих, отнюдь не только экономических факторов.

Условия, в которых осуществляется предпринимательство, подвержены изменениям, особенно резким, когда общество находится в переходном состоянии, в состоянии реформирования. На-

чальный импульс радикальным трансформациям придает проводимая реформаторами политика. Но, конечно, их основным источником является инициатива и созидательная энергия различных групп занятого населения. Заинтересованность и вовлеченность последних в предпринимательскую деятельность является главной предпосылкой успеха в развитии предпринимательства»¹².

В энциклопедии «Социология» предпринимательство определяется как форма проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленной, как правило, на получение прибыли (дохода) и осуществляемой от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность¹³.

Нам представляется несколько суженной характеристика предпринимательства в отечественном законодательстве, где оно трактуется как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке¹⁴, поскольку за его рамки остается (особенно в современной России) значительный объем предпринимательской деятельности, осуществляемой людьми без какой-либо ее регистрации.

Используемые в современных публикациях дефиниции предпринимательства весьма отличны друг от друга, хотя речь идет об одном и том же общественном феномене. Многие из этих отличий принципиальны для характеристики социальной сущности предпринимательства. Наличие подобных разногласий заставляет обратиться к рассмотрению истоков зарождения предпринимательства как особого вида социальной деятельности, специфики и взаимосвязи разных, с точки зрения различных общественных наук, граней этого многоаспектного феномена. Только после этого появляются основания для определения социологического ракурса его исследования.

Предпринимательство – это инициативная самостоятельная деятельность, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою ответственность, или от имени и под имущественную ответственность юридического лица предприятия. Предпринимательство как одна из конкретных форм появления общественных отношений не только способствует повышению материального потенциала общества, не только создает благоприятную почву для практической реализации способностей и талантов каждого индивида, но и ведет к единению нации, сохранению ее национального духа и национальной гордости.

Проанализировав статьи русских и иностранных словарей, а также электронные версии энциклопедий, можно заключить, что одни ученые отождествляют предпринимательство с инновационным типом поведения, инновационным типом личности¹⁵, другие – акцентирующие внимание на предпринимательстве как элементе социальной структуры общества – трактуют новаторство более широко, отмечая системообразующий, социально новаторский характер деятельности предпринимателей¹⁶.

Общепринятым в мировой практике является понятие предпринимательства как деятельности, не связанной с какой-либо определенной формой собственности или размерами производства. В законодательстве большинства стран СНГ в качестве ключевой характеристики предпринимательства принято считать прежде всего получение прибыли или дохода, и в этом смысле понятие предпринимательства фактически совпадает с понятием коммерческой деятельности.

Нельзя не согласиться с суждением Е. Е. Румянцевой, что главной характеристикой предпринимательства является инновация¹⁷. С этой точки зрения по-разному можно оценивать размах предпринимательской деятельности для конкретного периода или региона. «Коммерческий» подход, обычно проводимый в российской статистике, оперирует объемами продукции, показателями прибыли и даже уровнем занятости. «Инновационный» подход предполагает определение иных показателей, не всегда очевидных.

Кроме того, предпринимательство обладает практически всеми необходимыми чертами идеологии как системного мировоззрения. Оно содержит набор рациональных схем, относящихся как к индивидуальному действию, так и к общественному развитию, поведению фирмы и кругообороту национального капитала. Предпринимательство предлагает относительно замкнутую систему ценностей ориентиров, таких как независимость, самореализация, стремление к индивидуальному успеху в осязаемых материальных формах.

Существует множество характеристик предпринимательской деятельности, однако нет единства по вопросу о том, что составляет ее сущность. Тем не менее в работах А. Агеева, В. Верховина, В. Радаева¹⁸ дается достаточно полная и обоснованная характеристика предпринимательства. Данные авторы полагают, что можно выделять базовые и вторичные свойства предпринимательства. К его базовым свойствам относят, в частности, организационно-хозяйственные инновации и экономическую свободу хозяйствующего субъекта.

Кроме этих есть и другие признаки (владение ресурсами, принятие решений, несение риска, лидерство и т. д.), которые выступают либо производными от базовых, либо дополняющими и раскрывающими их суть. Наиболее важным базовым свойством предпринимательства является

экономическая свобода хозяйствующего субъекта, а ограничениями свободы предпринимателя должны выступать лишь непосягательство на чужую собственность, соблюдение законов и выполнение договорных обязательств.

Исходя из позиций Й. Шумпетера один из наиболее авторитетных исследователей проблемы В. В. Радаев понимает под предпринимательством «осуществление организационной инновации в целях извлечения прибыли (другого дополнительного дохода)¹⁹. Эта трактовка базируется на социальных факторах развитой рыночной экономики.

Еще один подход к предпринимательству дает А. М. Гузев: предпринимательство есть особый вид человеческой деятельности, отличающейся творческим, инновационным характером, ориентированной на получение прибыли, заключающейся в рискованном создании новых предприятий и управлении ими и обеспечивающей занятость, социальную мобильность и благосостояние общества²⁰.

Переходный характер российского общества и экономики, по мнению В. Е. Гимпельсона, обуславливает специфику российского современного предпринимательства, экономическая функция которого «опосредуется и сопровождается социальным действием, направленным на изменение социальных отношений»²¹. Иными словами, предпринимательство объективно обладает социальными аспектами.

Еще одну особенность российского предпринимательства исследователи видят в том, что специфический тип стратификации российского общества обуславливает стремление субъектов предпринимательства к достижению максимальной власти, которая и является решающим условием максимизации прибыли²². Отсюда вытекает необычная для развитых стран важность взаимодействия предпринимательства с властными структурами.

Кроме того, отрицательное отношение большинства населения к предпринимателям также побуждает последних обращаться к власти за поддержкой. Таким образом, взаимодействие с властными структурами приобретает для предпринимательства стратегическое значение.

По мнению Ю. Л. Качанова, попытки операционализировать рабочие понятия предпринимательства несут нередко значительную долю субъективизма конкретных социологов²³. Исследователи единодушны в одном: предпринимательство является новым элементом социальной структуры российского общества, обладающим значительной социальной энергией, а также предприимчивостью. Еще один признак предпринимательства – наличие «идеологии как системного мировоззрения», позволяющей инициировать действия как отдельных индивидов, так и всего общества²⁴.

Наличие идеологии предпринимательства вызвало в обществе появление мнения о том, что

в связи с совпадением вектора развития российской экономики с интересами предпринимателей для придания реформам необратимого характера и четкой направленности необходимо выполнить два условия: следует не конструировать новую идеологию, а просто заимствовать и адаптировать к отечественным реалиям западную идеологию предпринимательства и необходимо включить крупнейших российских предпринимателей в элиту общества²⁵.

У предпринимательства имеется ряд отличительных особенностей: мобильность и динамичность, осуществление в условиях неопределенности и неизбежности риска, свобода поиска и выбора способов экономических действий при их разнообразии; принятие новых организационных и технических решений и др. Оно характеризуется определенным содержанием, направленностью, последовательностью действий, процедур, выполняемых физическим субъектом бизнес-процесса – предпринимателем.

В общественной природе предпринимательства отражается прошлое и настоящее движение экономических, политических, социальных, демографических, национальных, духовных и других процессов – как всемирно-исторических, так и локальных – в рамках конкретной страны, региона, определенного типа общества. В силу этого исследование предпринимательства предполагает необходимость учета системной связи современного состояния этого феномена с историческими тенденциями и условиями его зарождения, созревания и развития.

Предприниматель может осуществлять любую деятельность, включая коммерческое посредничество, торгово-закупочную деятельность, консультирование и т. д., кроме той, что запрещена законом. Определяющими признаками предпринимательской деятельности служат: целевая установка на получение прибыли; свобода и автономность в принятии экономических решений; самостоятельность, выражающаяся в личном риске и личной ответственности. Предприниматель в условиях рыночной экономики – главное действующее лицо, одна из ключевых фигур в социально-экономической жизни. Слова «предприниматель» и «предпринимательство» являются производными от слова «предпринять», то есть сделать что-либо – создать, организовать, наладить, заключить сделку, вступить в соглашение и т. п. В широком значении предпринимателем в обыденной жизни, как отмечалось, часто называется человек, который что-либо предпринимает (создает, организует и т. п.), то есть действует в соответствии с намеченным планом в интересах достижения главной цели – максимизации прибыли.

В условиях глобальной государственной собственности, когда отношения между предприятиями, а во многом и внутри них определялись единым централизованным государственным регламентом, не было необходимости устанавливать

правовой режим их взаимоотношений. Переход же к многоукладной рыночной экономике выдвигает на передний план проблему предпринимательского права, условий регулирования внутренних и внешних отношений, порядка устройства и деятельности предприятий.

Приступая к характеристике основных сфер приложения предпринимательской деятельности, отметим, прежде всего, что реальным фактом ныне стало существование множества предпринимательских структур, каждая из которых имеет свои особенности. Для того чтобы увидеть различия между разными типами предпринимательства, необходима его классификация. Гражданский кодекс Российской Федерации допускает существование следующих организационно-правовых форм предприятий: хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия, некоммерческие предприятия. При этом в течение некоторого времени действуют и устаревшие организационно-правовые формы: индивидуальные (семейные) частные предприятия, товарищества с ограниченной ответственностью. Предприятия могут на договорных началах добровольно объединяться в концерны, консорциумы, корпорации, хозяйственные ассоциации и другие виды интеграционных структур. Предпринимательство может осуществляться как в государственном, так и в частном секторе экономики. В соответствии с этим различают государственное и частное предпринимательство. В данном случае за основу классификации принято право собственности на осуществление предпринимательских функций. Каждый из этих видов предпринимательства имеет отличительные признаки, но основные принципы их осуществления во многом совпадают: и в том и в другом случае предполагаются инициативность, ответственность, инновационный подход, стремление к максимизации прибыли.

Государственное предпринимательство – это форма осуществления экономической активности от имени предприятий, учреждений. Оно реализуется государственными органами управления или органами местного самоуправления, причем собственность такого рода предприятий – это обособленная часть государственного или муниципального имущества, бюджетных средств и других источников.

Частное предпринимательство – форма осуществления экономической активности от имени предприятия или предпринимателя. Заметим при этом, что государственное предпринимательство менее эффективно, нежели, и основная причина этого заключается в том, что предпринимательские функции всегда осуществляют конкретные люди: в частном предпринимательстве – талантливые, быстро реагирующие на любые изменения люди, которые занимаются тем, что привлекательно для них; в государственном же секторе за

осуществление предпринимательства отвечают люди назначаемые, формально исполняющие свои обязанности²⁶.

Вместе с этим можно вести речь о коллективном, семейном и ином предпринимательстве, которое в конечном счете является производным от двух указанных выше форм. Поэтому важна другая классификация – в зависимости от функций, которые предприниматель принимает на себя, вступая в предпринимательское пространство. Согласно этой классификации выделяют: производительную и посредническую предпринимательскую деятельность (последняя включает в себя действия посредника, агента, оптовое купечество, посылторговое посредничество, торговое представительство, коммивояжерство, акционерство, биржевое предпринимательство, фьючерсы, ривелторство); предпринимательство в финансовой сфере, которое предполагает финансовые институты, банки, инвестиционные компании и фонды, трастовую предпринимательскую деятельность и аудиторство.

Предпринимательская деятельность в современной России осуществляется в следующих организационно-правовых формах предприятий: юридические лица; товарищества; хозяйственные общества; корпорации; акционерные общества закрытого и открытого типа; холдинговые компании; производственные кооперативы (артели); унитарные предприятия; объединения самостоятельных предприятий и другие формы предпринимательской активности (в частности, участие в соучреждении предприятия, покупка предприятия, выкуп партнерской доли и наследование)²⁷. Следует заметить, что в современных условиях предпринимательство имеет место как в городе, так и на селе, в последнем случае речь идет о сельском (аграрном) предпринимательстве.

Характер предпринимательского потенциала России обусловлен переходным состоянием ее экономики. С одной стороны, страна продемонстрировала способность к быстрому формированию предпринимательской инфраструктуры и самого класса предпринимателей, тем более что сами эти понятия на протяжении многих предшествовавших десятилетий воспринимались у нас исключительно негативно. За 1990-е гг. в России образовались тысячи рыночных институтов, возникли миллионы собственников. С другой стороны, многие рыночные структуры остаются крайне несовершенными и неэффективными, например рынок ценных бумаг (фондовый рынок). Остается весьма заметной доля государства как в национальном богатстве, так и в собственности акционированных и частично приватизированных предприятий. Есть все основания полагать, что в силу многих исторических и культурных традиций Россия сохранит значительный государственный сектор и в будущем. Весьма велика будет и роль государственного регулирования в экономике. При этом одной из характерных черт переходной

экономики России являются тесное переплетение частного и государственного капитала, заметная роль государственного аппарата, а значит, и государственного предпринимательства²⁸. Одновременно с этим продолжает оставаться сильной зависимостью частных предпринимателей (как сохранивших свои позиции прежних директоров приватизированных государственных предприятий, так и новых менеджеров, возглавивших вновь созданные коммерческие структуры) от органов государственного управления и многочисленных чиновников, имеющих огромные возможности для контроля деятельности частного бизнеса, его разрешения или запрещения, часто небескорыстно.

По-видимому, в ближайшие годы сектор официального малого предпринимательства станет единственной альтернативой нормализации ситуации в области занятости населения, предотвращения роста безработицы и нелегальных форм самозанятости. Технологическая, производственная и управленческая гибкость позволяет малому предпринимательству чутко реагировать на изменяющуюся конъюнктуру. Малый бизнес сглаживает колебания экономической конъюнктуры, балансируя между спросом и предложением рабочей силы: спрос растет – появляются новые фирмы, падает – часть их закрывается. Малые предприятия способствуют гибкости и мобильности экономики, быстрым технологическим и структурным переменам. Малый бизнес не только инициирует появление дополнительных рабочих мест, но и расширяет поле деловой активности граждан, вовлекая в трудовую деятельность и тех из них, кто не обладают высокой конкурентоспособностью на рынке труда. Кроме того, предложение рабочих мест в этом секторе экономики усиливает конкуренцию между работодателями в области найма. Более гибкие условия труда, включая нестандартные режимы рабочего времени на малых предприятиях, делают их привлекательными для работников. Чутко реагируя на изменения рыночной конъюнктуры, малые предприятия становятся учредителями инновационного процесса, способствуют качественному улучшению рабочей силы, формируют рабочие места на базе новых технологий.

В целом следует выделить следующие особенности малого бизнеса, позволяющие при определенной государственной политике быстро создавать конъюнктурную среду: высокую приспособляемость к рыночной конъюнктуре; непосредственную связь с потребителем; возможность начать предпринимательскую деятельность с небольшим стартовым капиталом; простоту управления. Нельзя недооценивать социальной значимости малого бизнеса. Она определяется массовостью слоя мелких собственников, численность которых – одна из существенных характеристик любой страны с развитой рыночной экономикой. Широкое развитие малого предпринимательства содействует изменению общественной психологии и жизненных ориентиров людей, является альтернативой люмпенизации психики и социальному иждивенчеству. Развитие малого бизнеса – одно из перспективных направлений в работе служб занятости населения.

Довольно пестрым является и «нэноменклатурный» сегмент российского предпринимательства: здесь и рядовые граждане, прежде всего молодежь, активно работающая в бизнесе (в основном в розничной и «челночной» торговле, не требующей значительного первоначального капитала, в посреднических услугах), и высококвалифицированные специалисты, открывающие консультативные фирмы, например в области управления, подготовки кадров, программного обеспечения. Расширяется малый бизнес в сфере ремонта, строительства и технического обслуживания. Значительных масштабов достиг в России туристический бизнес, ставший весьма привлекательным для предпринимательского капитала.

Таким образом, переход российской экономики к рынку в начале 1990-х гг. ознаменовал возрождение предпринимательства как способа деятельности и формирование нового слоя предпринимателей в социальной структуре общества. Этот процесс характеризовался следующими особенностями. Во-первых, в широком историческом контексте его можно рассматривать как воспроизводство российского предпринимательства. Во-вторых, возрождаясь в рамках распадавшейся социалистической системы хозяйствования в виде теневой предпринимательской деятельности, он не мог не сохранить в своей основе известной преемственности характерных для этого вида ее методов. В-третьих, форсированные темпы «шокового» реформирования и грабительские методы приватизации явились условиями невиданного разобщения не только среди населения, но и в составе самого предпринимательского слоя. В-четвертых, общественная потребность в интеграции российской экономики в мировую актуализирует задачу создания в стране нового типа предпринимательства, отвечающего современным требованиям. Совершенно очевидно, что перечисленные особенности лежат в основе противоречий, сопровождающих дальнейший процесс воспроизводства российского предпринимательства.

Проведенный анализ дает возможность говорить о том, что предпринимательство в современном российском обществе имеет свою особую нишу в экономическом пространстве и выполняет ряд позитивных социально-экономических функций, внося вклад в улучшение экономической ситуации в стране. Распространенность форм и типов предпринимательской деятельности в разных сферах экономики, численность занятых в них, объемы произведенных товаров и оказанных услуг впечатляют. Вместе с тем вполне очевидно, что динамика развития предпринимательства в

последние годы явно замедлилась. Оно сконцентрировалось в основном в сфере торговли, нет продвижения в инновационные области, доля вклада предпринимательства в экономику страны в целом мизерна и не отвечает потенциальным возможностям отечественного производства. В значительной мере это обусловлено состоянием государственной политики в отношении предпринимательства, которое оказывает немаловажное воздействие на формирование рыночной экономики, развитие научно-технического прогресса, организацию социальной структуры, установление системы ценностей и моральных нормативов.

Однако фактическая ограниченность социального слоя предпринимателей на фоне высокой значимости выполняемой ими общественной роли обуславливает необходимость выработки на уровне государства экономико-правовых условий, способствующих легальному раскрытию производственного, организационно-управленческого и инновационного потенциала предпринимателей для более полного удовлетворения общественных потребностей. Реализация этой задачи связана с согласованием частных интересов предпринимателей с интересами общества в целом в рамках функционирования выработанных субъектами управления социальных механизмов регулирования экономических процессов.

Примечания

- ¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990 ; Зомбарт В. Пролетариат. М., 1907 ; Он же. Буржуа. М., 1994 ; Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982 ; Drucker P. The unseen revolution. N. Y., 1976 ; Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993 ; Маршалл А. Принципы экономической науки : в 3 т. : пер. с англ. М., 1993. Т. 3.
- ² См.: Drucker P. Op. cit.
- ³ См.: Коуз Р. Указ. соч. ; Маршалл А. Указ. соч.
- ⁴ См.: Апресян Р. Г. Ценностные контраверсы предпринимательства (социологический аспект) // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 388.
- ⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1898. Т. 25. С. 126–130.
- ⁷ Большой толковый социологический словарь (Collins) : в 2 т. М., 1999. Т. 2 (П–Я). С. 72–73.
- ⁸ См.: Борисова Т. П. Философский анализ предпринимательской деятельности (социально-онтологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2005.
- ⁹ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковского. СПб., 1998. С. 498.
- ¹⁰ История предпринимательства в России : в 2 кн. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 5.
- ¹¹ Большая российская энциклопедия. М., 2001.
- ¹² Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 402–403.
- ¹³ См.: Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 784.
- ¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I–II // Полный сборник кодексов Российской Федерации. Официальные тексты с изменениями и дополнениями. Новая редакция. М., 2002. С. 7–17.
- ¹⁵ См.: Смольков В. Т. Предпринимательство как особый вид деятельности // Социс. 1994. № 1 ; Фетисов Э. Н., Яковлев И. Г. О социальных аспектах предпринимательства // Социс. 1993. № 1.
- ¹⁶ См.: Чепуренко А. Ю. Предпринимательский класс в возрождающейся России // Мир России. 1993. Т. 2. № 1. С. 78.
- ¹⁷ URL: http://www.ecfor.ru/cgi-bin/doc.pl?Publishing/Magazine/2002-01/2002_01_08.pdf#01 (дата обращения: 10.01.2012).
- ¹⁸ См.: Агеев А. И. Предпринимательство : проблемы собственности и культуры. М., 1991 ; Верховин В. И. Экономическая социология. М., 1998 ; Радаев В. Новые российские предприниматели : стратегия хозяйственного развития // Проблемы прогнозирования. 1994. № 1 ; Он же. Экономическая социология. М., 1997.
- ¹⁹ Радаев В. Экономическая социология. С. 96.
- ²⁰ См.: Гузев А. М. Малое предпринимательство как объект социологического исследования : региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2002.
- ²¹ Гимпельсон В. Е. Новое предпринимательство : источники формирования и стратегии социального действия // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6. С. 37.
- ²² См.: Дряхлов Н. И., Давыденко В. А. Предпринимательство как объект и субъект управления : методологические подходы // Социс. 1996. № 6. С. 125.
- ²³ См.: Качанов Ю. Л. Социологический casus : «социальная группа предпринимателей» // Социс. 1999. № 9. С. 33.
- ²⁴ См.: Радаев В. Предпринимательство как новый российский миф // Знание – сила. 1996. № 4. С. 12.
- ²⁵ См.: Гурова Т., Фалеев В. Зачем России капитал? // Эксперт. 1996. № 18. С. 20.
- ²⁶ См.: Бусыгин А. В. Предпринимательство. М., 2000. С. 170–171.
- ²⁷ Там же. С. 512.
- ²⁸ См.: Экономика / под ред. А. С. Булатова. М., 1999.

УДК [316.334.2:339.13] (470+571)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье предпринята одна из первых в отечественной социологии попыток воссоздать историю возникновения и развития предпринимательства в нашей стране.

Ключевые слова: предпринимательство, российское общество, возникновение предпринимательства в России, этапы развития.

On Studying Domestic Business Formation Problems

Z. M. Dylnova

The paper makes an attempt, one of the first ones in domestic sociology, to reconstruct the formation and development history of the business activity in our country.

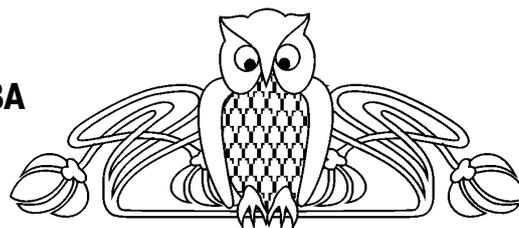
Key words: business, Russian society, appearance of business activity in Russia, stages of its development.

Переход современной России на рельсы рыночной экономики в значительной степени актуализировал проблемы развития предпринимательства, формирование особого слоя предпринимателей в обществе. А это, в свою очередь, обострило внимание ученых и общественности к истории предпринимательства в нашей стране, истокам и этапам его формирования и функционирования.

Несмотря на ряд книг и публикаций¹, общество пока мало знает об истории российского предпринимательства, его исторической судьбе. А без знания истории трудно сформироваться новому типу хозяйственника-предпринимателя. Другими словами, кроме теоретико-познавательного значения история отечественного предпринимательства носит сугубо практический характер.

Предпринимательство в России имеет сложную судьбу. Отметим ряд неблагоприятных факторов, не способствовавших быстрому становлению предпринимательства в нашей стране: геополитический фактор, экстенсивный путь ведения хозяйства; политика колонизации земель, населенных более отсталыми народами; обширность и равнинность территории России, что толкало соседние страны на попытки завоевания рабочей силы, а в условиях нашествий и войн больше всего страдают богатые и предприимчивые, что также тормозило развитие предпринимательства и торговли; военная опасность и военные действия, усиливавшие централизацию управления, препятствовавшие развитию производства и коммерции.

Развитию торговли и предпринимательства мешали и княжеские междоусобицы, во время

которых русские князья убивали и грабили своих соседей-соотечественников, и границы между княжествами, и тяжесть труда, и опасность торговли. Все это порождало негативное отношение к систематическому труду, складывались и передавались черты неприязни к трудолюбивым, способным, удачливым. По этим причинам возможность показать себя в предпринимательстве и торговле имели немногие. В дальнейшем общественное сознание и стереотипы исключили предпринимательскую деятельность из списка достойных и уважаемых занятий.

Но торговля и ремесленное производство все же упорно развивалось на российских просторах. Исследования раскрывают все сложности этого процесса: умели торговать и хотели производить на Руси многие, при малейшем послаблении властей затевали дело, шли в необжитые и неизведанные края, осваивали сибирские и дальневосточные земли, несмотря на то что в условиях служилого государства любой представитель третьего сословия без учета характера деятельности мог быть разорен, задушен военными и прочими налогами, превратиться в податного – прикрепленного к земле и ограниченного в деятельности человека². А для предпринимательства и торговли нужна свобода передвижения, маневра и действий: торговать и производить – это значит идти на риск, действовать на грани существующего закона, пользоваться сложившейся ситуацией. Централизованное государство всей своей мощью давило предприимчивых людей, и это было характерно практически для всей истории Российского государства.

Еще одним фактором, неблагоприятно влияющим на предпринимательство и торговлю, было действие религии. Православие, как известно, не способствовало активности человека, проявлению инициативы, выделению из общего ряда, без чего невозможны предпринимательский риск и приобретение независимости. Источником всех норм морали в православии является власть, а человек может лишь принимать порядок вещей и покоряться ему. Недоверие к богатству жило в народе, так как в заповедях нравственной жизни было определено, что праведником может быть только бедный. Православные заповеди касались также осуждения гордыни простого смертного, которая означала стремление выделиться среди окружающих, проявить свою индивидуальность.

Все должны быть одинаковы и равны и в жизни, и в работе, и в потреблении, и в приобретении. Предпринимательство же предполагало совсем другие качества: не будь как все, действуй решительно, знай свое дело и не слишком ориентируйся на мнение окружающих. Кстати, именно таким путем пошло протестантство – через уважение прав человека, признание закона основанием жизни, благополучие через упорный труд, умеренность в земных удовольствиях и т. д.

Поэтому православные страны дольше всего сопротивлялись капитализму и всему, что с ним связано, именно поэтому в них естественнее были восприняты социализм и принципы его экономической жизни, плохо прививались принципы свободного предпринимательства. И не только «верхи», но и «низы» долго сопротивлялись установлению права частной собственности, особенно на землю, процветанию предприимчивых людей, свободе производства и торговли. В начале XX в., когда угроза традиционному укладу экономической жизни в России со стороны новых буржуазных отношений стала серьезной (реформы С. Витте, П. Столыпина), народ восстал и произошел возврат к запрету на свободную торговлю, предпринимательство, частную собственность. Победила традиционная общинность. Но зерна, посеянные реформами и практикой короткого периода сравнительно свободного предпринимательства в конце XIX в., дали свои всходы позже.

Короткий опыт нэпа показал, что многие люди уже почувствовали вкус свободного экономического поведения и получаемых от этого благ. И лишь тотальное насилие прекратило на полстолетия этот опыт, который сегодня интересен для изучения потому, что торговать и производить стали представители самой забитой, необразованной и униженной части российского общества – крестьяне, так как у городских жителей эти возможности были уже минимальными. Эта новоявленная мелкая буржуазия поражала своим трудолюбием, рачительностью, предприимчивостью, умением основать дело вопреки расхожему мнению о русском мужике, о его лени и неспособности работать без кнута.

Необходимость изучения истории русского предпринимательства определяется еще и тем, что следует снять тяготящее еще с дореволюционных времен проклятье с отечественного предпринимательства. Несмотря на то что уже появились книги, рисующие более правдивый и привлекательный образ русского предпринимателя – патриота и мецената³, в массовом сознании все еще господствуют образы, навеянные русской классикой: бизнесмены – это прежде всего личности, отличающиеся неумной жадностью, жульничеством, деспотизмом и невежеством. Коммунистическая пропаганда и современные российские радикальные реформы, прежде всего приватизация, способствовали созданию в массовом сознании именно такого облика предпри-

нимателя. А неприглядные стороны современного отечественного предпринимательства еще более отягощают это не совсем верное представление о предпринимателях и предпринимательстве. Так что изучение его истории позволяет выявить истинные черты российского предпринимателя – цепкий ум и знание экономической конъюнктуры, инициативность, предприимчивость, осознание связи между личным благополучием и общественными интересами.

Немаловажное обстоятельство, заставляющее изучать историю отечественного предпринимательства, – это необходимость опровержения расхожего как на Западе, так и в России мнения о неспособности русских к нормальному культурному ведению предпринимательства. Опыт же свидетельствует об обратном: были и есть в России люди, знающие его основы и вполне способные поднять российскую экономику на должный уровень развития. Что же касается действительно встречавшихся ранее и существующих проблем в отечественном бизнесе, то дело вовсе не в природной лени россиян. Претензии здесь надо адресовать господствовавшей прежде и не устраненной по сей день системе управления экономикой, малоэффективной по действительному вкладу в рост народного благосостояния.

Сейчас постепенно уходят в прошлое иллюзии, что какая-то иная, кроме рыночной, структура экономики может привести к улучшению всеобщего благосостояния и наиболее полно соответствовать потребностям общественного развития. Самой историей, опровергнувшей на практике все прошлые догмы и утопии, доказано, что предпринимательство было и будет основным компонентом экономической системы того общества, которое называет себя цивилизованным.

Предпринимательство существовало при любом общественном строе, при любом политическом режиме, при любом способе производства. И всегда оно было вынуждено приспосабливаться к существующей экономической системе – рыночно-конкурентной или административно-командной. Также во все времена оно было сковано разными препонами даже в эпоху так называемой свободной конкуренции. Особенно много ограничений и запретов претерпело предпринимательство в XX в. В бывшем СССР проводилась линия на искоренение любых видов частной экономической инициативы. В странах третьего мира предпринимательство обычно подавлялось бюрократическими и колониальными структурами. И даже в высокоиндустриальных странах Запада свободное предпринимательство начиная с 30-х гг. XX в. было ограничено все более усиливающимся государственным вмешательством в экономику и деловой практикой большого бизнеса. И только с 70-х гг. прошлого столетия в поисках выхода из экономических затруднений ряда стран предпринимательство стало признаваться незаменимой силой хозяйственной динамики, конкурентоспособности

и общественного процветания. Обвальная крах командно-административной экономики в бывших советских республиках и в ряде других стран социалистической ориентации еще более утвердил мировое общественное мнение в мысли о том, что предпринимательство было, есть и будет главной пружиной социально-экономического развития.

Примечания

¹ См.: Агеев А. Предпринимательство : проблемы собственности и культуры. М., 1991 ; Волков Н. Сто

страниц о бизнесе. М., 1991 ; Русинов Р. М., Апишев А. А. Возрождение предпринимательства в России. Майкоп, 1992 ; Черников Г. Предприниматель – кто он? Из опыта российского и зарубежного предпринимательства. М., 1992 и др.

² См.: Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991 ; Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII в. М., 1990.

³ См.: Бенуа К. Н. Мои воспоминания. М., 1980 ; Власов П. В. Обитель милосердия. М., 1991 ; Мезенин Н. А. Из истории Демидовских премий. Л., 1987 ; Танишева М. Впечатления моей жизни. Л., 1991 и др.

УДК 316.334.5

КАЧЕСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

М. В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье рассмотрена взаимосвязь экологических проблем современности с уровнем экологического сознания населения России. Дана оценка обеспокоенности и информированности населения об экологических проблемах.

Ключевые слова: экологическое сознание, социальное настроение, экологические проблемы.

The Quality of Ecological Consciousness in Modern Russia: Applied Aspect

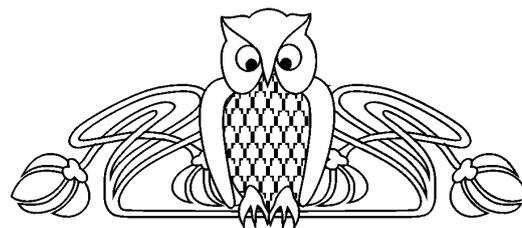
M. V. Kalinnikova

In article correlation between ecological problems of modernity and level of ecological consciousness were reviewed. Has been rated concern and awareness of people by ecological problems.

Key words: ecological consciousness, social mood, ecological problems.

Экологическое сознание в современной России приобретает первостепенное значение в формате социального настроения и здоровья общества. Зависимость настроения социальных групп от изменения внешней среды, социальной динамики, а также обратная зависимость – биосферных и планетарных трансформаций от настроения людей – есть свидетельство того, что решение экономических, политических, социальных проблем следует осуществлять через экологические принципы и мировоззрение¹.

Нестабильность мировой социальной системы, неоднородность глобальных и локальных политико-экономических процессов существенно деформируют культурно-нравственную сферу общества и обуславливают противоречивое отношение к проблемам окружающей среды. Чем

более затяжным является социальный кризис, тем более устойчивым становится это отношение, переходящее в последствии в социальное сознание.

Глобальный конфликт природы и общества, имеющий глубоко социальные корни, способствует образованию социальных слоев, выражающих далеко не однозначное отношение к проблемам окружающей среды. Если обеспокоенность ее состоянием свойственна практически всем социальным слоям (безразличными, пожалуй, остаются только маргиналы), то природоохранная активность, способность отказаться от посягательств или активного растаскивания ресурсов планеты раскалывают общество на большое количество неравнозначных групп. «Монолитно единой общественности просто не существует. Одна и та же негативная антропогенная экологическая ситуация может породить для различных социальных слоев и групп современного стратифицированного общества совершенно различные социально-экологические проблемы, приводить к конфликту социально-экологических интересов и разному поведению в условиях данного конфликта, иными словами, социально-экологические интересы могут играть заметную дифференцирующую роль в процессе трансформации общества. В то же время данные интересы могут являться и консолидирующим фактором, сплачивающим отдельные социальные слои и группы»². Так, в последнее время в связи со всеобщей озабоченностью экологической ситуацией определились типы социальных структур (семья, производственный коллектив, профессиональное и территориальное сообщество, общность по интересам, любительское объединение), что имеет принципиальное значение для формирования разно-

образия и, следовательно, большей устойчивости социально-экологической структуры общества³.

Оценить качество экологического сознания населения легче всего на примерах преступной экологической деятельности, поскольку она не представляет собой трудности в оценочной сфере, так как носит выраженный антиобщественный и антиприродный характер. На всех уровнях социума она расценивается как правонарушение. Значительно сложнее дать оценку экологическому поведению обычного, на первый взгляд послушного, населения, поскольку именно ему свойственно незгичное или потребительское отношение к окружающей среде. Такие люди, как правило, занимают неплохое профессиональное и семейное положение, являются честными и вполне добропорядочными по отношению к другим членам общества. Однако они же с легкостью оставляют горы мусора после отдыха в загородной зоне, допускают множество нарушений должностных обязанностей при работе на экологически опасном или вредном производстве, становясь, тем самым, активными разрушителями естественной окружающей среды. «Если зрелый человек, отвечающий за свои поступки, сознательно и подсознательно наносит вред другим людям, наносит непоправимый ущерб окружающей среде, то его действия должны квалифицироваться как экстремистские даже тогда, когда причины этих действий для самого исполнителя остаются скрытыми или случайными и вызваны незнанием (невежеством), нетерпением или простым желанием рискнуть»⁴.

Процесс экологизации современных россиян носит односторонний эгоистический характер: интересы здоровья вращаются пока только вокруг личного благополучия человека. Активная оздоровительная деятельность личности легко уживается с равнодушием к здоровью природы. Если экологические проблемы и волнуют общество, то пока только на уровне беспокойства: а что же будет с нами завтра? Современный человек хотя еще с трудом, но начинает осознавать первостепенность духовных ценностей и способность именно культуры направлять человечество к созданию новых коэволюционных взаимоотношений в системе «человек – общество – природа».

Вывод о слабой информированности населения современной России об экологических проблемах подтверждают исследования, проведенные автором в 2010–2011 гг. на основе контент-анализа новостных сайтов www.rambler.ru и www.lenta.ru (федеральные и международные новости) и www.sarbc.ru (в основном новости Саратовского региона).

Прежде чем анализировать текст, были определены категории анализа, такими понятиями в данном случае являлись названия новостных сайтов. Затем выбиралась соответствующая им единица анализа текста. За единицу анализа был

взят день недели. Далее устанавливалась единица счета, то есть количественная мера единицы анализа, позволяющая регистрировать частоту появления признака категории анализа в тексте. Единицей счета было выбрано число экологических новостей на сайте.

Исследования показали, что наибольшее количество экологических новостей освещается и обсуждается на сайте www.rambler.ru (104 новости за неделю), значительно меньше на сайтах www.mail.ru, www.utro.ru, www.yandex.ru (19, 13 и 15 экологических новостей соответственно). На местном новостном портале www.sarbc.ru была только одна новость.

Анализ новостных интернет-сайтов и форумов в целом показал, что интерес к экологическим проблемам возникает в связи с крупными природными или техногенными катастрофами. Например, в августе 2010 г., когда на европейской территории России пылали многочисленные лесные пожары, это освещалось неоднократно в новостных лентах сайта и активно обсуждалось на форумах. Так, на сайте www.rambler.ru 57% участников форумов считают, что беспечность людей – основная причина пожаров, 36% объясняют возгорание недоработками властей, 7% придерживаются версии о «диверсии против нашей страны». На сайте www.yandex.ru 77% считали, что повторение лесных пожаров возможно уже в следующем году, 7% прогнозируют их повторение в долгосрочной перспективе, 6% считают, что вероятность повторения таких пожаров ничтожно мала.

Появившаяся в сентябре 2010 г. на сайте www.lenta.ru новость о массовом увольнении лесников в Подмосковье незадолго до начала лесных пожаров вызвала следующие отклики: 70% считают действующую власть ответственной за ситуацию с пожарами, 28% высказались не по теме и только 2% считают, что причина – беспечность людей.

Живое обсуждение на форуме вызвала новость о разрушительном землетрясении в Японии в марте 2011 г.: 40% обсуждали причины возникновения землетрясений, 25% выражали соболезнование пострадавшим, 20% комментировали новости по типу «природа нам мстит», 15% высказывались не по теме.

На местном новостном портале www.sarbc.ru новость, освещающая экологические проблемы региона, появилась за полгода только один раз – в феврале 2011 г. Это было небольшое сообщение о протесте «зеленых» против строительства в Саратовской области радиоактивного могильника. Обсуждения на форуме эта новость не вызвала.

Полученные данные подтверждают необходимость повышения экологического сознания и культуры населения. В современных условиях личность испытывает влияние относительно небольшого круга людей (семья, коллектив, друзья) и небольших по масштабу социальных ситуаций,

но через систему массовых коммуникаций оказывается включенной во все процессы, которые происходят в мире, и становится, тем самым, частью процесса глобализации.

Переход общества на путь коэволюционного развития с природой требует концентрации усилий специалистов по комплексной разработке стратегии формирования экологического сознания и культуры на основе идей устойчивого развития и поддержания деятельности всей системы образования и воспитания, активного включения различных групп населения в сферу формирования экологического мировоззрения.

УДК 316.334.2 (470.44)

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПРИВЛЕЧЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. С. Аникин, В. С. Небога

Саратовский государственный университет
E-mail: vitaliy-neboga@yandex.ru

В статье рассматриваются основные направления социальной инвестиционной политики городского муниципалитета, а также факторы, препятствующие и способствующие реализации социальной инвестиционной политики в Саратовской области.

Ключевые слова: инвестиции, социальная сфера, социальная политика, инвестиционная политика.

Role of Regional Authorities in Attraction of Investments into Social Sphere on an Example of the Saratov Region.

L. S. Anikin, V. S. Neboga

In article the basic directions of a social investment policy of city municipality, and as interfering and promoting factors of realisation of a social investment policy in the Saratov region are considered.

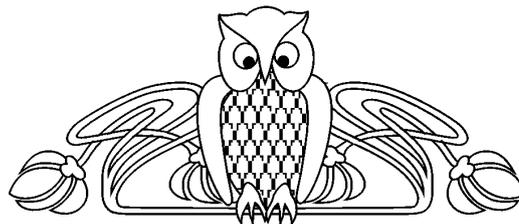
Key words: investments, social sphere, social policy, investment policy.

В современных условиях развития российского общества процессы экономического обновления и роста определяются размерами и структурой инвестиций, качеством и скоростью их осуществления.

Правительством Саратовской области было принято решение по переходу к инвестиционной модели развития экономики¹, поскольку именно инвестиционные ресурсы могут обеспечить динамичное развитие экономики, способствующее обеспечению населения всем комплексом социальных благ в условиях постоянной нехватки бюджетных средств. Таким образом, приоритетным направлением деятельности региональных органов власти Саратовской области является

Примечания

- ¹ См.: Шишкина Е. А. Социология глобального экологического кризиса : в 2 ч. Ч. 2 : Теоретико-прикладные исследования. Астрахань, 2008. С. 36.
- ² Сосунова И. В., Рыбальский Н. Г., Самотесов Е. Д. Методология и методика общественного участия в подготовке и принятии экологически значимых решений. М., 2004. С. 11.
- ³ См.: Яницкий О. Н. Россия как экосистема // Социс. 2005. № 7. С. 84.
- ⁴ См.: Шишкина Е. А. Указ. соч. С. 84.

привлечение инвестиций в социально-экономическую сферу.

В последнее время крупнейшие предприятия Саратовского региона все больше осознают социальную ответственность перед населением, реализуя благотворительные и социальные программы. Так, к примеру, ТНК-ВР увеличила инвестиции в социальные программы, реализуемые на дочерних предприятиях в области. Средства, направленные компанией на региональные социальные проекты, пошли на развитие детского спорта, сохранение объектов культурно-исторического наследия, поддержку талантливой молодежи и социально незащищенных слоев населения территориальных сообществ региона. Приоритетом среди направлений социальной поддержки для компании является детский спорт. ОАО «ТНК-ВР Менеджмент» «ТНК-ВР Поволжье» в г. Саратове и нефтегазовая компания «РуссНефть» и ее дочернее предприятие ОАО «Саратовнефтегаз» являются одними из крупнейших благотворителей Саратовской области, чьи приоритеты в данной сфере совпадают с национальными проектами в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства. Финансовая помощь направляется туда, где традиционно не хватает бюджетных средств, – в школы, детсады, районные больницы, фельдшерские пункты в селах, детские дома, учреждения культуры, спортивные организации. При тесном контакте предприятий и региональных и муниципальных властей посредством, к примеру, долгосрочных соглашений между властью и бизнесом становится возможной реализация интересов как населения, так и бизнес-сообщества. Одни получают социальные блага, другие формируют позитивный имидж компании как на региональном, так и на муниципальном уровне.

За девять месяцев 2010 г. на развитие экономики и социальной сферы области привлечено 42 920,1 млн руб. инвестиций в основной капитал, или 116,6% к январю–сентябрю 2009 г. На строительство жилых домов направлено 7933,2 млн руб., что составило 18,5% в общем объеме инвестиций. На приобретение машин, оборудования, транспортных средств затрачено 44,3%, или 19 025,2 млн руб.

В структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования крупных и средних организаций 46,6% приходилось на долю собственных средств. Доля бюджетных средств, привлеченных организациями на инвестиционные цели, составила 15,1%. Участие банковской сферы в финансировании экономики оставалось незначительным: в январе–сентябре 2010 г. кредиты банков составили 4,4% в общем объеме инвестиций крупных и средних организаций.

Иностранные инвестиции в первом полугодии 2010 г. поступили от компаний 16 зарубежных государств. Наиболее активными инвесторами в Саратовскую область стали предприятия Англии, Швеции и Кипра, на их долю приходилось соответственно 38,7, 25,6 и 19,4% от общего объема поступивших инвестиций.

В 2010 г., по сравнению с аналогичным периодом 2009 г., значительно увеличили объем освоенных инвестиций в основной капитал следующие предприятия: ЗАО «Северсталь-Сортовой завод Балаково», ФЛ ОАО «Русгидро» – «Саратовская ГЭС», ООО «Балаковские минеральные удобрения», ООО «Диалл Альянс», ФЛ ФГУ «ФУ Автомобильных дорог «Большая Волга»», Саратовский филиал ОАО «Волгателеком», ОАО «Богородскнефть»².

Важным фактором инвестиционной привлекательности Саратовской области являются региональное законодательство, обеспечивающее льготный налоговый режим для инвесторов, наличие квалифицированных трудовых ресурсов.

В целях активизации инвестиционной деятельности приняты нормативные акты Саратовской области, обеспечивающие благоприятные условия для инвесторов. В частности, это Закон Саратовской области от 28 июня 2007 г. № 116-ЗСО «О режиме наибольшего благоприятствования для инвесторов в Саратовской области». В соответствии с законом режим наибольшего благоприятствования – это совокупность мер государственного стимулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой на территории области. Основными целями предоставления инвесторам указанного режима являются: рост темпов экономического развития области; рост налогооблагаемой базы, а также налоговых поступлений в бюджет всех уровней; развитие конкуренции на товарных рынках; создание новых рабочих мест и др. Режим наибольшего благоприятствования предоставляется инвесторам в форме: налоговых льгот, бюджетных кредитов, в

том числе инвестиционного налогового кредита, отсрочки или рассрочки по уплате региональных налогов; государственных гарантий области; субсидий и субвенций за счет средств областного бюджета и иных формах³.

Документ стал своего рода «инвестиционным кодексом», который предоставляет инвесторам весь спектр льгот и преференций. Действие данного закона распространяется только на инвесторов, являющихся налогоплательщиками на территории Саратовской области.

Для более эффективного управления инвестициями, создания благоприятных условий для их привлечения, проведения последовательной работы в данной сфере, технической и территориальной адаптации конкретных инвестиционных проектов в Саратовской области при губернаторе создан Совет по инвестициям. Совет рассматривает инвестиционные проекты, планируемые к осуществлению на территории региона, проводит их адаптацию к местным условиям, решает вопросы по предоставлению земельных участков и технических условий. Также Совет разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность, финансово-кредитную и налоговую политику в отношении инвесторов, механизмы стимулирования роста инвестиционной активности.

Существует несколько факторов, которые тормозят привлечение инвесторов в регион. Один из них – неразвитость и аварийное состояние муниципальной инженерной инфраструктуры: газоснабжения, электроснабжения, водоснабжения и теплоснабжения, канализации. Выбирая площадку под реализацию своего проекта, инвестор обращает внимание на состояние инфраструктуры: ее отсутствие или удручающее состояние обычно приводит к удорожанию проекта или отказу инвестора в пользу региона с более комфортными условиями.

Еще один негативный фактор – отказ муниципальных предприятий ЖКХ Саратова в выдаче технических условий на проектирование и строительство инвестпроектов.

В этом же ряду факторов и недопустимые обременения на подключение к сетям в г. Саратове, также ведущие к резкому удорожанию инвестиционных проектов. Так, например, при проработке возможности реализации инвестпроекта ООО «ИКЕА МОС (Торговля и Недвижимость)» по строительству в районе Пристанного торгового комплекса компания столкнулась с проблемой высокой стоимости обременений по проектированию и строительству внеплощадочных инженерных сетей (водоснабжение, канализация, ливневая канализация, газоснабжение). Это явилось одной из основных причин приостановки реализации данного проекта.

В связи с высоким износом сетей водоснабжения и водоотведения при предоставлении инвесто-

рам технологических условий на присоединение к данным сетям муниципалитетом выставляются суммы, превышающие лимит, заложенный на данные цели в инвестиционном проекте.

На наш взгляд, данную проблему можно решить только при условии обязательной консолидации ресурсов государственной и муниципальной власти и частного бизнеса. По мнению министра инвестиционной политики Ирины Блохиной, «недофинансирование предприятий ЖКХ, отсутствие эффективных процедур формирования и изменения тарифов обуславливает низкое качество предоставления жилищно-коммунальных услуг и непривлекательность жилищно-коммунального комплекса для инвесторов. В данном случае необходима господдержка инвестиций в модернизацию жилищно-коммунального комплекса, осуществление которой возможно по нескольким направлениям. Так, решением данной проблемы может стать использование механизма государственно-частного партнерства, при котором затраты на подведение инженерных коммуникаций к площадке инвестора возьмет на себя областной или муниципальный бюджет. При этом инвестиционный проект должен быть признан приоритетным для социально-экономического развития области, муниципального района»⁴.

Определяя роль региональных органов власти в привлечении инвестиций, следует отметить ряд позиций.

Необходимым условием успешного развития инвестиционной деятельности в субъектах Российской Федерации являются совершенствование российского законодательства, создание системы регулярного мониторинга и стратегического планирования экономического развития страны.

Качество управления инвестициями во многом определяется обоснованностью поставленных целей, принимаемых решений, эффективностью применяемых методов и инструментов управления. Выработка оптимального направления инвестиционной политики во взаимосвязи со стратегией социально-экономического развития региона является важнейшей задачей органов региональной и государственной власти. Социальные проекты крупнейших предприятий об-

ласти необходимо осуществлять в соответствии с долгосрочными соглашениями между данными предприятиями и правительством Саратовской области.

Целесообразно дальнейшее расширение диалога «власть – бизнес», достаточно успешно действующего в Саратовской области, создание системы сопровождения инвестиционных социальных проектов, имеющих особую значимость для населения региона, со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Важнейшим условием развития инвестиционного потенциала региона выступает наличие инфраструктурно обустроенных площадок для строительства или размещения отдельных объектов инвестирования.

Немаловажным является увеличение притока частных инвестиций в экономику Саратовской области, в том числе в развитие инфраструктуры. Для этого необходимы совершенствование регионального законодательства, формирование системы конкурентных по сравнению с другими регионами условий инвестирования.

Примечания

- ¹ Об утверждении областной программы «Повышение инвестиционной привлекательности Саратовской области» на 2012–2015 годы : постановление правительства Саратовской области от 27 декабря 2011 г. № 750-П. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/377444> (дата обращения: 24.04.2011).
- ² См.: Саратовинформ : [сайт]. URL: <http://sarinform.com/lenta/archives/new/2010/11/10/6206> (дата обращения: 24.03.2011).
- ³ См.: Закон Саратовской области от 28 июня 2007 г. № 116-ЗСО «О режиме наибольшего благоприятствования для инвесторов в Саратовской области». URL: <http://www.consultant.ru/law/review/158383.html> (дата обращения: 24.12.2010).
- ⁴ Министр инвестиционной политики Саратовской области Ирина Блохина : Формируем инвестиционную стратегию региона. URL: <http://news.sarbc.ru/interview/2010/10/22/104221.html> (дата обращения: 17.03.2011).

УДК 004:33

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

О. Ю. Красильников

Саратовский государственный университет
E-mail: ok-russia@yandex.ru

В статье рассматриваются подходы к оценке социально-экономической эффективности реализации концепции «электронного правительства». Особое внимание уделяется определению величины издержек и результатов формирования электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, электронные услуги, информационно-коммуникационная система, информационные ресурсы, результативность.

The Problems of Application of E-government Conception in Russia

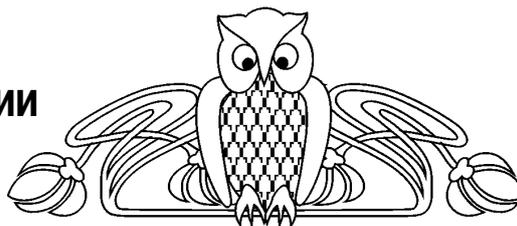
O. Yu. Krasilnikov

The article describes different ways of (approaches to) evaluation of social-economic effectiveness of e-government conception realization. Special attention is paid to determination of the costs and the results of e-government creation.

Key words: e-government, e-services, information-communicative system, information resources, effect.

Впервые концепция электронного правительства была законодательно закреплена в федеральной целевой программе «Электронная Россия». Целью данной программы является «формирование в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства, необходимой для: повышения качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти, повышения оперативности предоставления государственных и муниципальных услуг, внедрения единых стандартов обслуживания населения; повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти на основе организации межведомственного информационного обмена и обеспечения эффективного использования органами власти информационных и телекоммуникационных технологий, повышения эффективности управления внедрением информационных и телекоммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти; повышения эффективности систем информационно-аналитического обеспечения государственного управления, обеспечения оперативности и полноты контроля за деятельностью органов государственной власти»¹.

Таким образом, внедрение программы электронного правительства в России подразумевает

четыре основных направления деятельности: во-первых, предоставление гражданам актуальной информации о деятельности государственных органов власти в электронной форме; во-вторых, обеспечение универсального доступа к этой информации; в-третьих, организацию межведомственного информационного обмена; в-четвертых, обеспечение эффективного контроля деятельности государственной власти.

Однако на сегодняшний день более актуальной является задача обеспечения возможности для физических и юридических лиц на основе полученной информации выполнить ряд рутинных действий по взаимодействию с государственными структурами в интерактивном режиме, прежде всего посредством глобальной сети Интернет. Так, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» предусматривает, что к 2015 г. доля государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, в общем объеме государственных услуг в Российской Федерации должна приблизиться к 100%².

Существуют различные модели, или стадии, развития электронных услуг. В частности, С. Бхатнагар говорит о трех таких моделях³. Первая модель, или стадия, предполагает оказание государственных услуг в подразделении органа государственной власти. Таким образом, услуги данного конкретного органа власти или его департамента переводятся в электронный вид, однако место их предоставления не меняется и гражданин все равно должен физически присутствовать в месте оказания услуги. Это позволяет, тем не менее, снизить временные затраты, которые требуются для обращения в орган государственной власти, так как при условии реинжиниринга внутренних административных процессов обработка обращений граждан существенно ускоряется и становится более прозрачной.

Второй стадией развития электронных услуг можно считать физическое перемещение служб по работе с гражданами различных органов государственной власти в одно здание и создание так называемых центров оказания государственных услуг. В этом случае можно говорить о реализации принципа одного окна без использования технологии Интернет: все необходимые согласования проходят без повторного обращения гражданина,

однако для первичного обращения его присутствие необходимо. Такая форма электронных услуг получила весьма широкое распространение в странах с достаточно слабым уровнем развития информационной инфраструктуры, например в Индии.

Наконец, третья стадия развития электронных услуг, которую некоторые исследователи называют самообслуживанием (self-services), заключается в публикации информации и интерактивных форм для получения государственной услуги на портале органа государственной власти. Таким образом, здесь реализуется принцип

электронного одного окна – гражданин получает доступ ко всем необходимым инстанциям в одном месте и это место становится виртуальным – место встречи гражданина и чиновника переносится в виртуальную среду.

Электронные услуги на сегодняшний день являются одним из приоритетных направлений развития электронного правительства. Об этом свидетельствует, например, инициатива Европейского союза, который ввел систему постоянного мониторинга 20 основных услуг, оказываемых гражданам (табл. 1)⁴.

Таблица 1

Список базовых услуг для граждан и бизнеса в рамках концепции электронного правительства Европейского союза

Базовые услуги для граждан	Базовые услуги для бизнеса
1) подоходный налог: декларирование и пр.; 2) поиск работы через службу занятости; 3) социальная помощь: – пособия по безработице; – пособия на ребенка; – возмещение затрат на медицинские услуги; – оплата учебы; 4) персональные документы (паспорт, водительские права); 5) регистрация автомобиля; 6) подача заявлений на строительство; 7) информирование полиции (например, в случае кражи); 8) публичные библиотеки (доступность каталогов, поисковые средства); 9) свидетельства (о рождении, браке): запрос и предоставление; 10) подача заявлений на поступление в высшие учебные заведения; 11) информирование о смене места жительства; 12) услуги, связанные с медициной (интерактивные консультации, доступность медицинских услуг в различных госпиталях, заявка на лечение в конкретном госпитале и др.)	1) социальные отчисления на служащих; 2) корпоративные налоги: декларирование и пр.; 3) налог на добавленную стоимость: декларирование, уведомления, возврат; 4) регистрация нового юридического лица; 5) подача статистических данных; 6) таможенное декларирование; 7) получение разрешений, связанных с охраной окружающей среды; 8) государственные закупки

Оценить эффективность внедрения концепции электронного правительства можно традиционным способом, сопоставив экономические издержки, необходимые для его создания, и экономические результаты, получаемые в процессе его функционирования.

К экономическим издержкам следует отнести затраты на компьютеризацию населения и органов государственной власти (включая обучение пользователей), издержки на подключение к сети Интернет и оплату трафика, а также затраты на периодическое регламентное обслуживание электронного оборудования.

К экономическим результатам относится, прежде всего, снижение транзакционных издержек: уменьшение количества уровней управления в государственных организациях за счет устранения среднего уровня менеджмента; переход от классической пирамидальной структуры к более сложным и гибкими типам организационной структуры, приближение к сетевым организациям; существенное снижение издержек – как материальных, так и временных – на осуществление административных процедур; снижение затрат на интерактивные формы взаимодействия с гражданами, что позволяет органам государственной власти более полно

учитывать мнение различных социальных групп при принятии решений.

Согласно исследованию консалтинговой компании «Accenture», проведенному в Канаде, усредненные расходы на оказание государственной услуги при личном посещении государственного органа составляют 44 канадских доллара, при почтовом сообщении – 38, при телефонном звонке – 8 и, наконец, при оказании услуги через Интернет всего 1 канадский доллар⁵. Использование электронных закупок в США позволило снизить издержки государства в этой области на 5–30% (в зависимости от метода оценки)⁶. Данные об экономии времени (а значит, и средств) при оказании государственных услуг посредством сети Интернет приведены в табл. 2.

Оценить эффективность внедрения концепции электронного правительства в нашей стране можно, сопоставив издержки и результаты реализации программы «Электронная Россия».

Общий объем финансирования программы на 2002–2010 гг. был заложен на уровне 21 237,902 млн рублей. Создание инфраструктуры электронного правительства, обеспечивающей доступ к информации о деятельности и услугам органов государственной власти в электронном виде, межведомственное электронное взаимодействие и

Таблица 2

Экономия времени в результате внедрения электронных услуг

Страна	Тип услуги	Время до реализации	Время после реализации
Бразилия	Электронные формы документов	Несколько дней	20–30 мин
Чили	Электронные формы для уплаты налогов	25 дней	12 час
Китай	Электронная регистрация коммерческих юридических лиц	2–3 месяца	10–15 дней
Индия	Регистрация имущества	Несколько дней	10 мин
	Регистрация земельных участков	7–15 дней	5 мин
	Внесение изменений в собственность на недвижимость	1–2 года	30 дней
	Справка о собственности на недвижимость	3–30 дней	5–30 мин
	Контроль грузов при пересечении границы штатов	30 минут	2 мин
Ямайка	Электронная таможня	2–3 дня	3–4 час
Филиппины	Электронная таможня	8 дней	4–48 час

Примечание. Сост. по: *Bhatnagar S. E-Government : from Vision to Implementation*, Sage Publications, New Delhi / Thousand Oaks. L., 2005. P. 152.

единый государственный контроль результативности деятельности органов государственной власти позволило бы снизить уровень административной нагрузки на организации и граждан и дало бы ежегодную экономию до 10 млрд рублей. Таким образом, несложные подсчеты показывают, что срок окупаемости программы составлял чуть более двух лет⁷.

Однако в реальности все обстояло иначе. Средства, выделенные на реализацию федеральной целевой программы «Электронная Россия», к 2008 г. были освоены лишь на 38%. В отчете Минэкономразвития РФ об исполнении федеральных целевых программ, направленном в Правительство России, говорится, что хуже всего в 2008 г. исполнялись программы «Электронная Россия», профинансированная на 9,1%, «Развитие наноиндустрии» (10,2%) и «Развитие гражданской техники» (24,2%)⁸.

Проблема эффективности электронных услуг и – более широко – электронного правительства как такового является очень сложной. Основная трудность при этом заключается в том, что если затраты на реализацию тех или иных проектов легко поддаются количественной оценке, то определить преимущества, получаемые в результате реализации концепции электронного правительства, представляется крайне сложной задачей в силу того, что результаты проявляются не только и не столько на данном этапе, сколько в долгосрочном периоде в виде экономии средств органов государственной власти и повышения качества обслуживания граждан.

Таким образом, можно говорить о возрастающей вследствие внедрения электронных услуг результативности органов государственной власти, что проявляется в более высоком качестве оказываемых услуг и уровне удовлетворения потребностей граждан. При этом оптимизация процесса оказания государственных услуг про-

исходит по нескольким направлениям. С одной стороны, государство получает в свое распоряжение новый набор маркетинговых инструментов, которые позволяют при помощи интерактивных опросов граждан более точно выявлять их предпочтения в отношении как набора государственных услуг, так и оптимального способа их предоставления. С другой стороны, меняется сам принцип предоставления государственных услуг – если до сих пор процедура оказания услуги строилась как максимально «удобная» для чиновников, то теперь центр переносится на гражданина и его интересы ставятся во главу угла оказания услуги. В частности, это находит свое отражение в структуре государственного портала, который является основным инструментом оказания государственных услуг. Современный портал должен быть организован согласно основным событиям в жизни гражданина (таким как рождение, обучение, трудоустройство и т. д.), а не структурным подразделениям, отвечающим за предоставление той или иной информации или услуги. При этом от гражданина не требуется знания компетенций различных органов государственной власти и последовательности обработки его заявки – его обслуживание происходит на одном и том же портале, на котором он может легко сориентироваться исходя из собственных потребностей. Это создает существенные сложности для органов государственной власти, поскольку требует нового уровня горизонтальной и вертикальной интеграции, однако повышает качество обслуживания граждан.

Таким образом, государственные услуги должны быть структурированы согласно «жизненным событиям» и организованы по принципу одного окна. Содержанием его является предоставление гражданину возможности получить весь комплекс государственных услуг в одном месте. Процедура

оказания услуг имеет важные последствия для организации работы органов государственной власти, в частности уровня их интеграции.

Еще одним важным результатом внедрения концепции электронного правительства должно стать общее снижение коррупционной нагрузки на экономику вследствие изменения роли, которую играют рядовые государственные служащие.

В традиционной государственной системе их роль была очень значительной, так как они осуществляли все контакты с гражданами при обращении в органы государственной власти и, соответственно, за счет монопольного владения информацией могли легко манипулировать ходом досье гражданина, «подправлять» его определенные аспекты и т. д. Более широко – рядовые государственные служащие отвечали за реализацию принятых политических решений и разработанных стратегий и оказывали существенное влияние на окончательный вид государственной стратегии. По сути, они обладали достаточно значительным уровнем автономности и должны были в соответствии со своим опытом и знаниями принять решение (зачастую не безвозмездно) по каждому конкретному случаю.

При этом не следует думать, что такая ситуация не имела позитивных аспектов – индивидуализация услуги в определенном смысле является показателем ее качества. Гражданин в определенных случаях готов пожертвовать большим количеством времени для того, чтобы его случай был рассмотрен в индивидуальном порядке живым человеком, который может принять во внимания сложно уловимые нюансы, а не машиной, которая жестко действует по заранее прописанным правилам. В то же время колоссальные административные полномочия, которые возникали у чиновников при этом, приводили и к существенным негативным последствиям – потенциальной коррупции, большим временным потерям при обработке каждого досье в индивидуальном порядке и т. д.

Впервые роль служащих низового уровня была подчеркнута в работах М. Липски, который в 70-х гг. XX в. ввел термин «уличный бюрократ»⁹. Он выделяет ключевую роль низового уровня управления, поскольку именно мелкие чиновники воплощают на практике принятые политические решения и в конечном счете во многом могут влиять на их содержание. Источником влияния рядовых служащих, по мнению М. Липски, является владение монопольное информацией. В целом автономность служащих низового уровня возникает в результате контроля ими информационных потоков между организацией и ее клиентами. Чиновник для гражданина выступает основным источником информации о правилах и процедурах в органе государственной власти. В то же время для государственного органа он основной источник информации о клиенте и его досье.

В условиях когда государственные услуги оказываются не в представительстве органа

государственной власти, а в сети Интернет, служащие автоматически утрачивают монопольный контроль информационных потоков, и происходит не только внешнее изменение процедур, но и глубинное внутреннее перераспределение власти в рамках государственной организации. Служащие низового уровня утрачивают полномочия по участию в принятии политических решений, и ситуация становится более близкой к рациональному идеалу в том смысле, что решение по индивидуальному досье гражданина принимается автоматически, без личного участия государственного служащего.

Позитивные последствия перевода государственных услуг в электронный вид очевидны. Однако при этом возникают и существенные трудности. В первую очередь ограничения внедрения электронных услуг связаны с цифровым неравенством – далеко не все граждане имеют возможность использовать компьютер и сеть Интернет, а поскольку государство, в отличие от организации частного сектора, не может ориентироваться лишь на часть граждан, возникает необходимость поддержания дублирующих форм оказания государственных услуг – личного посещения государственных органов, телефонных звонков, почтовых отправок и т. п. На этот аспект, ограничивающий эффективность электронных услуг, обращает внимание Д. Уэст: «В настоящее время примеров сокращения расходов в результате внедрения информационных технологий в деятельность государственных организаций совсем немного, поскольку наряду с развитием цифровых услуг государство должно поддерживать допотопные каналы доставки услуг»¹⁰. Реальная экономия средств, очевидно, может быть достигнута только в том случае, когда цифровое неравенство будет незначительным настолько, чтобы можно было ликвидировать традиционные формы предоставления услуг.

Выше мы рассмотрели цифровое неравенство как фактор, сдерживающий эффективность и «отдачу» от электронных услуг. В то же время проблемы данным фактором не исчерпываются. Даже в такой развитой в информационном плане стране как Канада, где доступ к Интернету имеет 60% граждан, электронными услугами пользуется только 11% из них¹¹. Объяснить этот феномен можно разными причинами. Помимо стереотипного восприятия Интернет как среды развлечения можно говорить и о таком аспекте, как утрата доверия граждан к органам государства при их перемещении в виртуальную среду. Психологически существует большая разница между оплатой счета в банке и переводе тех же самых средств через электронный портал без личной консультации с государственным служащим.

В целом можно говорить о недостаточном внимании, которое уделяется исследователями в области электронного правительства проблемам психологического характера. Дегерсонализация процесса оказания государственных услуг имеет

очевидные преимущества, которые связаны с экономией ресурсов органами государственной власти, сокращением административных полномочий чиновников низового уровня, оказанием услуг в режиме 24/7 (24 часа в сутки, 7 дней в неделю). В то же время чиновник, который обрабатывал обращения граждан, был в их глазах лицом государства, его живым воплощением. В электронном государстве законопослушный гражданин практически не встречается с представителями государства, поскольку все основные транзакции можно осуществить через Интернет.

Помимо всего прочего большим препятствием на пути внедрения концепции электронного правительства в России является низкий уровень развития информационных технологий (ИТ). В 2009 г. Россия заняла 38-е место в мире из 66 стран в рейтинге конкурентоспособности ИТ-отрасли. Рейтинг конкурентоспособности ИТ-отрасли возглавили США, Финляндия, Швеция, Канада и Нидерланды¹².

Сохранение сырьевой направленности экономики затрудняет выход страны из мирового финансово-экономического кризиса и мешает развитию конкурентоспособности информационной отрасли в долгосрочном периоде. Одна из причин подобного положения заключается в медленной реализации правительственных инициатив, направленных на развитие ИТ-сектора. С другой стороны, эффективная реализация стратегии развития информационного общества в Российской Федерации может способствовать решению многих социальных проблем.

Примечания

¹ См.: Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 годы). Утверждена Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Рос. газ. 2002. 3 февр.

- ² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр–212 // Рос. газ. Федер. вып. 2008. 16 февр.
- ³ См.: *Bhatnagar S.* E-Government : from Vision to Implementation, Sage Publications, New Delhi / Thousand Oaks. L., 2005. P. 29–30.
- ⁴ См.: Отчет «Электронная Европа : сравнительные показатели». URL: <http://www.microsoft.com/Rus/Government/newsletters/issue19/03.msp> (дата обращения: 10.01.2011).
- ⁵ См.: E-Government Leadership : High Performance, Maximum Value, The Government Executive Series, Accenture, 2005. URL: <http://www.accenture.com> (дата обращения: 11.01.2011).
- ⁶ См.: Eduardo Talero, Electronic Government Procurement : Concepts and Country Experiences // World Bank discussion papers. 15.12.2004. P. 6. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 11.01.2011).
- ⁷ См.: Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 годы).
- ⁸ См.: «Электронная Россия» : выделенные средства освоены на 38% // ПЛАС-daily. 17.12.2008. URL: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2008/12/16/332041> (дата обращения: 15.01.2011).
- ⁹ См.: *Лунски М.* «Уличный» уровень бюрократической системы управления : Важнейшая роль чиновников данного уровня // Д. Шафритц, А. Хайд. Классики государственного управления : Американская школа. М., 2003. С. 530.
- ¹⁰ *West D.* Digital Government : Technology and Public Sector Performance // Princeton univ. press, 2005. P. 171.
- ¹¹ См.: Global Corruption Report 2003 // Transparency International. P. 32. URL: <http://www.ti.org> (дата обращения: 18.01.2011).
- ¹² Россия заняла 38 место в мире в рейтинге конкурентоспособности ИТ-отрасли за 2009 год // CyberSecurity. 17.09.2009. URL: <http://www.cybersecurity.ru> (дата обращения: 20.01.2011).

УДК 316.354:351/354

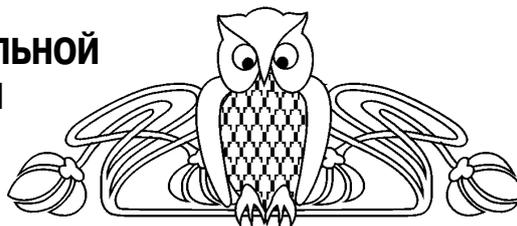
ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ

О. Ю. Голуб

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

В статье дается обоснование использования социальных технологий управления кризисными коммуникациями. Раскрываются основные методологические принципы и этапы процесса построения социальной технологии управления кризисными коммуникациями в организации.

Ключевые слова: социальная технология, кризисная коммуникация, социальная технология управления.

General Approaches to the Development of Social Technology for Crisis Communications

O. Yu. Golub

The article explains the rationale for the use of social technologies for crisis communications, also reveals basic methodological principles and steps in the process of building social crisis communications management technology in the organization.

Key words: social technology, crisis communications, crisis management technology.

Современное общество характеризуется усложнением социальных связей, систем и отношений, динамизмом социальных процессов, созданием позитивного контекста взаимоотношений и взаимодействия, что обуславливает необходимость совершенствования социального управления. Одно из направлений, обеспечивающих новое качество социального управления, связано с освоением инновационных методов социального воздействия. В первую очередь использование социальных инноваций связывается с возможностью технологизации многих видов управленческой деятельности, в том числе и процесса управления кризисными коммуникациями.

Основной целью любой социальной технологии является оптимизация управленческого процесса, исключение из него тех функций и операций, которые не способствуют получению социально приемлемого результата. По мнению В. Л. Иванова и В. Н. Патрушева, любой социальный процесс может совершаться в трех формах – как последовательные изменения объекта, последовательные действия субъекта, осуществление определенной технологии. Высшей формой социального процесса является именно его технологическая форма¹. Социальные технологии выступают интеллектуальным наукоемким ресурсом, использование которого позволяет не только изучать и предсказывать различные социальные перемены, но и активно влиять на практическую жизнь, получать эффективный прогнозируемый социальный результат².

Истоки понятия социальной технологии лежат в теории управления, в той или иной степени различные ее аспекты исследовались как зарубежными, так и отечественными учеными. Социальные технологии характеризуются следующими чертами: во-первых, целесообразностью действий; во-вторых, упорядоченностью и плановностью деятельности; в-третьих, расчлененностью действий на отдельные процедуры и их дифференцированностью; в-четвертых, рациональностью, научным подходом; в-пятых, рефлексивностью, предусматривающей постоянную критическую самооценку субъекта социального действия³.

Важно подчеркнуть, что реализация социальных технологий позволяет выявлять и использовать возможности социальной системы в соответствии с целями ее развития, разрешать противоречия между субъектами и объектами управления, применять такие операции и процедуры социального воздействия на объекты социального управления, которые максимально направлены на получение оптимального социального результата⁴.

В работах В. Н. Иванова и В. И. Патрушева⁵ формулируются основные методологические принципы построения социальных технологий. В общих чертах эти принципы могут быть сведены

к учету специфики составляющих общественного процесса, использованию синергетического подхода, означающего взаимовлияние и взаимообусловленность всех элементов сложных социальных систем, приверженности принципам гуманизма, целостности социального пространства, разнообразия, использования деятельностного и стратификационно-классового подходов деления общества.

Социальные технологии могут быть рассмотрены с двух точек зрения: во-первых, как программы, содержащие конкретные процедуры и операции; во-вторых, как собственно деятельность, построенная в соответствии с программами. Так или иначе социальные технологии проектируются, создаются как алгоритм деятельности, описываются проектом, под который разрабатывается программа в виде технологической цепочки.

Технологизация управленческого процесса в организации означает, что процесс разделен на функции, процедуры, операции, действия; существуют координация и поэтапность действий; функции, процедуры, операции, действия выполняются однозначно. Таким образом, социальная технология представляет собой способ организации практической деятельности, имеет свою специфику, заданную целями организации, и направлена на конкретную оптимизацию системы управления на основе обновленной элементной и функциональной структуры управления организацией, а также на обновление набора ее управляющих параметров и разграничение управленческих полномочий. Иначе говоря, социальная технология – это метод управления социальными процессами, используемый для достижения цели с помощью деления деятельности на отдельные процедуры и операции.

Относительно проблемы разработки социальной технологии управления кризисными коммуникациями следует обратить внимание на несколько принципиальных моментов.

Первое. Кризис представляет собой особое, неожиданное и нестандартное событие или ряд событий, которые создают высокий уровень неопределенности и угрозы или воспринимаются как угроза для приоритетных (первоочередных) целей. Неопределенность связывается с нарушением информационных связей. Тем самым закладывается угроза не только текущей деятельности организации, это создает угрозу для ее имиджа, создания конкурентных преимуществ, обеспечивающих новый уровень развития. Поэтому в условиях кризиса важно организовать эффективное управление кризисными коммуникациями, сделать управляемыми процессы распространения информации, формирования общественного мнения, конструирования социальных взаимодействий.

Второе. Основу программы антикризисного управления составляет коммуникационная политика. Коммуникация всегда осуществляется

на институциональном уровне посредством специальных социальных технологий. Основным институтом, целью которого является управление коммуникационными процессами, выступают связи с общественностью. Связи с общественностью как механизм управления социальными отношениями, общественным мнением, процессом создания позитивного контекста взаимоотношений обеспечивают взаимосвязь субъектов и их целевых групп посредством передачи информации и установления эффективной коммуникации. Применительно к кризисной ситуации это имеет принципиальное значение. Кризисные коммуникации – это целый комплекс социальных коммуникативных технологий, связанных с прогнозированием, диагностированием, управлением кризисом, адаптацией к новым условиям и нейтрализацией негативных последствий. Иначе говоря, речь идет о постоянной и планомерной деятельности, направленной на поддержание устойчивой репутации организации.

Третье. Процесс разработки и внедрения технологий управления кризисными коммуникациями в организации подразумевает:

- 1) моделирование идеального состояния системы управления;
- 2) диагностику реального состояния системы управления кризисными коммуникациями в организации, выявление слабых мест, уточнение проблем развития, целей и задач;
- 3) разработку возможных вариантов достижения идеального состояния и выбор лучшего из альтернативных вариантов;
- 4) определение оптимально необходимых функций, процедур, операций, действий, обеспечивающих устойчивое функционирование и развитие организации;
- 5) разработку программы технологизации процесса управления кризисными коммуникациями и ее реализацию;
- 6) контроль хода реализации программы технологизации по мере внедрения и конечного результата;
- 7) оценку эффективности применения технологии управления кризисными коммуникациями.

В основе социальной технологии управления коммуникациями в кризисной ситуации лежит разработка программы кризисных коммуникаций, реализация которой осуществляется по нескольким направлениям. Первое направление посвящено управлению неопределенностью. Неопределенность характеризуется неизвестностью в отношении вероятности наступления результатов решений или событий, что обуславливает усложнение коммуникационных функций управления на уровне организации. На этом этапе необходим объективный, непротиворечивый анализ самого кризиса, его характера, причин возникновения. Важно проанализировать коммуникационные аспекты проблемы, связанные с каналами, фор-

мами и содержанием передаваемой информации; осуществить анализ текущих и возможных рисков; разработать стратегию кризисных мероприятий, направленных на поддержание имиджа и репутации организации; разработать конкретные, детальные кризисные планы.

Второе направление – управление реакцией на кризис. С одной стороны, необходимо произвести сегментацию общественности, определить все возможные заинтересованные группы, одинаково реагирующие на кризисную информацию, и установить цели коммуникаций для каждой из целевых аудиторий. С другой стороны, незамедлительное информирование общественности руководством организации о планах по преодолению кризисной ситуации в первые часы и дни кризиса, например при помощи организации пресс-конференции, способно скоординировать действия, снизить уровень неопределенности и тревожности. Такие действия демонстрируют компетентность, решимость менеджмента в преодолении кризиса, наличие контроля ситуации и способствуют получению запаса времени на разработку дальнейших мероприятий.

Третье направление системы кризисных коммуникаций связано с урегулированием кризисной ситуации. Здесь важно в соответствии с разработанными планами для каждого сегмента общественности последовательно осуществлять целый комплекс мероприятий, направленных, с одной стороны, на возмещение убытков пострадавшим от кризиса, а с другой – на восстановление репутации организации. Необходимо обеспечить координацию коммуникационных потоков, активизировать поддержку партнерами, представителями властей и лидерами общественного мнения.

В рамках четвертого направления главный акцент должен быть сделан на извлечение уроков из кризиса, на упреждающее выявление ситуаций высокого риска в деятельности организации. Необходимо, во-первых, прогнозирование возможных рисков и кризисных ситуаций в целях разработки ответных действий; во-вторых, планирование коммуникации в условиях кризисной ситуации – план должен быть гибким, способным к обновлению, корректировке и согласованию с учреждениями, которые будут задействованы в период развития кризисной ситуации. Именно данный этап является ключевым элементом в антикризисном управлении. Умение дать объективную оценку результатам и эффектам кризисных мероприятий, способность прогнозировать, планировать и корректировать коммуникационный процесс представляется важнейшим при поиске ответа на вопрос о том, какие последствия – позитивные или негативные – будет иметь кризисная последствие для организации и ее будущего.

Эффективность планирования и результативность кризисных коммуникаций должны оцениваться не только по тому, как быстро это было

сделано, но и по тому, в какой мере выполнена поставленная задача, были ли допущены ошибки и какова была на это реакция менеджмента. Публичное признание своих ошибок, декларация намерений осуществления мер, направленных на то, чтобы подобная ситуация не повторилась, способствуют атмосфере доверия, снижают вероятность совершения подобных ошибок при наступлении кризисного момента и, что самое главное, позволяют сохранить или укрепить имидж организации и ее авторитет в глазах общественности.

Недостаточное внимание к вопросам разработки коммуникационной политики может спровоцировать конфликт интересов и даже кризисную ситуацию. Основой таких конфликтов является неравномерное распределение информации между участниками социальных отношений. Если бы каждая сторона обладала полной достоверной информацией, то она могла бы точно оценивать ситуацию, выявлять недостатки, рациональнее выполнять свои обязательства, выстраивать эффективную систему взаимодействия со всеми группами общественности.

Наряду с несомненными достоинствами практика технологизации управленческих процессов имеет и отрицательные стороны, среди которых не последнее место занимают проблемы, связанные с консерватизмом мышления, закреплением стереотипов поведения, противостоянием инновациям.

В случае технологизации процессов управления кризисными коммуникациями надо понимать, что каждый кризис уникален, неповторим, обладает особенностями, задающими специфику реализации кризисного плана и используемого инструментария. Выход из кризисной ситуации возможен только при условии выработки нового, адекватного ее видения, появления новых конструктивных идей. Поэтому постоянное обновление процедур, освоение нового опыта, генерирование свежих идей и т. п. обеспечено. Между тем следует четко соблюдать технологическую дисциплину, так как именно неспособность субъектов и объектов управления следовать предписаниям технологии зачастую оказывается серьезным препятствием на пути их реализации в жизнь. Значение технологии заключается прежде всего в том, что она делает человеческую деятельность более рациональной, включая в нее только те процессы и операции, которые необходимы для достижения поставленной цели.

Субъектами преодоления кризисных ситуаций могут стать только сами участники ситуаций. Выход из кризисной ситуации может быть найден и осуществлен при условии предельной концентрации интеллектуальных и психических сил участников, при наличии желания и стремления разрешить ситуацию в ходе социального взаимодействия и коммуникации. В случае глубоко заинтересованного личного отношения к решаемой проблеме могут включиться в полной мере резервные возможности мышления и психики человека. На этой основе поэтапно достигается согласование разных позиций, взглядов, индивидуального опыта, разных пониманий с ориентацией на объединение их в единое целое. В кризисной ситуации происходит переоценка прежних знаний, ценностей, стереотипов. Поэтому ввиду сложности структур сознания людей даже продуманные рациональные управленческие действия могут вызвать неоднозначную оценку и реакцию. В этих условиях технологическая модель коммуникации может быть построена на основе ряда мировоззренческих, методологических и теоретических принципов.

Важнейшей функцией социального управления в современном обществе является учет общественного мнения. Поэтому принципиально важным представляется использование гибких социальных технологий, позволяющих осуществлять постоянный мониторинг реализации, ориентированных на более тонкую корректировку общественного мнения, оказание более деликатного коммуникативного воздействия на формирование оценочных суждений и моделей поведения, что в конечном итоге определяет эффективность и рациональность социального управления.

Примечания

- ¹ См.: Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М., 2001. С. 37.
- ² Там же. С. 49.
- ³ Дятченко Л. Я., Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А. Проблема социально-технологической компетентности личности в социологии // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 11. С. 78–82.
- ⁴ См.: Социальные технологии. URL: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=758> (дата обращения: 30.01.2012).
- ⁵ См.: Иванов В. Н., Патрушев В. И. Указ. соч. С. 43–45.

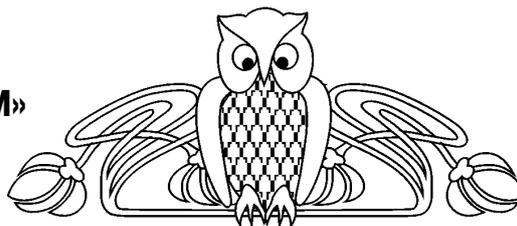

УДК 316. 354:351/354

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ»

Т. В. Дыльнова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются сложные и глубокие процессы функционирования системы социального управления обществом в современных условиях. Характеризуются понятия системы, ее структура, функции и виды.

Ключевые слова: социальное управление, система социального управления, структура системы управления, функции системы управления, механизм системы социального управления.

On the Question of the Notion of the Social Government System of a Society

T. V. Dylnova

The paper considers complex and deep processes of the functioning of the social government system of a society in modern conditions. The notions of a social government system, its structure, functions, and kinds are characterized.

Keywords: social government, social government system, structure of a government system, functions of a government system, mechanism of a government system.

Любое общество основывается на совместной деятельности индивидов, которую в целях ее реализации необходимо организовывать. Организация социальных действий и управление ими составляют предмет социологии управления, которая выступает специфической отраслью социологического знания. Она изучает социальные основы, динамическую систему и процессы управления, их социальные функции и принципы, особенности управленческих решений и управленческой деятельности, степень их эффективности в условиях существующих в обществе социальных отношений.

Несмотря на кажущуюся простоту характеристик социального управления, дать полное определение этому феномену не так легко вследствие того, что имеется несколько подходов к решению данной проблемы. В самом общем виде процесс управления определяется как непрерывное целенаправленное воздействие на личность или группу людей, причем личность или группа, находящиеся под подобным воздействием, представляют собой объект управления, а личность или группа, такое воздействие осуществляющие, – субъект управления.

Если говорить более подробно о самом социальном управлении, то под ним понимается основанное на достоверном знании систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую

подсистему), в качестве которого могут выступать общество в целом и его отдельные сферы (экономика, политика, социальная и духовная сфера) или звенья (предприятия, учреждения, организации и т. д.), с тем чтобы обеспечить их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение системы к заданной цели. Социальное управление осуществляется путем целенаправленного воздействия на условия жизни людей, их ценностные ориентации и деятельность, на их поведение.

Необходимо отметить социальную природу управления, которое основывается всегда на презумпции власти и полномочий, на подчинении нижестоящих вышестоящим, на явном или скрытом давлении одних на других, на неравенстве в доступе к экономическим и социальным благам. Управление как форма деятельности всегда является элитарной по своему характеру: тех, кто управляет, всегда гораздо меньше, чем тех, кем управляют. По своей структуре оно представляет собой пирамиду, составленную из горизонтальной и вертикальной уровней управления.

Управление может принимать авторитарную или демократическую форму, но оно всегда отличается определенным режимом деятельности групп, ограничением свободы действий рамками предписанных норм и правил.

Особо нужно подчеркнуть, что социальное управление пронизывает собой все процессы жизни общества, охватывает все его сферы. Вот почему различают управление экономическое, социально-политическое (управление отношениями между различными группами людей и отношениями внутри этих групп, то есть регулирование социального поведения людей) и управление духовной жизнью общества и каждого его члена.

Социальное управление имеет комплексный характер, суть которого заключается в единстве решения экономических задач, социально-политических отношений и духовной жизни общества. Не может быть экономических решений, не имеющих политического или идеологического значения, так же как и политическое управление не может не сочетать в себе экономических функций и идеологических функций. Решения в области идеологии оказывают серьезное воздействие на сферы экономики и политики. Подчеркивая данный аспект, надо обратить внимание на пер-

вичность политики в реализации управленческой идеологии.

Управление имеет сложную многоуровневую структуру: управление большой целостной системой (общество, государство, федерация и т. п.); управление большой системой (регион, отрасль производства и т. п.); управление малой системой (производственная бригада, лаборатория и т. п.). Сюда же относится и управление персоналом.

Следует также разобраться в структуре управления, под которой понимается упорядоченное расположение уровней управления от низшего к высшему. Данная структура по возрастающим уровням начинается с низшего звена, затем переходит к среднему звену, а затем – к высшему: если между исполнителями и руководителем высшего звена существует большое число уровней, такую структуру управления называют вертикальной; если уровней руководства немного, ее называют горизонтальной.

Традиционная структура управления, существующая многие тысячи лет, исключая функциональные службы, называется линейной структурой. Возникшая в начале XX в. новая структура управления, включающая целую сеть функциональных служб (отдел кадров, отдел рекламы, отдел НОТ и т. д.), называется линейно-штабной структурой.

Характеризуя далее систему социального управления, отметим, что ее элементами являются механизм управления, его организационная структура, объект и субъект управления, его функции и сам процесс управления. Механизм управления – это результат целенаправленной разработки, предполагающей сбалансированное изменение форм, функций, методов, рычагов и стимулов социального управления, которое направлено на достижение его оптимальной эффективности. Для нормальной жизнедеятельности социальной системы необходимо, чтобы характер функционирования механизма управления обеспечивал слаженное взаимодействие всех его элементов в решении поставленных задач. Отсюда механизм управления как целостность представляет собой совокупность экономического, организационного и социокультурного механизмов, работающих синхронно и слаженно в едином организационном контексте.

В вопросе о функциях управления нет единства взглядов ученых, но большинство исследователей выделяют три основные: планирование, организацию, контроль. В литературе по менеджменту США рассматриваются четыре функции: выработка и принятие управленческого решения, организационная, корпоративная и корректирование, учет и контроль. Есть и другие подходы, но все они либо дробят, либо укрепляют названные функции.

Следует также остановиться на разграничении понятий «управление» и «менеджмент». Поскольку они очень близки по смыслу, иногда их вообще отождествляют. С точки зрения техниче-

ской это оправданно, ибо «менеджмент» дословно означает управление. Но как культурные явления эти понятия различаются, ибо менеджер – это наемный работник, профессионал своего дела, субъект управления, действующий в какой-то организации, он – лицо, а менеджмент – глубоко персонифицированная система. Когда менеджер теряет свое лицо, он превращается в обезличенного бюрократа.

Социальное управление представляет собой непрерывный процесс активного воздействия на объект. Это достигается с помощью системы управления, понимаемой как особый механизм реализации воздействия. Система управления должна быть достаточно динамичной и обладать способностью эффективного воздействия на изменения окружающей среды. Эффективность системы управления зависит от слаженности ее элементов. Если хотя бы один элемент системы управления работает неэффективно, то есть его действие совсем не оказывает влияния на функционирование целого или даже тормозит или деформирует его, это сказывается на эффективности всей системы.

Социальная система, как известно, в одно и то же время представляет собой и субъект, и объект управления. Отсюда и субъект, и объект управления следует рассматривать как управляющую и управляемую подсистемы социальной системы, взаимодействующие друг с другом. Субъект управления в качестве управляющей системы одновременно представляет собой часть объекта управления и ее границы находятся в зависимости от последнего. Другими словами, функционирование субъекта управления в его наиболее общих характеристиках определяется спецификой объекта управления.

Подчеркнем, что социальная система включает в себя более частные подсистемы, такие как техническая, технологическая, организационная, экономическая, социальная. Взаимосвязь подсистем и их слаженное функционирование образуют единый процесс социального управления.

Основные виды социального управления представлены политическим или государственно-административным управлением, управлением социально-культурными процессами, управлением производством. Процесс управления представляет собой исходящую от субъекта координацию и организацию объекта управления. Таким образом, социальное управление осуществляет целенаправленное воздействие на технологические, экономические и социальные процессы.

Социальная система включает в себя действия людей с материальными ресурсами, поэтому социальное управление охватывает и управление материальными ресурсами в аспекте человеческой деятельности, и управление самими людьми и их коллективными действиями. Следует подчеркнуть, что социальное управление на административно-политическом уровне представляет собой

власть, ибо проявляется и сосредоточивается в сфере политики. Что касается других понятий, относительно близких по смыслу к понятию «управление», – «руководство» и «менеджмент» – ими обозначается деятельность по непосредственному управлению трудовым коллективом. Поэтому менеджмент понимается как формирование и постановка задач, так и управленческое обеспечение их выполнения, он выступает как единый процесс, сливающий воедино планирование, организацию, мотивацию и контроль, подчиненные достижению цели, стоящей перед социальной системой.

Особо важными аспектами социального управления как системы является прогнозирование

и перспективное планирование будущих социальных и организационных изменений. Прогнозирование тесно связано с процессом принятия любых значимых стратегических решений. Для того чтобы эффективно управлять обществом, нужно иметь достаточно адекватное представление о действующих в нем тенденциях и факторах, правильно оценивать возможную динамику их развития. Проблемы разработки и внедрения в управленческую практику перспективных стратегий социального развития также входят в предметную область социологии управления и составляют один из наиболее важных ее разделов.

УДК [316.334.2:339.13] (470+571)

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ РЫНКА ТРУДА

Е. Е. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: evgeniya_borodavkina@mail.ru

В статье рассматривается социальный механизм управления и регулирования российской модели рынка труда, представляющего собой определенный способ координации социальных действий в процессе достижения поставленных целей. Обращается внимание на то, что современная ситуация в сфере занятости населения требует существенных корректив и проведения необходимых мер по реализации законов и постановлений на федеральном уровне, определяющих основные процессы формирования и функционирования рынков труда.

Ключевые слова: социальный механизм, рынок труда, социальная политика, управление, регулирование, гибкость труда, социальная защита.

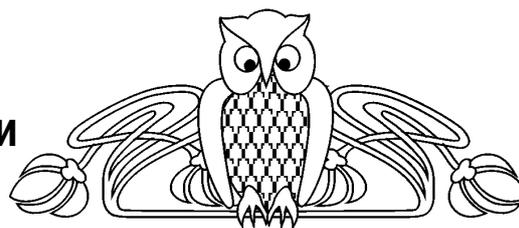
Social Mechanism of Management and Regulation of Russian Labour Market Model

Е. Е. Borodavkina

The article examines social mechanism of management and regulation of Russian labour market model, which is a certain way of social actions co-ordination in the process of aims achievement. Special attention is drawn to the fact, that modern situation in the sphere of population employment demands important correction and essential measures in the realization of laws and resolutions at the federal level, which determines the main processes of labour markets forming and functioning.

Key words: social mechanism, labour market, social policy, management, regulation, labour flexibility, social protection.

В сложных общественных системах существует множество механизмов, регулирующих их деятельность, одним из которых является социальный механизм. Кроме того, работающий механизм означает определенный способ коор-

динации социальных действий в процессе достижения поставленных целей, он же определяет границы возможностей данного общественного института, то есть сферу достижимых целей в условиях конкретной социальной организации местных сообществ и перспективы расширения этой сферы. Понятие «социальный механизм» довольно широко применяется при исследовании разных социальных процессов и является надежным инструментом осмысления всевозможных общественных явлений. Имеются работы о социальных механизмах формирования личности, согласования интересов личности и общества, механизме реализации права, социальном законодательной власти, есть попытки рассмотрения формирования и реализации государственного управления и определения форм участия в нем трудящихся¹.

Для сферы занятости на современном этапе в России характерно наличие таких неотъемлемых явлений, как трансформация и интенсификация процессов, среди которых особое внимание обращают на себя рост безработицы, высвобождение рабочей силы, усиление мобильности, отмирание старых и появление новых профессий, углубление многоукладности, расширение альтернативных форм занятости, мощная многоаспектная сегментация рынка труда, нарастание масштабов скрытой и потенциальной рабочей силы. В связи с этим возникает необходимость оперативной разработки новых подходов, более совершенного механизма и более эффективных мер для решения проблем занятости. Следует также отметить, что рынок труда в России не имеет еще законченного правового оформления. Он представляет собой быстроразвивающуюся систему. Тем не менее

на него должно быть обращено особое внимание правительства, министерства труда, других заинтересованных государственных организаций и учреждений, так как именно здесь разрешаются основные наиболее острые противоречия социального, политического, национального и, конечно, экономического порядка переходной, а значит, весьма нестабильной российской экономики. Таким образом, становлению и стабилизации российского рынка труда будет способствовать активная политика государственных и местных властных структур.

Социальная политика охватывает широкий спектр социальных проблем, среди которых хотелось бы обратить внимание на демографическое развитие, семейную политику, систему здравоохранения и социального обеспечения. Нам представляется необходимым отметить, что понятие «социальная политика» включает в себя и такие сферы, как налогообложение, пенсионная политика, трудовое законодательство, политика доходов населения и вопросы занятости.

Сфера функционирования рынка рабочей силы включает в себя систему подготовки и переподготовки кадров, высвобождение рабочей силы и обеспечение ее социальной защиты, перекалфикацию безработных и обеспечение их работой в отраслях с неполной занятостью, подготовку и распределение вступивших в трудоспособный возраст молодых людей, системное управление различными рынками рабочей силы.

Для решения проблемы приобретения гибкости труда необходимо устранить дисбаланс между спросом на труд и его предложением и установить оптимальное соотношение равновесной и фактической оплаты труда².

Поскольку для современного российского общества характерна значительная социальная поляризация, следует отметить, что одним из важнейших направлений социальной политики выступает борьба с бедностью и нищетой – снижение уровня дифференциации доходов, основанием которого служат формирование эффективной системы оплаты труда, регулирование доходов через политику цен, коллективные договоры, перераспределение доходов через налоги, поддержка среднедушевого дохода семьи на уровне не ниже прожиточного минимума, мониторинг уровня жизни населения в стране. Задачами социальной политики являются сглаживание конфликтных ситуаций, разработка мер смягчения социального неравенства и выработка новых критериев социальной справедливости, а также определение социальных приоритетов на основе выявления интересов разных социальных групп и способов их сочетания в целях наиболее успешного регулирования процессов социальной дифференциации общества.

В целях урегулирования социальной дифференциации общества и решения проблемы бедности населения требуется, во-первых, обеспечить

поддержание основных доходов на уровне, необходимом для действующих в обществе стандартов потребления. Этот метод направлен на сокращение численности бедного населения и включает в себя меры предупреждения увеличения бедных и поэтому связан с проведением такой экономической политики, которая позволила бы увеличить доходы основной массы населения, организовать механизм оказания поддержки нуждающимся. Во-вторых, необходимо обеспечить адресную социальную помощь тем нуждающимся, которые находятся в крайне тяжелом материальном положении. Данный способ является основным для развивающихся стран, но в определенных случаях может применяться и в развитых странах.

С началом экономических преобразований произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода и, как следствие, в степени дифференциации материального положения по этому критерию. Таким образом, проблема социальной дифференциации в зависимости от уровня дохода – новый и недостаточно изученный аспект исследования тенденций развития социальной структуры нашего общества.

Следовательно, социальная политика в условиях формирования рыночных отношений представляет собой деятельность общественных институтов, государства и местных органов власти по устойчивому воспроизводству и развитию социальной сферы, преодолению социальной напряженности, направленную на обеспечение условий жизнедеятельности, удовлетворяющих жизненным потребностям людей, заключающуюся в регулировании воспроизводства рабочей силы, уровня жизни, доходов, условий труда, повышении уровня и качества жизни населения посредством управляющего воздействия на социальную сферу.

В современных социально-экономических условиях формирования российской модели рынка труда на всех уровнях управления экономической возникает необходимость качественных изменений в профессионально-квалификационной структуре рабочей силы.

Среди негативных факторов, которые послужили первоочередными причинами ухудшения структуры, состава и качества человеческого фактора, можно указать такие, как падение реальной заработной платы и рост удельного веса теневых источников денежных доходов, снижение трудовой мотивации, нарастающий курс экономики на добывающую промышленность, а также отрасли, связанные с первичной переработкой природных ресурсов – нефти, газа, алюминия – и, как следствие, возрастание потребности в низкоквалифицированном персонале, работающем на устаревшем оборудовании³. До сих пор российская экономика ориентирована на мало-квалифицированную рабочую силу. Данный факт служит свидетельством того, что в действительности отсутствуют кардинальные структурные

сдвиги и спрос на квалифицированную рабочую силу⁴. Это не могло не сказаться на результатах хозяйственной деятельности макроэкономики, отраслей региональной экономики, отдельных предприятий. Необходимо отметить также и то, что на федеральном и региональном уровне отсутствует промышленная, инвестиционная и структурная государственная политика. Для современного российского общества характерна и сильная сегментация отдельных субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с нарастающей тенденцией к дальнейшей дифференциации⁵. Если провести анализ указанных выше явлений, то можно сделать вывод о том, что рассмотренные процессы – типичные признаки кризисного состояния системы рабочих мест и занятости в России. В связи с этим возникает необходимость «принятия незамедлительных мер со стороны государства, направленных на рост производительности труда за счет интенсивных факторов: новых информационных технологий, отраслевой реструктуризации рабочих мест с позиций экономической эффективности, образования, профессионализма, заинтересованности в трудовой карьере и доходах, связанных с оплатой труда, диверсификацией знаний, навыков и умений»⁶.

Проанализировав ситуацию, складывающуюся на современном российском рынке труда, и вопросы, связанные с его урегулированием, хотелось бы указать на необходимость создания механизма социальной защиты граждан на рынке труда. На наш взгляд, он представляется действенным и эффективным экономическим инструментом, который, с учетом всех аспектов трудовых отношений, а также его правового оформления, находящегося в ведении государства, способен урегулировать воспроизводство рабочей силы и обеспечить более успешное, надежное и эффективное функционирование механизма регулирования российского рынка труда. Инструменты социальной защиты работников должны быть органично связаны с рынком труда и выполнять аналогичную функцию, а именно способствовать формированию рынка труда как саморегулирующейся системы.

В условиях централизованной государственной экономики сформировались такие традиционные патерналистские меры социальной защиты, которые в современном обществе не могут быть использованы в полной мере, поскольку не соответствуют реалиям рыночного хозяйствования. В результате перехода к рыночным отношениям назрела необходимость создания новых механизмов социальной защиты, которые будут отвечать следующему требованию: они должны оказывать воздействие не столько «извне» (государство как внешняя сила для рыночных структур), сколько «изнутри» формирующихся экономических отношений. Следовательно, возникает вопрос о несоответствии единичных, фрагментарных, слабо увязанных между собой постановлений

и мероприятий современной действительности, что вызывает необходимость реформирования патерналистских механизмов социальной защиты, создания ее единой системы, привязанной к рыночной экономике⁷.

Система социальной защиты представляет собой необходимое условие воспроизводства рабочей силы. Это связано с тем, что она включает в себя поддержку занятости работников, особенно наименее конкурентоспособных, на рынке труда, социальное страхование безработицы⁸. Социальная защита выступает не просто как система направлений деятельности федеральных и региональных органов власти, но и как совокупность дифференцированных по функциям социальных институтов, задача которых – непосредственно осуществлять функции социальной защиты. Основой осуществления программы социальной защиты граждан должен стать дифференцированный подход к разным группам населения, различающимся по целому ряду социально-демографических признаков и оказываемым на рынке труда в неравных условиях. Следовательно, основное назначение системы социальной защиты – обеспечить равные «стартовые условия» различным категориям населения и смягчить возникающее неравенство⁹.

Рынок рабочей силы имеет свои специфические особенности, которые заключаются в том, что его внутренние регуляторы не только ориентированы на уровень цен на рабочую силу, но и связаны со многими факторами социального и социально-психологического характера, среди которых можно указать такие, как содержание и удовлетворенность трудом, возможность профессионального роста¹⁰. В связи с этим, а также в силу социальной важности эффективного функционирования рынка труда необходимо квалифицированное регулирование. Формирование такой системы представляется одной из важнейших социальных реформ в России¹¹.

Неотъемлемым элементом механизма регулирования рынка труда и фактором экономического развития российского общества выступает мобильность рабочей силы, как добровольная, так и вынужденная – в том случае, когда она вызвана экономическими причинами и не имеет четких границ. Для увеличения мобильности рабочей силы требуется, как правило, развитая инфраструктура, обеспечивающая нормальный режим функционирования рынка труда. Основным элементом такой инфраструктуры является, по нашему мнению, не только государственная служба занятости, включающая органы трех уровней управления – общегосударственного, регионального и локального, – но и совокупность мер законодательного обеспечения этой деятельности регионального уровня, которые четко определяли бы права, регулировали бы создание равных возможностей для реализации способностей к труду всех участников рыночных отношений.

Институт содействия трудоустройству в самом общем виде можно представить как некую систему, компонентами которой являются персонал, функции, им выполняемые, социальное оснащение и результаты функционирования. Основной социальной функцией института содействия трудоустройству населения выступает создание эффективного цивилизованного рынка труда, который призван решать вопросы двустороннего обеспечения: с одной стороны – работодателя рабочей силой, а с другой стороны – работника работой, достойной заработной платой, нормальными условиями труда. В современных социально-экономических условиях возникла потребность общества в оказании услуг по трудоустройству, которая приобретает все более выраженную форму на этапе формирования рыночных отношений и становления российской модели рынка труда. Экономические преобразования, которые происходят в российском обществе и напрямую связаны с развитием экономики и рыночных отношений, способствуют возникновению проблем в сфере занятости населения. Данные проблемы настолько остро проявляются в современных социально-экономических условиях, что вызывают необходимость управления процессами, происходящими на рынке труда. Это повлекло за собой необходимость создания соответствующей единой государственной службы занятости населения, основная функция которой заключается в поддержании общественного равновесия и регулировании процессов функционирования социальных общностей на рынке труда.

Следует отметить, что в регулирование процессов функционирования рынка труда вовлекается не только федеральный, но и региональный уровень. Особую актуальность приобретает решение данных проблем на уровне отдельных регионов. Различные условия функционирования региональных рынков труда требуют персонализированного подхода к его управлению и развитию в каждом регионе, а также к определению путей межрегионального выравнивания рынков труда. Региональные службы занятости проводят ежегодный мониторинг, руководят разработкой и реализацией территориальных программ и работой местных служб занятости, планируют и финансируют их деятельность, предоставляют в необходимых случаях экспертную помощь.

В регионе главными факторами, влияющими на рынок труда, выступают демографические причины – преобладание числа выходящих на рынок труда над покидающими его при ухудшении соотношения спроса и предложения рабочей силы. Следовательно, необходимо создание дополнительных, а также сохранение и поддержка экономически целесообразных рабочих мест, развитие временной занятости. Реализация этих мероприятий возможна на основе использования средств местного (а в случае исключительной остроты ситуации – и федерального) бюджета для

финансирования инвестиционных проектов, проведения конкурсов работодателей на получение средств из фонда занятости в целях организации рабочих мест, предоставления налоговых льгот работодателям, создающим и сохраняющим рабочие места, финансирования общественных работ и стимулирования самозанятости населения. Имеет место также необходимость проведения мероприятий, предполагающих содействие миграции трудоспособного населения за пределы региона в поисках работы. Географическая мобильность в значительной мере может устранить местные проблемы безработицы. Однако одновременно с поощрением собственно географической мобильности нужна еще и целенаправленная политика повышения мобильности капитала, которая предполагает разные виды целевых субсидий и помощи для того, чтобы заставить предприятия перемещать рабочие места в охваченные безработицей части страны.

Одним из современных факторов, влияющих на становление рынка труда в регионе, является банкротство предприятий. Мероприятия, регулирующие рынок труда, должны быть направлены в первую очередь на социальную поддержку лиц, неконкурентоспособных на рынке труда, а также на поиск инвесторов для быстрого и эффективного, с точки зрения его состояния, реперофилирования обанкротившихся предприятий. В этом случае местным администрациям следует активизировать проведение инвестиционных торгов, конкурсов, подготовку вариантов инвестиционных предложений.

При регулировании регионального рынка труда используют методы регулирования спроса и предложения рабочей силы. Социально-экономические механизмы управления спросом рабочей силы представляют собой мероприятия по изменению экономического поведения коллективных хозяйствующих субъектов, связанного с повышением уровня их организационной культуры, степенью их адаптации к условиям и требованиям рыночной среды¹². В свою очередь, эти методы делятся на методы увеличения и сокращения спроса на рабочую силу.

Использование методов стимулирования увеличения спроса на рабочую силу направлено на обеспечение и поддержку занятости, а также развитие отраслей, приоритетных для данной территории. В этом направлении важным представляется стимулирование создания новых и временных рабочих мест как мерами общеэкономического, так и регионального регулирования трудовых ресурсов. Это прежде всего установление системы льготного налогообложения и кредитования для отраслей и регионов, где желательно увеличение спроса на рабочую силу; возмещение предприятиям затрат на переобучение и обучение работников, создание условий экономической заинтересованности предприятий в обеспечении занятости молодежи, инвалидов и других групп

населения, неконкурентоспособных на рынке труда; создание временных рабочих мест.

Социально-экономические механизмы формирования предложения рабочей силы представляют собой мероприятия по изменению экономического поведения индивидуальных субъектов, связанного с развитием индивидуального образа мышления как инструмента оценки и выбора экономических альтернатив жизненного пути¹³. Данные методы регионального регулирования аналогично первой группе делятся на методы увеличения и сокращения предложения рабочей силы.

В современных условиях развития российского общества увеличение предложения рабочей силы на рынке труда в целом представляется вряд ли возможным. Предложение рабочей силы сегодня ни по профессиональной, ни по квалификационной структуре не отвечает динамике спроса. Сегодня необходимо организовать четкую систему профессионального обучения, переобучения и повышения квалификации в системе государственной службы занятости или других учебных заведениях; разработку специальных программ по повышению конкурентоспособности отдельных групп населения на рынке труда.

В условиях стабильного превышения предложения рабочей силы над спросом особо актуальным становится сокращение предложения на рынке труда в целом. Меры по сокращению предложения рабочей силы должны проводиться не только в общегосударственном масштабе, но и на региональном уровне. Стимулирование оттока рабочей силы с рынка труда может быть осуществлено путем снижения возрастного ценза выхода на пенсию и увеличения пенсионных выплат, поощрения досрочного выхода на пенсию. Эти методы регулирования рынка труда, подразделенные на методы регулирования спроса и предложения рабочей силы, носят достаточно общий и условный характер. Выбор конкретных методов эффективного управления рынком труда во многом зависит от складывающейся ситуации в данной сфере. Следовательно, необходимым становится анализ факторов и условий функционирования каждого конкретного регионального рынка труда.

На спрос и предложение труда, а также занятость в целом оказывают влияние социальные факторы, связанные с управлением, регулированием отдельных сфер, областей социально-экономических отношений, которые получили название институций (от лат. *institutio* – установление). Среди них можно указать такие, как обычаи, престижность профессии, привлекательность трудовой деятельности, уровень жизни и социальной защищенности, наличие деловых, родственных, дружеских связей, национальные особенности и профессиональные традиции в трудовых отношениях страны. На основе институций возникают дискриминация по полу и цвету кожи, сегрегация работников по профессиональным мотивам.

На адаптацию предложения на рынке труда к его спросу направлена деятельность такого социального института, как биржа труда, которая осуществляет посреднические операции между ищущим работу и работодателем. Биржа труда стремится распространять информацию о свободных рабочих местах, чтобы рынок труда функционировал быстрее и мобильнее. Данный факт имеет приоритетное значение, связанное с тем, что информация о ситуации на рынке труда представляет собой актуальную проблему: чем лучше поставлена служба информирования о свободных местах, тем проще соединить ищущих работу и свободные рабочие места.

В связи с этим в практике деятельности службы занятости одной из первоочередных задач является организация информационного пространства, позволяющего получить максимум сведений о ситуации на региональном рынке труда, возможностях профессиональной подготовки и переподготовки, вакансиях, требованиях, предъявляемых работодателями к качеству рабочей силы. Создание новых и координация деятельности существующих структур, решающих данную задачу, сегодня как никогда актуальны. В подобных центрах можно получить различные консультации, составить резюме, отработать навыки поиска работы и самопрезентации, принять участие в деловых играх и собеседованиях с работодателем.

При службах занятости и биржах труда функционируют социологические отделы, основным направлением деятельности которых выступают изучение конъюнктуры рынка труда и выдача прогнозов по ее изменениям, социологический анализ информации о лицах, оставшихся без работы, получение социологической информации для рекомендаций по созданию новых рабочих мест, проведение исследований по вопросам повышения квалификации и переобучения временно незанятых работников, выявление общественного мнения населения о возможностях трудоустройства, выполнение нестандартных целевых и поисковых исследований в области рынка труда¹⁴.

Проблема повышения профессионального мастерства, овладения широким кругом профессиональных знаний не только имеющихся, но и смежных профессий – основа сдвигов во всей производственной деятельности рабочих, преобразования существующих в настоящее время типа и уровня квалификации. Данная проблема теснейшим образом связана с необходимостью формирования объективных условий для эффективной трудовой деятельности работника.

Значимой социальной задачей является повышение исходного уровня квалификации молодого работника. Одна из серьезных проблем, связанных с изменениями на рынке труда, – угроза безработицы для молодых специалистов, окончивших вузы. В связи с чем сегодня весьма актуальным становится достижение синтеза высшего образования и рынка труда. С этой целью необходимы серьезные науч-

ные исследования как на уровне регионов, так и отдельных вузов. Занимаясь исследованиями рынка занятости, необходимо определять приоритетные направления развития высшей школы, потребности в специалистах различных категорий, вводить новые учебные дисциплины, необходимые в данный период. В то же время и каждому конкретному вузу теперь нужно учиться прогнозировать спрос на специалистов того или иного профиля как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане, внося изменения в учебные планы и программы¹⁵.

На наш взгляд, необходимо отметить, что одной из обязанностей служб занятости является профессиональное обучение и переподготовка незанятого населения, следовательно, от деятельности служб занятости во многом зависит и ситуация, складывающаяся на российском молодежном рынке труда. Причина неудовлетворительного положения молодежи на рынке труда, по-видимому, кроется в том, что система профессионального обучения, осуществляемая службами занятости, в настоящее время недостаточно эффективна. Ярким подтверждением этого выступает медленно меняющаяся структура специальностей и подготовка специалистов «вообще», а не с учетом потребностей региональных рынков труда¹⁶.

Для решения вышеуказанных проблем необходима государственная молодежная политика, которая позволит обеспечить, во-первых, соблюдение прав молодежи, во-вторых, гарантии в сфере труда и занятости, в-третьих, содействие предпринимательской деятельности и, наконец, в-четвертых, государственную поддержку молодым семьям. Механизм диагностики рисков всех участвующих акторов, разработки и внедрения социальных технологий, которые будут способствовать минимизации возникающих рисков, может реализоваться только в случае решения таких задач, как изучение ожиданий молодых специалистов, определение формальных и неформальных норм, выполняющих регулирующую функцию в ходе взаимодействия субъектов российского рынка труда, исследование ожиданий работодателей относительно качественных параметров предлагаемой рабочей силы.

Специфика решения проблемы занятости молодежи на российском рынке труда заключается в применении такого института, как армия, в других же странах используют альтернативный армейской службе институт – социальные работы¹⁷. Социальная работа способствует предотвращению маргинализации и утраты места в стабильной социальной системе, однако, на наш взгляд, неправомочно было бы считать, что происходит предотвращение нисходящей социальной мобильности и имеется возможность подъема по социальной лестнице.

Одним из путей решения проблемы безработицы такой категории, как молодежь, представляются различные формы эпизодической, второстепенной занятости, социально-экономическая

суть которой заключается в том, что эти работы не требуют квалификации, к ним легко адаптируются и их легко прекращают, поскольку их выполнение в социальном и экономическом плане неприемлемо для постоянной рабочей силы и не требует ее. Эпизодическая занятость не распространяется на тяжелые и вредные работы, где предусмотрено материальное стимулирование. Таким образом, молодые люди периодически участвуют в сезонных работах и работах общественного местного значения в качестве разнорабочих¹⁸.

Для решения и ликвидации проблемы молодежной безработицы необходимы взаимодействие и согласованная политика образовательных, государственных, профсоюзных организаций, направленные на профессиональное обучение и включение в общественное производство молодежи. На основе государства возможна реализация схемы «система профориентации – система образования – система занятости».

Для современного российского рынка труда характерно наличие актуальнейшей проблемы невостребованности выпускников, их неконкурентоспособности и несоответствия предложениям на рынках труда. Продолжается рост числа нетрудоустроенных выпускников, поэтому следует скорректировать профили обучения, ввести новые профессии, специальности в связи с изменением ситуации на рынке труда, сократить прием в учебные заведения по невостребованным специальностям.

Одной из ключевых проблем трудоустройства молодежи является практическое отсутствие государственных механизмов, обеспечивающих взаимосвязь между рынком труда и рынком образовательных услуг. Центральная задача модернизации образования сегодня – обеспечение современного качества обучения, выстраивание эффективной системы образования, адекватного современным условиям развития российского общества. За последние годы в системе профессионального образования происходят значительные структурные и институциональные преобразования как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В результате перехода к рыночным отношениям произошли быстрые перемены в технологиях, которые повлекли за собой изменение качества рабочей силы, приоритетность приобретают гибкость, квалифицированность, универсальность, самостоятельность, индивидуальность. Следовательно, для решения проблемы адаптации на современном рынке труда работнику необходима «гибкость», то есть способность быстро переучиваться и в короткий срок менять профессию. В связи с этим в российских социально-экономических условиях вследствие смены технологий происходит смена ценностей института образования, а именно узкое профессиональное (высшее, не говоря уж о среднем специальном) образование становится неэффективным. В результате специ-

ализированные технические институты пере-квалифицировались в университеты (специфика же нашего российского общества заключается в том, что происходит только смена названия, а качественных изменений не наблюдается). Соответственно, удельный вес фундаментальных общенаучных дисциплин во всех образовательных программах неуклонно возрастал¹⁹.

Для решения проблемы безработицы, таким образом, необходима гибкая система образования, которая может быстро реагировать на требования, которые выдвигают новые технологии и новый спрос. Это касается и начального образования, и высшей школы, и различных курсов и переподготовки на рынке труда, и обучения на рабочих местах. На формирование рыночной экономики, развитие научно-технического прогресса, организацию социальной структуры, установление системы ценностей и моральных нормативов оказывает немаловажное воздействие предпринимательство. Однако фактическая ограниченность социального слоя предпринимателей на фоне высокой значимости их общественной роли обуславливает необходимость выработки на уровне государства экономико-правовых условий, способствующих легальному раскрытию производственного, организационно-управленческого и инновационного потенциала предпринимателей для более полного удовлетворения общественных потребностей. Реализация этой задачи связана с согласованием частных интересов предпринимателей с интересами общества в целом в рамках функционирования выработанных субъектами управления социальных механизмов регулирования экономических процессов.

На гибкость рынка труда оказывает воздействие и налоговая система. Подходный налог и социальные взносы создают разницу между заработной платой после вычета налога, с одной стороны, и общими издержками работодателей на заработную плату – с другой. Чем больше эта разница, тем дороже она обходится предпринимателям как средство побуждения рабочей силы к переезду или смене работы. Высокие подходный налог и взносы предпринимателей, по-видимому, снижают мобильность на рынке труда.

Для решения проблемы увеличения структурного дисбаланса на рынке труда между спросом и предложением по профессионально-квалификационному срезу необходимо провести ряд мероприятий: во-первых, ввести жесткий контроль приема во все вузы и колледжи со стороны департамента занятости, министерства труда и министерства образования; во-вторых, организовать систему социальных стандартов в профессиональном образовании, а именно: стандарта профильности вузов; нормативов финансирования из федерального бюджета (из расчета не более 170 студентов на 10 тысяч человек); нормативов соотношения госбюджетного и коммерческого вузовского образования; стандарта эффективности образования,

рассчитанного как предельно допустимый уровень невостребованности выпускников на рынке труда; в-третьих, определить в департаментах занятости меры по стимулированию ухода из системы занятости неперспективных категорий рабочей силы, то есть пенсионеров, специалистов тех профессий, которые на рынке труда являются наиболее избыточными²⁰.

Таким образом, перед субъектами рынка труда возникают такие задачи, как развитие отраслей экономики, способных обеспечить увеличение спроса на рабочую силу; осуществление мероприятий, направленных на защиту граждан от безработицы; формирование условий для развития эффективного рынка труда; обеспечение адекватной социальной защиты безработных. Первоочередными задачами в этом плане являются качественное оказание услуг службы занятости безработным в новых условиях финансирования и нормативно-правового обеспечения, расширение взаимодействия с министерствами и ведомствами региона, администрацией муниципальных образований, работодателями по вопросам занятости населения, обеспечение дополнительных гарантий особо нуждающимся, расширение взаимодействия с работодателями, развитие профессионального образования с учетом потребностей рынка труда, развитие системы социального партнерства в регионе.

Современная ситуация в сфере занятости населения на региональном уровне требует существенных корректив и принятия необходимых мер по реализации законов и постановлений на федеральном уровне, определяющем основные процессы формирования и функционирования рынков труда. Сегодня каждый из регионов стоит перед вопросом, в каком направлении необходимо двигаться, чтобы решить проблему недостаточности спроса на труд и ее последствий – потенциальной безработицы, неполной занятости, высокой безработицы. Ситуация на рынке труда в Российской Федерации, несмотря на ряд позитивных изменений, остается достаточно напряженной. В настоящее время представляется необходимым продолжить анализ факторов формирования и функционирования рынка труда и его структурных особенностей, обусловленных региональной спецификой. В сфере занятости назрела необходимость структурной перестройки экономики в интересах российского общества, осуществления современной кадровой политики, организации повышения экономической активности населения, обеспечения возможности организации труда на условиях полной и продуктивной занятости трудоспособного населения, создания инновационных производств и новых рабочих мест, адекватных требованиям социально-экономической действительности, обеспечения защиты трудовых прав и интересов рабочей силы, содействия общественно значимому эффективному и инновационному предпринимательству.

Примечания

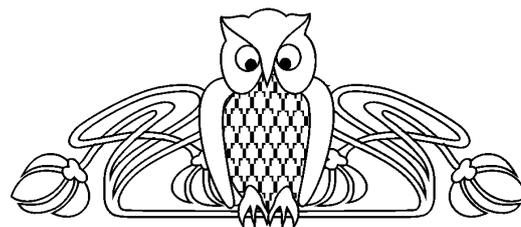
- ¹ См.: Волков Ю. Г. Социальный механизм формирования всесторонне и гармонически развитой личности. М., 1984; Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1993; Дьяльнов Г. В., Шабалин В. А. Социальный механизм законодательной власти: Вопросы методологии. Саратов, 1992 и др.
- ² См.: Голуб О. Ю. Социальные механизмы адаптации на российском рынке труда. Саратов, 2002. С. 171.
- ³ См.: Кузнецов С. Г. Прогнозирование спроса на рабочую силу // Вопросы статистики. 2001. № 7. С. 14.
- ⁴ См.: Голуб О. Ю. Указ. соч. С. 171.
- ⁵ См.: Демин Д. Г. [и др.] Профессионально-квалификационная структура рынка труда / Д. Г. Демин, А. Н. Кочетов, Н. П. Крюков, А. В. Саушкин. Саратов, 2004. С. 3.
- ⁶ Там же. С. 4.
- ⁷ См.: Шахтеры и рынок (социологический взгляд из Восточного Донбасса). Ростов н/Д, 1999. С. 135–136.
- ⁸ Там же. С. 96.
- ⁹ Там же. С. 98, 115, 123.
- ¹⁰ Там же. С. 135.
- ¹¹ Там же. С. 95.
- ¹² См.: Соколова Г. Н. Социальная политика постсоветского государства в сфере рынка труда и трудовых отношений // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: в 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 299.
- ¹³ Там же. С. 299.
- ¹⁴ См.: Шахтеры и рынок... С. 99.
- ¹⁵ См.: Синягин А., Фролкин П. Выпускники вуза: перспективы трудоустройства // Человеческие ресурсы. 1999. № 1–2.
- ¹⁶ См.: Шухарева О. Н. Проблемы занятости молодежи на современном этапе развития общества // Социальная политика в проблемном регионе. Пенза, 2004. С. 39.
- ¹⁷ Социальные работы – это непрестижные, малооплачиваемые работы, не связанные с непосредственным производством материальных благ и рыночной, коммерческой деятельностью (см.: Дорин А. В. Экономическая социология. Минск, 1998. С. 78).
- ¹⁸ Там же. С. 79.
- ¹⁹ См.: Зотов А. Ф. Современные тенденции в развитии отношения человек – природа – общество и перспективы цивилизации западного типа // Человек и современный мир. М., 2002. С. 95–96.
- ²⁰ См.: Демин Д. Г. [и др.]. Указ. соч. С. 51.

УДК 316.334.2

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОТРЕБИТЕЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ

В. П. Воробьев, О. Л. Голубовская

Пензенский государственный университет
E-mail: GolubovskajaOlja@mail.ru

В статье представлены результаты авторского исследования потребительского поведения населения региона, проведен анализ отношения жителей региона к марочным товарам Пензенской области, выделена и охарактеризована группа наиболее лояльных потребителей региональных брендов.

Ключевые слова: социальный портрет, бренд, региональный потребитель.

Social Portrait of the Consumer of Regional Brands

V. P. Vorobyev, O. L. Golubovskaya

The article presents the results of the author's research of consumer's behaviour of Penza region, the analysis of the relation degrees of consumer's adherence to local brands of the Penza region is carried out, the group of the most loyal consumers of regional brands is allocated and characterized.

Keywords: social portrait, brand, regional consumer.

Трансформация российского общества на принципах рыночных отношений обусловила возрастание интереса исследователей к ряду проблем, не характерных для плановой экономики. В частности, осмысление региона как особого «ме-

зоуровня большого общества»¹ и переориентация производства актуализировали необходимость изучения ценностной системы и поведенческих установок региональных потребителей, а также выделения целевых групп, отличающихся наибольшей приверженностью по отношению к региональному продукту. Мы предприняли попытку охарактеризовать потребителя региональных брендов с точки зрения социальных характеристик, составив его социальный портрет.

В социологии отсутствует четкое определение понятия «социальный портрет», однако ученые-социологи дают определение данным терминам по-отдельности. Так, с точки зрения российского социолога Г. В. Осипова, «социальное – это совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений, интегрированных индивидами или общностями в процессе совместной деятельности в конкретных условиях, и проявляющееся в их отношении друг к другу, к своему положению в обществе, к явлениям и процессам общественной жизни»². Под термином «портрет» ученый понимает «изображение (образ) какого-либо человека либо группы

людей, существующих или существовавших в действительности. Важнейший критерий портретности – сходство изображения с моделью (оригиналом). Оно достигается не только верной передачей внешнего облика портретируемого, но и раскрытием его духовной сущности, типичных черт, отражающих определенную эпоху, социальную среду, национальность»³.

Поскольку социологическая наука оперирует не единичными, а групповыми характеристиками, выявляя общее в поведенческих практиках индивидов, отличительной чертой социального портрета является его общественный характер, коллективное «лицо» описываемых субъектов.

Поскольку объектом нашего исследования являются региональные потребители, в контексте заявленной проблемы под социальным портретом мы будем понимать совокупность социально-демографических характеристик потребительской группы, обладающей сходством потребительских практик.

При анализе отношения и степени приверженности потребителей региональным брендам нами использованы данные, полученные в ходе авторского исследования, проведенного в августе 2010 г. Опрос проводился среди жителей г. Пензы и Пензенской области. Объем выборочной совокупности составил 500 человек. В число респондентов вошли 260 мужчин и 240 женщин разного возраста и уровня доходов. Анализ ответов респондентов позволил выявить наиболее лояльных потребителей региональных брендов и составить их социальный портрет.

В рамках исследования респондентам был задан вопрос: «Продукцию какого производства вы предпочитаете приобретать?». Распределение ответов показало, что 11% респондентов в своих повседневных потребительских практиках отдают однозначное предпочтение региональным товарам. Хотя выделенная группа относительно немногочисленна, именно она будет являться объектом исследования, поскольку представляет целевых потребителей региональных брендов и проявляет наибольшую лояльность по отношению к товарам своего региона.

Согласно данным опроса выделенная группа лояльных потребителей неоднородна по возрасту и уровню дохода. Основным потребителем региональной продукции являются респонденты в возрасте 40 лет и старше (72% группы «лояльных») (рис. 1). Данная группа представлена как мужчинами, так и женщинами с небольшим перевесом в пользу последних (46 и 54% соответственно). Доля более молодых потребителей в группе предпочитающих приобретать региональный продукт существенно меньше. Респонденты в возрасте от 22 до 39 лет составляют только 18% численности данной подвыборки, от 16 до 21 года – лишь 11%. Такое распределение ответов позволяет сделать вывод о том, что основным потребителем региональной продукции являются «зрелые» покупатели.

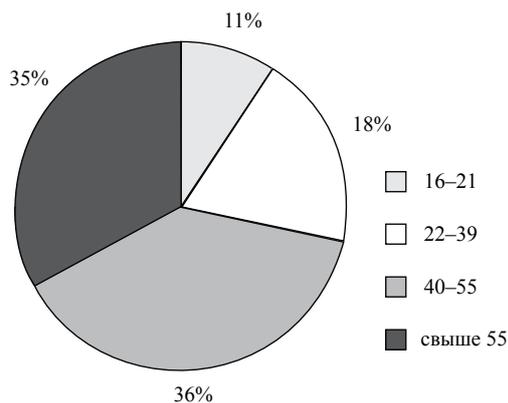

Рис. 1. Распределение лояльных потребителей региональных брендов в зависимости от возраста

Данные исследования показали, что существенным условием, в зависимости от которого варьируется степень лояльности к региональным брендам, являются финансовые возможности потребителей. Выявлено, что группу лояльных потребителей региональных брендов в большинстве своем формируют респонденты с низким и средним достатком. Подавляющее большинство их имеет среднемесячный доход до 15 тыс. руб., причем доход почти четверти респондентов составляет менее 5 тыс. руб. (рис. 2).

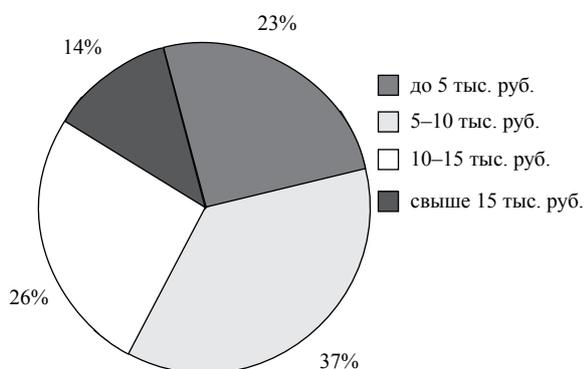

Рис. 2. Распределение лояльных потребителей региональных брендов в зависимости от дохода респондентов

Это частично обусловлено тем, что среди потребителей регионального товара большой удельный вес принадлежит лицам предпенсионного и пенсионного возраста. Данная возрастная группа относится к наименее обеспеченным слоям населения.

Важным в рамках данного исследования являлся вопрос о месте совершения покупок потребителями регионального товара. Лояльные потребители региональных товаров чаще всего совершают покупки либо в сетевых и небольших магазинах (51%), либо на продовольственных и непродовольственных рынках (33%). Таким образом, потребителей региональных брендов

можно считать наиболее скрупулезными в плане принятия решения о покупке и осведомленными с точки зрения цен и ассортимента товара.

В ходе исследования выяснялось, какие характеристики товара являются для потребителя приоритетными и способствуют принятию решения о покупке. Поскольку было установлено, что основными потребителями региональных брендов являются респонденты в возрасте 40 лет и старше, нами исследовались потребительские факторы, представляющие особую значимость для данной группы опрошенных ($n = 250$). Результаты опроса показали, что выделенная группа особое значение придает таким параметрам, как качество (так ответило 80% опрошенных), цена (64%) и личный опыт (49%). Статусные характеристики, такие как известность и престижность марки, внешний вид, упаковка, напротив, не представляют существенной значимости для этой группы респондентов. Это позволяет отнести их к рациональному типу потребителей, в первую очередь руководствующихся критериями «цена – качество», а также собственным опытом, сформированным благодаря более ранней потребительской практике.

«Зрелых» потребителей можно отнести к консервативному типу людей. По данным исследования, только 2% респондентов в возрасте 40 лет и старше отметили, что отдают предпочтение товару, впервые представленному на рынке. С другой стороны, 44% респондентов указали, что, как правило, приобретают хорошо известный им товар.

УДК 316.334.55 (470.44)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В XXI ВЕКЕ

В. А. Зубков

Саратовский институт (филиал)
Российского государственного торгово-экономического университета
E-mail: volodia.zubkov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию влияния человеческого фактора на современное развитие аграрной экономики Саратовской области.

Ключевые слова: человеческий фактор, инновации, аграрная экономика, Саратовская область, возможные стратегии развития.

Human Factor as a Basis of Successful Development of the Agrarian Sector of the Saratov Region in the XXIst Century

V. A. Zubkov

The paper is devoted to a study of the human factor influence on the modern development of the agrarian economy of the Saratov region.

Подводя итоги, обобщим черты потребителя региональных брендов, составляющие его социальный портрет.

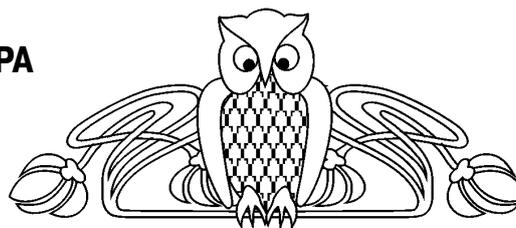
Основными потребителями региональных брендов можно считать «зрелых» потребителей в возрасте 40 лет и старше. Эта возрастная группа отличается наибольшей лояльностью по отношению к региональным брендам, лучше узнает местные марки и дает более высокую оценку месту «своих» брендов на рынке.

Социально-демографические характеристики наиболее лояльных потребителей региональных брендов обуславливают их особенности как потребительской группы: склонность к консерватизму, ориентированию на собственный опыт, тщательное осмысливание целесообразности совершения покупки. Данная группа потребителей не склонна к приобретению известных брендовых товаров, не считает известность и престижность марки значимым поводом для покупки.

Таким образом, выделенный сегмент является основным потребителем региональных брендов, что обуславливает необходимость более тщательного изучения особенностей потребления данной группы.

Примечания

- ¹ Латин Н. И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социс. 2010. № 7. С. 28–38.
- ² Осипов Г. В. Социология М., 1990. С. 5.
- ³ Социология. Основы общей теории : учеб. пособие / Г. В. Осипов [и др.]; под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М., 1996. С. 167.

Key words: human factor, innovations, agrarian economy, Saratov region, possible development strategies.

По 26 основным природным, экономическим и социальным характеристикам Саратовская область является типичным регионом Российской Федерации, но с одной особенностью: у нас сравнительно высокая нагрузка земли в расчете на одного жителя села. В среднем на одного проживающего в сельской местности (включая несовершеннолетних и пенсионеров) сейчас приходится 7,8 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 4,7 га пашни. Эти цифры значительно выше, чем

в большинстве регионов Российской Федерации, поэтому сельское хозяйство Саратовской области играет весомую роль в масштабах России. Занимая по территории 36-е место в Российской Федерации, по населению – 17-е место, губерния в последние десятилетия производила около 2,5% всей сельскохозяйственной продукции страны¹. К тому же она выгодно расположена в середине крупной зернопроизводящей зоны на пересечении важных транспортных магистралей, связывающих центральную часть России с Уралом, Сибирью и Средней Азией.

Однако потенциал земельных угодий в полной мере использовать не удастся, по уверениям региональных руководителей, из-за недостаточной влагообеспеченности. Доля истины в этом есть. За последние 110 лет повторяемость засухи в период вегетации основных зерновых культур составила в среднем 53%, то есть каждый второй год в регионе имеют место засушливые явления той или иной интенсивности, правда, с колебанием от 82% на юго-востоке до 26% на северо-западе области.

Но не менее важно и другое, о чем предпочитают не упоминать на «высоких» совещаниях. Речь идет о человеческом факторе, о допущенных ошибках и просчетах.

После реформирования экономики в 1990-х гг. мы получили в области неэффективный частный аграрный сектор. Это, кстати, не расходится с выводами Счетной палаты РФ, которая признала, что ряд стратегических целей приватизации в России не был достигнут: не сформирован широкий слой эффективных собственников; структурная перестройка экономики не привела к желаемому повышению результативности деятельности предприятий; привлеченных в процессе приватизации инвестиций оказалось недостаточно для производственного, технологического и социального развития предприятий; в ряде отраслей не удалось сохранить конкурентное положение предприятий на отечественном и мировом рынке.

Более того, падение сельскохозяйственного производства в Саратовской области оказалось одним из самых глубоких среди всех существовавших тогда 89 регионов России, в результате чего региональное хозяйство получило гипертрофированную сырьевую ориентацию и резко обострились проблемы, способствующие снижению эффективности АПК в целом.

По объемам производства важнейших видов сельскохозяйственной продукции Саратовская область до сих пор не достигла показателей до-реформенного периода. Почти вдвое сократилась площадь пашни, причем по оценкам экспертов плодородие большей части сельхозугодий близко к естественному. Не восстановлен потенциал мелиоративных сельскохозяйственных угодий, позволяющих хозяйствам получать гарантированную урожайность даже в острозасушливые годы. В значительной степени утрачена инфраструктура племенного дела – прежде всего племенные заво-

ды, племенные хозяйства и станции искусственного осеменения коров и телок.

Рыночные преобразования далеко не лучшим образом сказались и на кадровом потенциале сельскохозяйственного производства. Сейчас в аграрном секторе области трудится около 230 тыс. человек, это почти 20% всех занятых в экономике области, но на 10% меньше, чем в 1990 г. Однако проблема не столько в сокращении числа работающих, сколько в ухудшении качественного состава трудовых ресурсов, прежде всего демографических, образовательных и квалификационных характеристик работников сельхозпроизводства. Налицо нестабильность и недостаточно высокий уровень профессионализма руководителей и специалистов хозяйств. Сегодня на предприятиях и в организациях АПК занято более 15 тыс. руководителей и специалистов, свыше 33 тыс. работников основных сельскохозяйственных профессий. Но, по данным статистики, ежегодная сменяемость руководителей хозяйств составляет 25%, а обеспеченность сельскохозяйственного производства руководителями и специалистами не превышает 90%. Из них лишь около 40% имеют высшее образование, а седьмая часть – практики².

Проблема в том, что выпускники высших учебных заведений в село не едут, устраиваясь на работу в городе, в различных коммерческих и иных структурах с высоким уровнем оплаты труда. Да и социально-бытовые условия на селе молодых специалистов не устраивают. В результате в области значительно понизился образовательный уровень работников массовых сельскохозяйственных профессий. Если в 1990 г., по данным исследований Института аграрных проблем РАН (автор принимал в них непосредственное участие), он составлял 7,3 класса, то в 2005 г. – только 6,2 класса.

Это свидетельствует о том, что кадровая проблема в сельском хозяйстве значительно обострилась. Еще в 1990 г. наш опрос руководителей сельскохозяйственных предприятий области показал, что лишь в половине хозяйств подготовка кадров соответствовала сложившейся структуре производства, в каждом десятом – частично соответствовала, а почти в 40% хозяйств трудовые ресурсы не соответствовали предъявляемым требованиям.

Не просматривается, к сожалению, положительная кадровая перспектива и в ближайшие 10–15 лет, поскольку идет систематическое сокращение абсолютной численности сельского населения в трудоспособном возрасте, а также ключевой для воспроизводства трудовых ресурсов возрастной группы 15–19 лет. Многих областных руководителей, видимо, успокаивают статистические данные, что число жителей, мигрирующих из сельской местности в города, в последние годы сокращается. Однако это лишь видимость благополучия. Ныне миграция жителей из села приобрела избирательный и гораздо более опас-

ный для региона характер. Уезжают преимущественно молодежь и самые квалифицированные работники, в то время как после окончания вуза или колледжа возвращаться в село никто не спешит. Село стремительно стареет, в сельском хозяйстве аккумулируются работники с низким общеобразовательным и профессионально-квалификационным уровнем, нарушается процесс естественного воспроизводства трудовых ресурсов. Растет физический износ рабочей силы. В результате неумелого обслуживания изношенная техника используется крайне непроизводительно. Снижается фондотдача и растет годовая нагрузка работников. Несмотря на увеличение совокупных затрат труда (в коллективном и личном подсобном хозяйстве), среднедушевой совокупный доход сельских жителей значительно отстает от уровня доходов городских жителей. Наблюдается дефицит хороших работников не только новых профессий, но и традиционных: механизаторов, доярок, скотников. Обостряется противоречие между потребностью инновационного агропромышленного производства в квалифицированных кадрах и наличной структурой трудовых ресурсов. Сложившаяся ныне диспропорция в воспроизводстве трудовых ресурсов села серьезно ограничивает возможности структурной перестройки АПК, широкое внедрение в аграрное производство технических, технологических и организационно-экономических нововведений.

Что же нужно делать? Развитие реальной экономики самоцелью быть не может. Богатство Саратовской области – ресурсный потенциал, соединенный с интеллектуальным потенциалом населения, который надо рационально использовать. И с этой точки зрения главная стратегическая цель развития региона – рост социального благополучия всех групп населения на базе опережающего экономического роста.

Совсем не случайно в развитых странах основным критерием считается способность экономики к эффективным качественным и структурным сдвигам, которая непосредственно связана с человеческим фактором. Поэтому соответствующим образом трансформировались понятие капиталовложений, их состав и содержание инвестиционной политики. Возникла самостоятельная многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека как физического и социального субъекта (инвестиции в «человеческий капитал»). Например, уже в 60-х гг. прошлого века в США эти инвестиции были сопоставимы с инвестициями в материальную сферу, а в настоящее время намного их превосходят. Поэтому все наиболее важные и значительные по своим последствиям сдвиги в воспроизводственном процессе в США давно уже происходят вне материальной сферы – в сфере укрепления и развития личностного потенциала.

Почему же эта инвестиционная политика не находит широкого применения в России? Дело, по всей видимости, в том, что вред от экономии на

инвестициях в «человеческий капитал» большей частью ощущается в отдаленной перспективе, в то время как коммерческую выгоду можно получить сравнительно быстро. Именно в этом живучесть политики, получившей на Западе название «эффект близорукости».

В частности, в результате такой политики в Российской Федерации и Саратовской области старая система финансирования и управления социальной инфраструктурой села ликвидирована, а новая неэффективна, из-за чего сельская социальная инфраструктура быстро разрушается. Сворачивается сеть объектов социально-бытового и культурного обслуживания, приходят в негодность автомобильные дороги внутрихозяйственного назначения с твердым покрытием, сокращаются социальные гарантии для сельского населения в сферах образования, здравоохранения и культуры. Ухудшается социально-психологический климат в деревне. Усиливаются межгрупповые противоречия и конфронтация. Разрушается поселенческая сеть. Все большее число сельских населенных пунктов попадает в разряд депопуляционных. Это ведет к снижению престижности и ухудшению условий сельскохозяйственного труда, снижает естественный прирост и увеличивает смертность сельского населения, способствует миграции его самой дееспособной части в города. Происходит необоснованное снижение удельного веса и резкое ухудшение половозрастных характеристик сельского населения, нарушение условий его естественного воспроизводства, обострение дефицита квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, сокращение объема предоставления социальных услуг сельским жителям.

По нашим расчетам, для осуществления сбалансированного развития сельской социальной инфраструктуры доля капиталовложений на эти цели в сельском административном районе не может быть ниже 40% от общего объема инвестиций. Это, конечно, много. Но нужно помнить, что главная проблема сейчас не столько в больших инвестициях в развитие села, сколько в том, что сложившийся на сегодня модальный (реально господствующий) тип сельской личности существенно ограничивает возможности коренных экономических и социальных преобразований. Поэтому основополагающая задача и трудность одновременно – это не прогнозировать будущий рост агропромышленного производства (тут нам нет равных, особенно на долгосрочную перспективу!), а выявить то оптимальное сочетание факторов, которое наиболее благоприятно для работника, его семьи и сельской экономики в целом. В частности, не следует строить излишних иллюзий в отношении личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения, как это делают многие региональные органы власти. К сожалению (или к счастью), в последние годы производство продукции в ЛПХ подошло к своему пределу, что обусловлено рядом причин:

– во-первых, в 1990-х гг. была подорвана материальная база развития ЛПХ вследствие разрушения производственного потенциала коллективных хозяйств, ресурсы которых (корма, посадочный материал, сельскохозяйственная техника, транспортные средства и пр.) предоставлялись владельцам личных подсобных хозяйств на льготных условиях либо присваивались ими бесплатно;

– во-вторых, существенно сократились финансовые возможности сельской семьи из-за резкого падения уровня жизни в период реформ;

– в-третьих, практически исчерпан трудовой потенциал сельской семьи. Анализ бюджета времени сельского населения показывает, что многие семьи ведут подсобное хозяйство на пределе своих физических возможностей.

И хотя личные хозяйства населения в настоящее время являются ведущим сектором аграрной экономики, в будущем их экономическая роль и значение должны снижаться вплоть до чисто потребительских и рекреационных функций.

В особом внимании нуждается также система расселения. Укрупнение сельской поселенческой сети во многом обусловлено объективными закономерностями развития производительных сил. Но важно этот процесс не форсировать, используя все возможности для поддержания существующей поселенческой сети. Дело в том, что укрупнение сельского поселения неизбежно ведет к увеличению территории, обслуживаемой им. И здесь тоже, как и в сельскохозяйственном производстве, проявляет себя эффект масштаба, правда, в несколько иной форме. Более рациональное использование техники, транспорта, трудовых ресурсов, более высокий уровень агротехники, организации производства, временной доступности мест приложения труда и объектов социальной инфраструктуры наблюдаются лишь до определенного размера поселения. Дальнейшее

увеличение его и территории обслуживания ведет к прямо противоположным результатам. Поэтому нужна методика, учитывающая взаимосвязь расселения с организацией агропромышленного производства и социального развития села и позволяющая осуществлять внутри региона дифференцированную политику в области расселения населения.

Следует также иметь в виду, что в сложившейся системе расселения сельского населения области существуют особые зоны с повышенной теснотой и интенсивностью экономических, социальных, национальных, политических, культурных и других связей находящегося в их границах населения (групповые системы расселения). Территориально такие зоны могут и не совпадать с установленным административным делением области на сельские районы, но они играют в жизни сельского сообщества неосценимую роль и во многом определяют жизнестойкость сельской территории и стабильность ее развития в перспективе. Ослабление таких зон даже при достаточно высоком экономическом потенциале сельской территории почти всегда ведет к утрате контроля этой территории. В долгосрочной перспективе это может привести к разрушению деревенского уклада жизни, исчезновению самобытной деревенской культуры, все большему отчуждению населения от управления и реального участия в государственной жизни. Напротив, укрепление этих зон повышает совокупный ресурсный потенциал территории и улучшает условия для будущих коренных экономических преобразований.

Примечания

- ¹ См.: Текущий архив Министерства сельского хозяйства Саратовской области. URL: <http://minagro.saratov.gov.ru/archiv> (дата обращения: 10.11.2011).
- ² Там же.

УДК 316.614.5

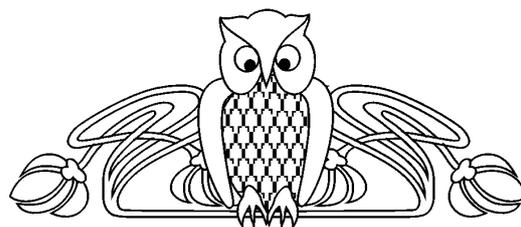
СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет
E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

В статье на базе результатов социологического исследования анализируются приоритеты, факторы и субъективные характеристики семейной социализации в сознании родителей регионального социума, показана его специфика и обозначены основные тенденции и противоречия представлений и реальных практик субъектов семейного воспитания.

Ключевые слова: семейная социализация, факторы, тенденции, противоречия.

Subjective Factors of Modern Family Socialization

S. G. Ivchenkov

On the basis of the results of our sociological survey, priorities, factors, and subjective characteristics of family socialization in the parents' consciousness of the regional society are analyzed, its peculiarity is shown, and basic trends and contradictions of the views and actual practices of family education subjects are outlined.

Keywords: family socialization, factors, trends, contradictions.

Общество непрерывно развивается, накладывая отпечаток на процесс социализации подрастающего поколения. В условиях современного общества родители имеют разное представление о социализации (которое замерялось через их интерпретацию понятия «воспитание») и, следовательно, вкладывают в него разный смысл. Здесь можно говорить о влиянии субъективных факторов выбора родителями конкретных целей семейной социализации подрастающего поколения.

В ходе социологического исследования¹ выяснилось, что значительная часть участников опроса расценивает воспитание как прививание порядочности (21,7%), ответственности (19,4%), трудолюбия (17,9%), эмоциональной сдержанности (16,2%), интереса к образованию (8,5%), а также контроль ребенка (12,6%) и обучение навыкам (6,3%). Полученные данные свидетельствуют о близости мнений в определении цели воспитания, что свидетельствует о стремлении родителей воспитать новое поколение, придерживающееся высоких моральных, этических принципов. Вместе с тем мужчины более чем в 2 раза чаще женщин ориентированы трактовать воспитание как образование и среди них в 2 раза больше затруднившихся с ответом. Женщины чуть более ориентированы на воспитание порядочности и трудолюбия, эмоциональной сдержанности.

Понятие «воспитание» современные родители интерпретировали по-разному, в зависимости от их возрастных характеристик. 25–31-летние родители чаще других нацелены на образование ребенка (видимо, дети – школьного возраста), 32–38-летние – на контроль за ним.

45,9% родителей хотели бы видеть своего ребенка в результате социализации «здоровым и счастливым», 21,6% – чтобы он «добился всего, чего захотел», 16,2% – «умел самостоятельно находить выход из сложного положения», 6,8% – был «лидером в любой ситуации», 5,3% – «достиг тех целей, которые перед ним поставили родители», 4,0% – «умел извлекать пользу из любых ситуаций». Иными словами, родительская трактовка воспитания в основном носит не стратегический, а функционально-инструментальный и сиюминутный характер, стихийно складываясь под влиянием назревших трудностей, связанных с возрастными особенностями детей.

В ходе исследования акцентировалось внимание не только на социально-демографических, но и на стратификационных критериях, которые изучались через такие характеристики, как семейный статус, род деятельности, уровень дохода, образование родителей. Среди родителей, имеющих незаконченное высшее образование, 50,0% целью воспитания считают обязательное получение ребенком образования, а 25,0% – обучение навыкам. Среди родителей с полным средним образованием 73,3% понимают воспитание как прививание ответственности, среди получивших среднее профессиональное образование доминирующим является

мнение о воспитании, сконцентрированном на формировании у ребенка порядочности (52,4%). Среди участников исследования, имеющих среднее специальное образование, 50,0% относятся к воспитанию как способу прививания ребенку порядочности. При этом 21,4 и 14,3% родителей соответственно считают воспитание получением образования ребенком и обучением его разного рода навыкам. 11,9% относятся к воспитанию как к обязательному всестороннему контролю ребенка. Среди родителей с высшим образованием 58,3% считают, что воспитание – это прививание ребенку порядочности. 41,7% – обучение эмоциональной сдержанности. Таким образом, чем выше уровень образования родителей, тем больше они стремятся воспитать в ребенке порядочность, чем ниже – тем больше они нацелены на воспитание в детях ответственности, трудолюбия, сдержанности, подконтрольности, то есть тех качеств, которые нужны добросовестным исполнителям. Родители, не имеющие даже законченного среднего образования, больше других ориентированы на воспитание у своих детей навыков самообслуживания, а также их образование, видимо стараясь компенсировать недополучение этих компонентов в собственном детстве, а также из-за трудностей самообслуживания у маленьких детей.

Представляется важным и мнение родителей о главном субъекте воспитательного процесса. 59,3% ответивших полагают воспитание детей главной деятельностью обоих супругов. 33,3% опираются на субъективное мнение о том, что уход за детьми, их воспитание являются главным в жизни только женщины, лишь 0,7% респондентов считают воспитание главной задачей отца, 6,7% – что воспитание детей не является главным занятием ни в жизни отца, ни в жизни матери.

Однако в действительности 58% опрошенных ответили, что в их семьях воспитанием детей занимается только мать, а не оба супруга, как было отражено в идеальном варианте изначально. Часто в семье детей воспитывает старшее поколение – бабушки и дедушки (17,6%). Полученные результаты свидетельствуют о том, что хотя родители подрастающего поколения и считают воспитательный процесс делом обоих супругов-родителей, оказывающих, по их мнению, наибольшее влияние на ребенка, в действительности воспитанием занимается только мать. Это свидетельствует об изменении роли отца ребенка в воспитательном процессе. Так, в семьях мужчин, считающих воспитание главной деятельностью обоих супругов, в реальности воспитание детей, занятия с ними и уход за ними лежат в 75,0% случаев на плечах матери, в 35,0% – на отце. 27,5% респондентов ответили, что их детьми занимается старшее поколение, а в 7,5% случаев – что дети предоставлены сами себе.

На эти процессы влияют возрастные характеристики респондентов, а также уровень образования и семейное положение. Так, дети

18–25-летних родителей в 52,9% случаев воспитываются матерью, в 32,4% – старшим поколением, а в 20,6% семей – отцом. Матерью воспитываются дети в семьях родителей 25–31 года в 78,8% случаев, 32–38-летними – в 85,0%, 39-летними – в 79,1% случаев. При этом в 7% случаев дети предоставлены сами себе. По полученным результатам можно судить о степени влияния возрастных особенностей родителей на их активность в воспитательном процессе. Так, с наибольшей ответственностью к воспитанию подрастающего поколения подходят родители более старшего возраста, что проявляется не только в высокой степени участия в воспитании детей как матери, так и отца. При этом определенная доля молодых родителей перекладывает свои обязанности на старшее поколение или на педагогически грамотных нянь и гувернеров.

Наибольшее влияние на ребенка оказывают родители (по мнению 45,3% участников опроса), 15,3% родителей утверждают, что это друзья. При этом 12,7% респондентов считают, что их ребенок подвергается прежде всего влиянию образовательных учреждений (школы и детские сады), 8,0% – что наибольшее воздействие на ребенка оказывают другие члены семьи – не его родители. И лишь незначительная доля респондентов ответила, что на ребенка наибольшее влияние оказывает только мать, все члены семьи одинаково или лица (по 1,3%).

В результате опроса прослеживается четкая установка родителей, совпадение в их восприятии понятия «воспитание», которое чаще всего трактуется как прививание ответственности, порядочности и трудолюбия. Однако чем выше уровень образования родителей, тем больше они стремятся воспитать в ребенке порядочность, чем ниже – тем больше они нацелены на воспитание в детях ответственности, трудолюбия, сдержанности, подконтрольности. Чем старше родители, тем больше наблюдается в процессе социализации детей нацеленность на такие ка-

чества, как ответственность, порядочность, чем моложе – тем значительнее нацеленность на обучение навыкам, что, вероятно, связано с малым возрастом детей и проблемами их самообслуживания. Родительская трактовка социализации в основном носит не стратегический, а функционально-инструментальный и сиюминутный характер, стихийно складываясь под влиянием назревших трудностей, связанных с возрастными особенностями детей.

Можно говорить о совпадении мнения женщин и мужчин об идеальном варианте воспитательного процесса, считающих, что заниматься воспитанием детей должны оба родителя. При этом, как выяснилось, это не соответствует действительности. Как мужчины, так и женщины не отрицают, что воспитанием детей в их семьях занимается преимущественно мать вне зависимости от семейного статуса родителей, что свидетельствует о сохранении доминирования патриархального уклада жизни в современной семье. Наблюдается тенденция к снижению роли отца в современных семьях. Этим можно объяснить предпочтение респондентов воспитывать своих детей в детском саду или дома с мамой, что еще больше ограничивает воздействие отца на ребенка. Именно этим можно объяснить тенденции современного общества к снижению влияния семьи на развитие подрастающего поколения.

Примечания:

- ¹ В 2010 г. в Саратовской области было проведено социологическое исследование на тему: «Проблемы воспитания детей в современной семье». Выборочная совокупность составила 450 респондентов, среди которых 46% мужчин и 54% женщин. Возрастные характеристики респондентов были распределены следующим образом: в возрасте от 18 до 24 лет было опрошено 22,7% респондентов, 25–31 года – 22,0%, 32–38 лет и старше 39 лет – 26,7% и 28,7% респондентов соответственно.

УДК 316:347

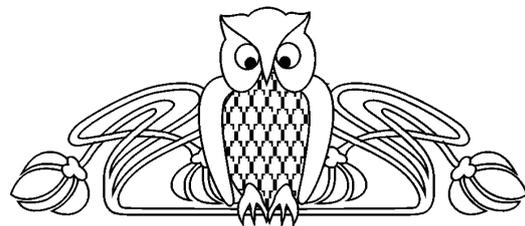
ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

Представлена иерархия методологических подходов к интерпретации текстов, репрезентирующих разные культуры. Показано, что текстовые механизмы социальной коммуникации обусловлены социокультурными характеристиками коммуникантов. Диалог как текстовый тип воплощает в себе все этапы и характеристики процессов социального и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: методология, социальная и межкультурная коммуникация, интерпретация текста, социокультурное окружение.

Text and Social Communication

B. R. Mogilevich

The hierarchy of methodological approaches to the interpretation of texts representing various cultures is given. It is shown that the mechanisms of social communication are conditioned by sociocultural backgrounds of communicators. The dialogue as a text type

manifests all stages and characteristics of social and crosscultural communication.

Key words: methodology, social and crosscultural communication, text interpretation, sociocultural backgrounds.

Текст как механизм социальной коммуникации играет важную роль в жизни любого общества, так как фиксирует и передает все достижения человеческой деятельности. Любая культура, любой социум представлены в виде текстов, и их понимание и интерпретация обусловлены уровнем развития тезаурусов как индивида, так и всего общества.

Особый интерес представляет отражение в тексте конкретной социокультурной ситуации. При чтении (прослушивании) текста происходит восприятие адресатом смысла, заложеного в текст адресантом, а адекватное осмыслению информации возможно при корреляции уровней языковой и социокультурной компетенции коммуникантов. Следовательно, восприятие текстов, принадлежащих иной культуре, возможно при достаточном уровне сформированности межкультурной компетенции, что предполагает умение интерпретировать текстовую информацию.

Интерес к проблемам интерпретации текста восходит к феноменологической традиции, использующей герменевтико-рецептивный подход к изучению коммуникации между текстом и читателем, между произведением искусства и аудиторией, согласно которому существует три типологических состояния при осуществлении воздействия любого произведения искусства на адресата:

- 1) творческий импульс (замысел) адресанта;
- 2) текст (произведение искусства);
- 3) интерпретация текста адресатом, что

можно представить в виде триады «адресант – текст – адресат». *Адресант* отражает в тексте свое восприятие окружающей действительности, используя знаковую систему – язык; *текст* – это отражение окружающей действительности с помощью знаковой системы (языка), несущей информацию; *адресат* интерпретирует информацию, содержащуюся в тексте, как смысловое взаимодействие адресанта и адресата и его оценку.

В процессе восприятия текста сам процесс чтения становится социокультурным фактом, так как адресант и адресат вступают в отношении социокультурного взаимодействия, реализация которого возможна при корреляции личностного потенциала коммуникантов. Связующим звеном между коммуникантами является не сам текст, а его адекватная интерпретация. Герменевтика внесла неоценимый вклад в изучение текста как средства коммуникации. Она базируется на следующих основных принципах: интерпретация предполагает плюрализм вариантов и незавершенность; интерпретация текста обусловлена уровнем социокультурного развития адресата; связь смысла конкретных текстовых структур

с социальным, историческим и культурным контекстом.

Герменевтический подход опирается на феноменологические теории Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, сущность которых состоит в том, что понимание зависит от общения и само строит (конструирует) это общение¹. Согласно Х. Т. Гадамеру, интерпретация текста – это диалог прошлого и настоящего в виде создания нового, постижения его внутреннего социокультурного смысла, а истина плюралистична, так как количество интерпретаций бесконечно.

Когда текст не читается, то есть нет коммуникации между адресантом и адресатом, он существует только как совокупность знаков. В процессе социокультурной коммуникации между адресантом и адресатом текст приобретает реальный смысл и объективное существование. Сам текст инвариантен, а его смысл вариативен, следовательно, текст – это открытая система, а суждения о текстах не могут претендовать на абсолютность и окончательность. Сущность герменевтического подхода состоит в том, что факты текста содержат бесконечное число интерпретаций, а читатель, интерпретируя текст, создает свой новый мир. Герменевтический подход выделяет стадию «предпонимания» как «предпосылки» процесса интерпретации. Х. М. Гадамер выдвинул понятие герменевтического круга как замкнутого взаимодействия традиционного или прежнего понимания и интерпретации текста. Происходит «игра» текста с интерпретатором и наоборот, где огромную роль играют воображение, творческая догадка и прежний опыт интерпретации.

Например, каждая наука представляет собой интерпретацию текстов и идей, которые могут быть истинными, а потом сменяться другими. Герменевтический подход к процессу интерпретации текста получил свое дальнейшее развитие в контексте феноменологических теорий в рецептивной эстетике. Была предпринята попытка исследовать коммуникативную составляющую эстетического опыта, существующего в виде трех характеристик: продуктивной (текст), рецептивной (восприятие текста) и коммуникативной (воздействие текста на реципиента). Впервые на коммуникативную сторону эстетического обратил внимание Х. Р. Яусс, считавший восприятие основой коммуникативности текста². Рецептивный подход к интерпретации текста предполагает учет исторический условий создания текста, особенностей мировоззрения и типологии индивидов в диахроническом и синхроническом аспектах.

На основе сочетания герменевтического и рецептивного подходов к интерпретации текстов В. Изер создал феноменологическую модель взаимодействия адресата и текста³. Сущность его исследований состоит в том, что любой текст содержит разные смыслы и разное их восприятие разными адресатами обусловлено не только личностными характеристиками индивида, но и

социально-историческими. По мнению В. Изера, любой адресант создает свой текст в процессе интерпретации вне зависимости от общепринятой схемы или традиции.

Текст представляет собой речевое действие, имеющее целью установление социально-культурного взаимодействия адресанта и адресата. Такая точка зрения на текст получила название коммуникативного подхода, согласно которому текст представляет собой неотъемлемую часть коммуникативной ситуации, в которой основными компонентами являются коммуниканты, обладающие своими социально-культурными характеристиками (статусами)⁴. Коммуникативно ориентированное изучение текста предполагает, что адресант создает текст – единицу речевой коммуникации – для совершения речевого действия, имеющего коммуникативный смысл. Особого внимания заслуживает лингвосоциопсихологическая (диалогическая) модель Т. М. Дридзе, рассматривающая место и роль текста как механизма социальной коммуникации. Согласно этой модели основной функцией текста является обеспечение взаимопонимания участников коммуникативного процесса⁵.

Особым видом текста является диалог. По мнению выдающегося лингвиста Л. В. Щербы, язык наиболее полно проявляется в диалоге⁶. Известно, что диалог – это речевое взаимодействие индивидов, продукт речевой деятельности, обусловленный ситуацией общения и социокультурным статусом коммуникантов, другими словами, диалог – это один из типов текста. М. М. Бахтин в своих исследованиях выделил такую категориальную характеристику диалога, как диалогические отношения⁷. Согласно этой концепции диалогические отношения представляют собой смысловые отношения между коммуникантами. Высказывания могут находиться в разных пространственно-временных параметрах, но вступают в диалогические отношения (коммуникацию), если между ними есть общность проблемы (общая точка зрения, какое-то совпадение взглядов и т. д.). Каждый текст находится в диалогических отношениях с другими текстами, если между ними существует смысловая конвергенция.

В процессе восприятия, а затем интерпретации любого типа текста адресант и адресат вступают в диалогические отношения. С точки зрения социологического подхода эти диалогические отношения представляют собой межличностную интеракцию. Именно диалоги (разговоры), с точки зрения символического интеракционизма, отражают наиболее полную актуализацию человеческого взаимодействия. Большой вклад в изучение диалогов (повседневных разговоров) внес И. Гоффман, используя свой «драматургический» подход к исследованию ситуаций повседневного общения. По его мнению, все действия индивидов, в том числе и речевая деятельность, социально структурированы, а повседневность представляет

собой «фабрику» социальности⁸. Гоффман разработал типологию повседневного разговора с точки зрения их успешного понимания, причем особое внимание он обращал на различие фреймов – правил разговоров между знакомыми и незнакомыми индивидами, а не с точки зрения локутивных, иллюкутивных и нелокутивных речевых действий коммуникантов. Оптимальная коммуникация при повседневном разговоре будет достигнута, если коммуниканты следуют правилам «ситуативного приличия» (situational propriety), что означает осознание уместности/неуместности речевых действий в рамках социального контекста; коммуниканты придерживаются адекватного уровня вовлеченности (involvement), предполагающего одинаковую заинтересованность в разговоре; все участники разговора должны быть доступны друг для друга (accessibility), причем акцент делается на приветствии, вступлении в разговор; коммуниканты обязаны продемонстрировать гражданское невмешательство (civil inattention) в чужое пространство, характеризующееся уважением друг к другу.

Этнометодология как раздел социологического знания занимает промежуточное место между символическим интеракционизмом и феноменологией и имеет в своей основе интерсубъективное взаимодействие индивидов, проявляющееся в каждом конкретном акте взаимодействия. Наиболее яркий представитель этого направления Г. Гарфинкель обращал особое внимание на фоновые ожидания индивидов в виде естественных свойств повседневной жизни, своего рода моральные установки, регулирующие повседневное поведение⁹. Этнометодология исследует прежде всего процессы рассуждения и их обоснования. Правила (стандарты) повседневного разговора определяют правила социального взаимодействия. Следовательно, этнометодологический анализ текстов повседневного разговора сосредоточен на изучении приемов, которые используют индивиды, принадлежащие к различным этносам, для создания речевого взаимодействия (интеракции). Этнометодологический анализ осуществляется в трех направлениях – исследования формальных актов повседневного разговора в виде начала, окончания разговора, смены ролей (фреймы И. Гоффмана), изучения взаимосвязи социокультурного контекста и речевых средств и этнолингвистического анализа содержания информации (когнитивных) аспекты.

Смена ролей участников повседневного разговора означает, что партнеры реализуют интенции в конкретных ситуациях. Это становится возможным только при учете партнерами типовых ситуаций общения в виде их знания темпа повседневного разговора с точки зрения типовых и фоновых знаний, то есть наличия общих пресуппозиций. Пресуппозиция воплощает общность знаний адресанта и адресата в конкретной ситуации речевой коммуникации. Когерентность текста (содержательная связность) обеспечива-

ется наличием пресуппозиций. В свою очередь, конкретность текста обуславливает возможность его понимания и последующей интерпретации. Текст конкретен, если он коррелирует каким-то «фрагментом мира», то есть представляет свою текстовую картину мира¹⁰. В рамках повседневного разговора особое значение имеют социальные взаимоотношения партнеров в виде симметричных интеракций, основанных на равенстве, и асимметричных, обусловленных социальными различиями коммуникантов. Интерактивная асимметричность партнеров может быть, с одной стороны, результатом их разного статуса в виде разного уровня образования и профессиональной компетенции или социальных ролей в процессе коммуникации, а с другой стороны, обусловлена принадлежностью коммуникантов к разным культурам. Этот тип межкультурной интерактивной асимметричности может стать причиной «культурного шока» и вызвать социокультурный конфликт¹¹.

Развитие международных контактов обусловило и новый подход к созданию и интерпретации текстов как единиц коммуникации, воплощающих весь спектр социокультурных характеристик индивидов. В этой связи большой интерес представляют проблемы этнолингвистической характеристики текстов. Этнометодологическое изучение повседневных разговоров повлекло за собой появление новых подходов к исследованию текстовых характеристик с точки зрения этногерменевтики и этнориторики. В свою очередь, эти подходы составляют общий контекст нового междисциплинарного направления – этнолингвистики, рассматривающей текст как на макроуровне (контрастивный анализ социокультурных характеристик разных культур), так и на микроуровне (сопоставление дискурсов коммуникантов). Эти научные задачи требуют изучения и разрешения. Можно выделить некоторые из них:

- сопоставление текстов, принадлежащих разным культурам, с точки зрения особенностей структурного, семантического и функционального разнообразия;
- этнокультурные особенности порождения текстов;
- сопоставительный анализ коррелирующих текстов в рамках разной социокультурной реальности;
- социальный аспект функционирования текстов в процессе межкультурной коммуникации с точки зрения определения специфических текстовых фреймов, отражающих межкультурные особенности социокультурного взаимодействия, в частности обусловленность текстовой информации фоновыми ожиданиями представителей разных культур; типологическая принадлежность текстов в процессе межличностных межкультурных интеракций.

Эти проблемы находятся на разных стадиях исследования и решения и представляют несо-

мненный интерес для обеспечения успеха межкультурной коммуникации в период глобализации. В то же время данные проблемы отражают и возрастание интереса к изучению локальных социокультурных особенностей с точки зрения выявления их своеобразия и использования в целях обеспечения взаимопонимания и сотрудничества представителей разных культур.

В последнее время в связи с развитием Интернета, широким использованием компьютеров, средств массовой информации появился новый тип текстов – гипертекст – как способ коммуникации. Вообще гипертекст как явление существует давно в виде энциклопедий, справочников, любых текстов, имеющих сноски и примечания. Новое понятие гипертекста включает в себя одновременные множественные потоки информации о каком-либо предмете или явлении, которые не могут быть восприняты одновременно. Индивид использует гипертексты для хранения информации в виде самого текста о предмете, компьютере и программном обеспечении¹². Большинство исследователей рассматривает гипертекст и как процесс, и как результат. Избыточность информации требует новых форм создания и хранения текстов. Более того, к языковому оформлению текстов добавляются видео- и звукоряд. Именно гипертекст дает возможность соединить, собрать воедино всю сумму знаний о каком-либо феномене (предмете, личности, явлении) для целостности восприятия и адекватной интерпретации.

Гипертекст вследствие своего преимущественного существования в Интернете представляет собой и результат, и средство межкультурной коммуникации, что делает его бесценным средством для обеспечения взаимопонимания и взаимодействия людей.

Ю. М. Лотман исследовал текст как «смыслопорождающее устройство», основными функциями которого являются следующие: творческая, проявляющаяся в виде создания одним текстом других; функция памяти, актуализирующаяся в сохранении в каждом тексте предшествующих контекстов. Особое место в его исследованиях занимает *диалог* как текстовый тип. В процессе диалога его участники по очереди меняются ролями – адресант становится адресатом и наоборот; но для полноценного диалога необходимым условием является заинтересованность коммуникантов в теме диалога и их способность преодолевать барьеры социальные, культурные, языковые. Лотман называет мотивацию коммуникантов «диалогической ситуацией», которая предвещает диалог. Более того, для обеспечения успеха коммуникации партнеры могут перейти на язык друг друга, строго соблюдая смену ролей и выдерживая паузы. Для иллюстрации этого коммуникативного процесса Ю. М. Лотман вслед за Ю. Ньюсоном использует образ общения кормящей матери с грудным младенцем, подчеркивая взаимную любовь, взаимозависимость и «взаимное тяготение»

как необходимое условие успешного процесса диалога (коммуникации)¹³.

Диалог развивается дискретно, то есть информация генерируется циклично. Это диалоговое свойство относится и к функционированию культуры. Диалог культур, другими словами, межкультурная коммуникация, проходит пять этапов:

1) «чужие» тексты приходят в культуру на «чужом» языке, при этом принимающая культура отводит им высшее место, а «чужой» язык становится символом принадлежности к «высшей» культуре. «Свой» язык и «свои» тексты занимают более низкое место в социо-культурной иерархии, что означает, по словам Ю. М. Лотмана, «грубость» и «некультурность»;

2) «своя» и «чужая» культура, воплощенная в текстах, взаимодействует, адаптируется, все «чужое» трактуется как органически присущее «своему». Наступает период гармонии культур;

3) тексты «чужой» культуры, вошедшие в «свою» как первоначально более высокие, более ценные, становятся настолько ассимилированными в принимающей культуре, что рассматриваются как истинные, естественные, а культура их происхождения приобретает статус «неистинной». Более того, начинает распространяться неприязнь к отдающей культуре;

4) тексты, прочно внедрившиеся в принимающую культуру, сами генерируют новые тексты, отражающие своеобразие отдающей и принимающей культуры, но и имеющие свои оригинальные характеристики;

5) принимающая культура становится отдающей и превращается в источник нового типа текстов¹⁴.

Естественно, данная цикличность текстовых межкультурных контактов не всегда реализуется в силу наличия или отсутствия социальных, политических, психологических условий.

Таким образом, социальная коммуникация, и межкультурная коммуникация в том числе, осуществляется посредством текстов, репрезенти-

рующих свою культуру. Их адекватная интерпретация коммуникантами – представителями разных культур – залог и неперемное условие успешного межкультурного взаимодействия.

Примечания

- 1 См.: Гадамер Х. Т. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1991. С. 35.
- 2 См.: Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания // *Вопр. философии*. 1994. № 12. С. 97–106.
- 3 См.: Изер В. Акт чтения. М., 1972. С. 42.
- 4 См.: Brinker K. *Textlinguistik : Student bibliographie*. Heidelberg, 1993. P. 23.
- 5 См.: Дридзе Т. М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации : проблемы семиосоциопсихологии*. М., 2004.
- 6 См.: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1957. С. 115.
- 7 См.: Бахтин М. М. *Проблемы речевых жанров // Литературно-критические статьи : сб. науч. ст.* М., 1986. С. 440–441.
- 8 См.: Гоффман И. *Анализ фреймов*. М., 2004. С. 663.
- 9 См.: Garfinkel H. *On ethnomethodology // Ethnomethodology / ed. by K. Turner*. Middlesex, 1974. P. 43.
- 10 См.: Колианский Г. В. *Объективная картина мира в познании и языке*. М., 1990. С. 56–57.
- 11 См.: Радовель М. Р. *Факторы взаимопонимания в межкультурной коммуникации // Материалы международной научно-практ. конф. «Коммуникация : теория и практика в различных социальных контекстах “Коммуникация 2002”» (Communication across difference)*. Ч. 1. Пятигорск, 2002. С. 19–21.
- 12 См.: Купер И. Р. *Гипертекст как способ коммуникации*. URL: <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00kuper.html> (дата обращения: 06.03.2012).
- 13 См.: Newson J. *Dialogue and Development Action. Gesture and Symbol. The Emergency of Language*. Lancaster, 1978. P. 31–42.
- 14 См.: Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. М., 1996. С. 278.

УДК 316.334.2

ПОНЯТИЕ «ИМИДЖ ТЕРРИТОРИИ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Т. А. Пашкина

Саратовский государственный университет
E-mail: press2010@oblstat.renet.ru

В последние годы со стороны научного сообщества и практиков заметно возрос интерес к имиджу территории как одному из факторов ее конкурентоспособности и устойчивого развития. Судить об этом можно как по числу появившихся публикаций, так и по шагам, предпринятым органами власти по формированию позитивного имиджа регионов и страны в целом. Целью данной статьи является рассмотрение базовых понятий и структуры имиджа территории, а также системы его формирования.

Ключевые слова: имидж, имидж территории, территориальная индивидуальность, конструирование и продвижение имиджа.

Notion of the Image of a Territory in Modern Science and Practice

T. A. Pashkina

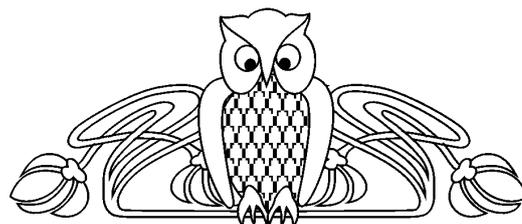
Lately, the interest to the image of a territory as one of the factors of its competitiveness and sustainable development has grown from the research community and practitioners. This can be judged on by the number of relevant publications as well as by some steps taken by power bodies to form a positive image of regions and the country in the whole. The paper is aimed at consideration of the basic notions and structure of a territory image, and the system of its formation.

Key words: image, image of a territory, territorial individuality, design and advancement of an image.

До недавнего времени об имидже говорили в основном применительно к личности человека, исходя из этого формировалась и имиджология. Поэтому, на наш взгляд, есть смысл обратиться прежде всего к общим определениям имиджа.

Так, А. Ю. Панасюк считает, что «имидж объекта – это мнение рационального характера или эмоционально окрашенное об объекте, возникшее в психике – в сфере сознания и (или) в сфере подсознания определенной (или неопределенной) группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно или произвольно в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – через восприятие уже оцененного кем-то образа на основе восприятия мнения, сформированного в психике других людей с целью возникновения аттракции – притяжения людей к данному объекту»¹.

Е. Н. Богданов и В. Г. Зазыкин дают такое определение: «Имидж – это манипулятивный, привлекательный, легко трактуемый психический образ, воздействующий на эмоциональную сферу человека (иногда на его подсознание), а через

них – на объяснительные механизмы сознания и поведения, выбор человека»².

В большом толковом словаре «Маркетинг» под редакцией А. П. Панкрухина – «имидж (англ. *Image* – образ) – сформировавшийся в психике людей образ объекта, к которому у них возникает оценочное отношение, проявляемое в форме мнения»³.

Обращает на себя внимание трактовка этими и другими авторами понятия «имидж» через понятие «образ», то есть через отражение в психике внешних и внутренних характеристик предметов и явлений внешнего мира. Образ при этом первичен, он формируется органически, естественно в процессе восприятия или представления. А имидж создается с помощью целенаправленных действий, формируется, конструируется, причем в его основе может лежать несколько образов.

В приведенных определениях подчеркивается, что имидж – психический образ. Следовательно, по мнению Е. Н. Богданова и В. Г. Зазыкина, ему присущи некоторые общие характеристики, среди которых авторы выделяют следующие:

- имидж – объект идеальный, возникающий в сознании людей, не подлежащий прямому измерению, но оцениваемый по отношениям людей, общению, деятельности, выбору;

- эффективный имидж должен быть целостным и непротиворечивым, соответствующим однозначным обобщенным представлениям;

- имидж неустойчив, он требует постоянного поддержания и подкрепления средствами рекламы и PR;

- имидж как стереотип должен содержать ограниченное число компонентов, быть достаточно простым, чтобы восприниматься однозначно;

- при всей иллюзорности имиджа основываться он должен на реальных характеристиках и достоинствах;

- имидж прагматичен, ориентирован на определенный круг задач, продиктованных целями организации;

- эффективный имидж должен обладать свойствами варибельности – ситуация трансляции имиджа всегда динамична, могут понадобиться коррективы;

- имидж предполагает сильный эмоциональный отклик⁴.

В современной теории и практике имидж стал одной из категорий маркетинга, одним из факторов обеспечения конкурентоспособности и успешности. По принадлежности имидж подраз-

деляется на следующие типы: имидж личности/руководителя, имидж организации, имидж идеи, политический имидж, имидж территории. Дополнить этот перечень можно имиджем продукта, профессии, системы. Имидж, как отмечают в своих работах практически все исследователи, может быть внутренним и внешним в зависимости от того, для восприятия какой целевой аудиторией он формируется. Имидж может быть положительным или отрицательным, сильным или слабым, цельным или противоречивым. Главные функции имиджа – идентификация, отстройка от конкурентов и позиционирование, формирование положительного отношения к кому-либо или чему-либо. Все это относится к имиджу любого типа, в том числе и к имиджу территории, который мы и рассмотрим подробнее.

Подчеркнем, что большинство имеющихся определений понятия «имидж территории» также трактуется через понятие «образ». Формально закрепленное понятие имиджа страны, существующее в документах Всемирной организацией по туризму (WTrO), звучит так: «Имидж страны – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа»⁵.

Ф. Котлер говорит об имидже места как о «сумме убеждений, представлений и впечатлений людей. Имидж предполагает целый набор убеждений о территории. Имидж отражает личное восприятие территории и может различаться от человека к человеку. У разных людей могут сложиться разные имиджи одной и той же территории, а может возникнуть одинаковый имидж, но отношение к нему может быть разным»⁶.

И. В. Логунцова вводит в понятие «имидж территории» определение его функционального назначения: «... имидж территории можно трактовать как целенаправленно сформированный образ той или иной территории, обладающий определенными ценностными характеристиками и призванный оказывать воздействие на потребителей с целью обеспечения конкурентоспособности территории и привлечения в нее дополнительных ресурсов»⁷.

Существует несколько подходов к определению основных компонентов имиджа территории. Один из них предложен И. С. Важениной и С. Г. Важениным, которые уже в самом определении детализируют его составляющие: «Имидж территории – это набор убеждений и ощущений, которые возникают у людей по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории»⁸.

Эти же авторы предлагают в качестве основы формирования имиджа региона рассматривать **территориальную индивидуальность**, которую они представляют как генеральную совокупность

характеристик, отличающих одну территорию от другой. Все особенности и ресурсы территории структурированы авторами в три блока:

– *природные, демографические, исторические, социальные и культурные особенности и ресурсы*: природно-климатические особенности и сырьевые ресурсы; история; человеческий фактор, демографические особенности; уровень и качество жизни населения; социальная политика и социальная инфраструктура; культурное наследие и ресурсы;

– *экономические особенности и ресурсы*: уровень развития и особенности экономики региона; производственная инфраструктура; трудовые ресурсы, наличие квалифицированной рабочей силы, занятость; инвестиционный потенциал и инновационные ресурсы; финансовые ресурсы; уровень деловой активности, степень благоприятности для бизнеса;

– *организационно-правовые, информационные особенности и ресурсы*: информационные и консалтинговые ресурсы, аудит; рекламный рынок и PR-услуги; институциональный капитал, в том числе законодательство; эффективность правительства; репутация руководства⁹.

Подчеркнем, что понятие «имидж территории» является многовариантным. Такие компоненты имиджа, как природно-географические, экологические и климатические особенности, сырьевые ресурсы, объективны, ими обладает любая территория. Они наиболее устойчивы, трудно поддаются быстрому изменению, примерно одинаково воспринимаются разными целевыми группами. За счет этого они могут быть отнесены к **инвариантной** составляющей имиджа. Такую информацию тоже надо уметь подать. На портале муниципальных образований Саратовской области (www.sar-mo.ru) информация о природно-географическом положении нашей области выглядит так: «Саратовская область расположена на юго-востоке Европейской части России, в северной части Нижнего Поволжья. С запада на восток территория вытянута на 575 км, с севера на юг – на 330 км. Через область протекает река Волга, которая делит область на 2 части: Левобережье и Правобережье. Территория области равна 100,2 тыс. кв. км, что составляет 0,59% территории РФ. По размеру территории область занимает 36-е место в РФ. Саратовская область – единственный регион России, соединяющий в себе три природно-климатические зоны: лесостепь, пустыню и полупустыню».

К **вариативной** составляющей имиджа территории, то есть самобытной, индивидуальной для каждого региона и по-разному воспринимаемой различными целевыми группами, могут быть отнесены финансово-экономические, демографические, информационные и другие особенности и ресурсы.

На сайте правительства Саратовской области (www.saratov.gov.ru), к примеру, есть информа-

ция, характеризующая промышленность региона: «Основой производственного потенциала области является промышленный комплекс, который состоит из более 2000 предприятий и организаций, в том числе порядка 500 – это крупные и средние предприятия, имеет многоотраслевую структуру, производит экспортноориентированную продукцию, а также продукцию оборонно-промышленного комплекса. В промышленности формируется более 26% валовой добавленной стоимости области и трудится почти четверть работающих в экономике области». «В январе–августе 2011г. сальдированный финансовый результат крупных и средних организаций (кроме банков, страховых и бюджетных организаций) в действующих ценах составил 20 975,8 млн руб. прибыли. Средняя номинальная заработная плата, начисленная за август 2011 г. в крупных, средних и малых организациях (с учетом до-счета до полного круга организаций), составила 16 131,3 руб.» – эта информация с сайта территориального органа Федеральной службы государственной статистики (<http://srtv.gks.ru>) также характеризует вариативную составляющую имиджа Саратовской области.

К вариативной же части относятся и такие составляющие, выделенные Д. Чижовым, как атрибутивная (официальная атрибутика территории – герб, флаг, гимн, другая аудиальная и визуальная символика), концептуальная (слоган, в котором выражается квинтэссенция имиджевых характеристик территории, например «Саратов – столица Поволжья» – лозунг конца 90-х гг. прошлого века), деятельностная (имиджевые публичные мероприятия, например первый фестиваль памяти О. Янковского в Саратове), личностная (тесная связь имиджа территории с ее лидером и публичными фигурами, например связь имиджа Саратовской области с именем и инициативами бывшего губернатора Д. Ф. Аяцкова)¹⁰.

Имидж территории создается для реальных и потенциальных «потребителей» (термин условен) этой территории, лиц, заинтересованных в ней, то есть определенных групп общественности – аудитории имиджа, которая может быть структурирована по-разному. По аналогии с внутренним и внешним имиджем общественность также делится на внутреннюю и внешнюю по отношению к территории. К внешней общественности в широком толковании могут быть отнесены все, кто находится за пределами территории, к внутренней – все, кто постоянно находится на территории.

В свою очередь, и внешняя, и внутренняя общественность может быть разделена на более локальные группы. К внешней общественности территории относятся представители иностранных государств, других регионов страны, чиновники из федеральных органов власти как стоящие над всеми регионами. Они тоже могут быть разделены на более мелкие подгруппы (политики, власть, бизнес, население соседних регионов).

Население же самой территории, ее бизнес-общество, политические субъекты, действующие на территории, некоммерческие общественные объединения, финансовые институты, журналистское сообщество и т. д. – внутренняя общественность территории.

Такое внимание структуризации общественности уделено не случайно. Чем точнее определена аудитория имиджа, тем точнее можно ставить цели формирования имиджа территории, выбирать технологии его формирования и компоненты имиджа, которые должны стать предметом имиджмейкинга. А имидж территории может иметь политический, инвестиционный, деловой, правовой, социальный и т. п. аспекты.

Действия по формированию имиджа территории требуют определенной последовательности: определение цели формирования имиджа; вычленение аудитории имиджа и изучение ее ожиданий по отношению к территории; выбор необходимых инвариантных компонентов имиджа территории; выбор необходимых вариативных компонентов имиджа территории; определение технологий формирования имиджа; выбор наиболее эффективных каналов коммуникации; разработка и реализация единой программы действий;

мониторинг и корректировка действий; анализ эффективности.

Для конструирования имиджа территории и его продвижения применяется весь спектр коммуникативных технологий, которые могут быть сгруппированы, на наш взгляд, в пять основных блоков: работа с традиционными средствами массовой информации (СМИ) всех уровней (медиа-рилейшнз); событийные PR-мероприятия; официальные коммуникации руководителей территории; новые медиа и Интернет; управление слухами.

Медиа-рилейшнз – конструирование и продвижение имиджа территории с помощью традиционных печатных изданий, радио, телевидения местного, регионального и федерального уровня. Влияние традиционных СМИ на формирование общественного мнения в современных условиях остается достаточно сильным. Тип, количество СМИ выбираются в зависимости от целей имиджмейкинга и аудитории имиджа.

Событийные PR-мероприятия – массовые мероприятия с участием СМИ, которые проводятся на территории или за ее пределами для привлечения внимания аудитории имиджа и формирования позитивного восприятия территории. К ним относятся, к примеру, День города, фестивали, конкурсы, участие в выставках, форумы, спортивные соревнования и т. п.

Официальные коммуникации руководителей территории – все официальные мероприятия разного уровня с участием руководителей террито-

рии, контакты с представителями более высокого уровня власти, международными представителями в том числе, с целью лоббирования интересов жителей территории и продвижения ее имиджа. Здесь особое значение приобретает личностная составляющая имиджа территории, связанная с имиджем ее руководителей. А этот имидж формируется и из умения человека вести себя, и из стиля его одежды, манеры общения, владения информацией. Все это требует индивидуальной работы по формированию персонального имиджа руководителей.

Новые медиа и Интернет – современное состояние медиаструктуры в России характеризуется наличием нового влиятельного сегмента – онлайн-информационных ресурсов и интернет-СМИ. Формирование и продвижение имиджа территории возможно только при их активном использовании. Формами такого использования являются официальные сайты органов власти и органов местного самоуправления, блоги руководителей территории, участие в онлайн-общении.

Руморология как наука о слухах и управлении ими стала частью современной действительности, а слухи были, есть и, видимо, будут одним из эффективных каналов распространения информации. Молниеносности распространения слухов способствуют новые медиа и Интернет. В качестве примера можно напомнить слух о легочной чуме в Саратове в декабре 2009 г., источником которого стала информация в Интернете. В течение нескольких часов жители города были доведены до состояния, близкого к панике. Информация о тревожной ситуации в Саратове прошла и в традиционных СМИ. Жизненный цикл этой явно негативной «новости» оказался достаточно продолжительным – около недели. Положительного восприятия имиджу области это не добавило.

Не вдаваясь в подробности вопроса, следует отметить и разную степень возможности управ-

лять информационными потоками, организуемыми с помощью названных коммуникативных технологий.

Положительный внешний имидж территории в современных условиях – это возможность привлечения инвестиций, квалифицированной рабочей силы, туристов, расширения рынка сбыта собственной продукции, благосклонности федерального центра. А от этого зависят социально-экономическое благополучие жителей территории, их лояльность к власти, открытость социальной коммуникации и в конечном итоге целостность и бесконфликтность организации всех сфер жизни на данной территории.

Примечания

- 1 Панасюк А. Ю. Формирование имиджа : стратегия, психотехнологии, психотехники. М., 2008. С. 25.
- 2 Богданов Е. Н., Зызыкин В. Г. Психологические основы «Паблик рилейшнз». СПб., 2004. С. 39.
- 3 Цит. по: Панкрухин А., Игнатъев С. Имидж страны : смена парадигмы // Корпоративная имиджология. 2008. № 2 (03).
- 4 См.: Богданов Е. Н., Зызыкин В. Г. Указ. соч. С. 40.
- 5 Цит. по: Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. 2-е изд. СПб., 2006. С. 53.
- 6 Котлер Ф. [и др.] Маркетинг мест. СПб., 2005. С. 205.
- 7 Логунова И. В. Имидж российских территорий как объект управления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. 2011. № 1. С. 30.
- 8 Важенникова И. С., Важеннин С. Г. Имидж как конкурентный ресурс региона // Регион : экономика и социология. 2006. № 4. С. 75.
- 9 Там же. С. 74.
- 10 См.: Чижов Д. Имидж российских регионов : стратегия и методы продвижения // Publiciti. Профессиональный журнал для VIP. 2006. № 1. С. 16–18.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК: 316.422:811.161.1

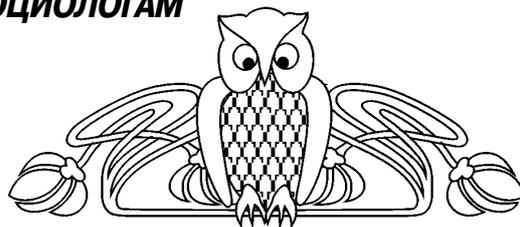
ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. А. Лобачева

Саратовский государственный университет
E-mail: lobachova.81@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в социальной функции русского языка, которые связаны с общественным изменением людей за последние два-три десятилетия. Целью данного исследования является анализ современного состояния русского языка. В связи с этим был проведен контент-анализ «Изменения в лексике языка. Внутренние переменные функционирования языка».

Ключевые слова: социальная функция, русский язык, трансформационные изменения.

Transformational Changes in Russian Language Social Function

O. A. Lobacheva

Transformational changes in Russian language social function connected with people social changes within two-three decades are examined in the present article. The aim of the present research is the analysis of modern condition of Russian language. Content analysis «Changes in language lexis. Internal variables of language functioning» was performed to gain the aim.

Key words: social function, Russian language, transformational changes.

Бурные общественно-политические преобразования в России за последние 20–30 лет привели к коренному изменению общественного уклада российского общества, что, естественно, в свою очередь, не могло не сказаться на развитии и функционировании русского языка, на изменении его социальной функции. Ведь любой современный язык отражает социальную жизнь его носителей, а главное – «язык обслуживает общество во всех сферах, является отражением общественного сознания, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни»¹.

В связи с этим целью данного исследования является анализ изменения современного состояния русского языка, его социальной функции.

Особенность состояния языковой ситуации в России сегодня состоит в том, что подавляющее большинство изменений в русском языке связано с теми событиями, которые происходят в обществе, точнее, основные изменения в русском языке являются прямым следствием общественных трансформаций, которые, в первую очередь, сказываются на функциональной стороне развития языка.

Самым ярким таким примером считается активное развитие новых компьютерных и информационных технологий, что и послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного общества. Таким образом, начало XXI в. – это процесс вхождения человеческой цивилизации в новую фазу исторического развития – информационное общество.

Русский язык – один из величайших языков мира. Его природа, сущность проявляются в функциях, которые он выполняет в той среде, в которой существует. Под функцией какого-либо объекта понимаются внешнее проявление его свойств, способ использования². Функция языка – это практическое проявление его сущности, реализация его назначения, специфические действия языка. Русский язык как особенный компонент входит в систему социальных явлений, поэтому и функции его могут быть только общественными (социальными). Поскольку язык постоянно приспособляется к общественному устройству, функции его социально обусловлены, то есть они «не могут быть никакими иными, как только социальными, общественными»³.

В русском языке отражаются достижения русского народа во всех сферах общества. Трансформация, связанная с модернизацией сфер общественной жизнедеятельности людей, непосредственно влияет на социальные функции языка, так как язык как средство коммуникации и передачи информации возникает и развивается только с развитием общества. Социальные функции русского языка проявляются в сфере СМИ, радио, теле-

видения, периодической печати, художественной литературы, театра, искусства и т. д.

Следует подчеркнуть, что русский язык, выполняя сегодня социальную функцию в различных сферах, во многом обуславливает внутривидовое развитие языка, особенно в области лексики.

С целью анализа трансформации социальной функции русского языка в современном российском обществе и было проведено исследование методом контент-анализа «Изменения в лексике языка. Внутренние переменные функционирования языка».

В нашем исследовании контент-анализу мы подвергли новости и форум обсуждения сайта www.rbc.ru. Были изучены сами объявления новостей и обсуждение на форуме с 1 ноября 2010 г. по 1 декабря 2010 г. На сайте www.rbc.ru новости и их обсуждение на форуме представлены в следующих рубриках: политика; экономика; происшествия; общество; потребрынок; календарь событий; безумный мир.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу текста документа, из представленных на сайте рубрик были выбраны пять, которые и стали категориями анализа: политика; экономика; происшествия; общество; потребрынок.

За единицу анализа текста в нашем случае мы берем слово (слова). Слова, выписанные из новостей и с их форумом обсуждения сайта www.rbc.ru, были распределены по следующим тематическим группам:

1) слова иностранного происхождения (например, брифинг, бонус, волонтер, дайвинг, дедлайн, мерчендайзер, ресепшн, роуминг, лифтинг, имидж);

2) слова, связанные с экономикой (например, банкомат, офис, бизнес, дольщик, ипотека, кредит, ипотечный кредит, ипотечный заем, ежемесячный платеж, кризис);

3) слова, связанные с политикой (например, коррупция, чиновник, мэр, градоначальник, митинг, Государственная дума, законопроект, санкция, депутат, президент);

4) слова, связанные с Интернетом (например, форум, интернет-сайт, сайт, файл, флешка, рунет, чатиться, компьютер, ноутбук, виртуальный, вирус);

5) нецензурные выражения, ругательства (например, не фиг делать, дибиллоид, черножопый, ублюдок, чурка, дерьмокраат, задница, педик, либерасты, пидорашки);

6) сокращения (аббревиатуры) (США, СНГ, РФ, УК РФ, миностр, ЦБ, Европол, Евросоюз, ФСБ, СМИ);

7) сложные слова (градоначальник, внутривидовый, стройкомплекс, оргвывод, автосалон, нацпроект, агрогород, агротуризм, туриндустрия);

8) имена собственные (Дмитрий Медведев, Владимир Путин, Ангела Меркель, Сергей Собянин, Юрий Лужков, «Пегас», «Корал Трэвел», «Тез-Тур»);

9) сборные слова (например, «дочка» в значении дочернее предприятие, рашка – то есть Россия, маски-шоу, затупить, велфер, коммент – то есть комментарий).

Следует отметить, что в вышеприведенных тематических группах представлены далеко не все примеры, выписанные из новостей и форума обсуждения сайта www.rbc.ru.

Таким образом, современная языковая ситуация в России дает возможность выявить и описать социальные факторы и процессы, которые формируют сегодня основные направления изменений в русском языке.

Основными социальными факторами, которые в настоящее время определяют развитие и изменения в русском языке, являются следующие.

1. Современное российское общество – это общество, в котором реально осуществлены принципы политической свободы. Исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны государства, административно-командной системы. Есть возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества. Все могут активно проявить себя в политических организациях. Это выражается в активизации политического дискурса, развитии полемических форм диалога, возрастании роли публичной и вообще устной речи.

2. С другой стороны, подавленная ранее тоталитарным государством активность большинства членов общества нашла выход, что привело к выбросу не только активности (деловой и политической), но у части общества агрессивности и грубости. Активность многих членов общества выплеснулась наружу в том числе и в форме вызывающего, неконтролируемого поведения.

Другим поводом для выброса агрессивности в современном российском обществе оказались возникший страх перед рынком, утрата людьми чувства тотальной пожизненной государственной защиты, боязнь безработицы, нехватка средств к существованию.

В языке это проявляется в росте агрессивности диалога, увеличении удельного веса оценочной лексики в речи, росте вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизации. В данном случае можно представить примеры слов из нашего контент-анализа: лужковский шнырь, попердывать, комуняк, гайдарочубайсы, обдолбанный быдлак, до по фигу, уёбище, медведопуты.

3. Ликвидация цензуры, расширение доступа людей к информации, независимость средств массовой информации, разнообразие печатной продукции, теле- и радиопрограмм в стране, расширение прямого эфира на радио и телевидении, возвращение ранее запрещенных авторов в научный и культурный обиход – это Россия сегодня. В языковом плане это приводит к значительному расширению тематики устного общения, активного словарного запаса,

совершенствованию навыков неподготовленной устной речи, ускоренному развитию устной формы существования языка, расширению функций устной и разговорной речи.

4. Развитие в стране рыночной экономики приводит к появлению новых сфер экономической и финансовой деятельности. Возникают понятия, характеризующие различные аспекты рыночных отношений, что приводит к активному заимствованию современной рыночной терминологии, активизации историзмов, активным семантическим процессам в лексике. Доказательством могут послужить слова, представленные в исследовании методом контент-анализа: ценные бумаги, биржа, дочернее предприятие, коммерческая деятельность, ООО, ОАО, бюджет, эксперты, казино, заемщик, кредит, первоначальный взнос, кредитные организации, банкрот, безналичный расчет, фонд, инфраструктура, день начисления процентов, малый бизнес, налогоплательщик, акционер, проценты, капитализация, инфляция и многие другие.

Развитие конкуренции, бизнеса и торговли ведет к диалогизации общения, увеличению роли диалога в общении. Развивается подязык делового общения, система деловой документации, формируются устные и письменные деловые речевые шаблоны, деловой речевой этикет.

5. Открытость российского общества связана с развитием широких контактов с зарубежными странами и партнерами. В настоящее время в стране работает множество иностранных фирм, компаний, холдингов, сами зарубежные специалисты. В открытом доступе книги, публицистика, видео- и кинопродукция на иностранных языках. Сегодня для российских граждан стали возможными отдых за рубежом, свободное общение с иностранцами в своей стране и за границей, учеба, работа, стажировка и повышение квалификации в зарубежных странах.

Увеличилось количество надписей на иностранных языках, иностранной литературы, газет и технической документации. Резко увеличилось число иноязычных заимствований в русском языке, особенно из английского языка. Примеры: пиар-акция, анбоксинг, байопик, бенефициар, дауншифтинг, дайвер, дресс-код, камбэк, копирайтер, креатив, мессидж, ньюсмейкер, омбудсмен, паттерн, продакт, плейсмент, рецепция, ритейлер, спойлер, стартап, сток, секонд-хэнд, сэйл-хаус, тренд, тримминг, хедлайнер, хеджирование, фидбек, франчайзи, фэйк, шорт-лист, шейкер, фитнес, хит, ремейк, секьюрити, ланч, бизнес-ланч, IT, High Tech. Расширение доступа к информации приводит к увеличению словарного запаса людей во всех возрастных категориях, хотя многие новые слова, особенно иностранного происхождения, понимаются ими неточно или даже ошибочно.

6. Информатизация всех сфер общественной жизни играет большую роль также в трансформации социальных функций русского языка. Тех-

ническим базисом информационного общества выступает развитие компьютерных технологий и средств коммуникаций. Современные средства хранения, переработки и передачи информации кардинально изменили возможности общения людей. Современные компьютерные технологии, средства коммуникации (мобильный телефон, факс) и сеть Интернет приводят к сокращению традиционной письменной формы общения (особенно в межличностной сфере). Увеличивается доля телефонного общения и общения при помощи технических средств.

Компьютеры, видеоматричные камеры, видеокамеры, телевизоры нового поколения, факсы, копировальная и множительная техника, бытовая техника, зарубежные автомобили – все это способствует появлению в русском языке множества новых понятий и слов, преимущественно заимствованных. В качестве примеров могут выступить следующие слова из контент-анализа: форумный, видео-чат, комп, нетбук, дисплей, плеер, антивирус, винчестер, скайп.

Обобщая основные тенденции развития современного русского общения и языка, можно отметить следующее.

Происходит перестройка в системе форм существования русского языка. Устная форма его существования на данном этапе развивается интенсивнее, чем письменная, возрастает ее роль, расширяются функции. Письменная форма существования языка дифференцируется по коммуникативным сферам, возрастает специфика письменного текста в различных профессиональных областях, в особенности в коммерческой корреспонденции.

УДК [316.334.3+316.772.4](470+571)

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

С. В. Кузьмина

Саратовский государственный университет
E-mail: kuzmina-s-v@yandex.ru

В статье рассматривается роль СМИ в формировании имиджа политического деятеля. Особое внимание уделяется роли телевидения, которое во многом позволяет аудитории получить более полное представление о политических деятелях.

Ключевые слова: СМИ, политическая информация, имидж политического деятеля, телевидение.

The Role of Mass Media in Politician's Image Forming

S. V. Kuzmina

The article examines the role of mass media in politician's image forming. Special attention is paid to the role of television, which in many aspects gives people the opportunity to get the fullest idea about politicians.

В целом для русского языка в современном обществе характерны следующие тенденции развития:

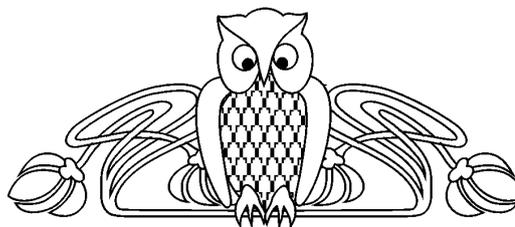
- интенсивность и скорость изменений в языке;
- определяющее влияние общественно-политических процессов на языковое развитие;
- преобладание изменений в лексике и фразеологии;
- преобладание количественных изменений над качественными;
- преобладание функциональных изменений над системными.

Изменения в языке проявляются в его развитии и эволюции. Эволюция отражает изменения, происходящие внутри языка по его собственным законам; развитие отражает приспособление языка к изменяющимся (под влиянием внешних факторов) условиям его функционирования.

Анализ современного состояния русского языка с точки зрения соотношения процессов эволюции и развития свидетельствует, что основные изменения, происходящие в нем, могут быть классифицированы как развитие.

Примечания:

- ¹ Швейцер А. А., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. С. 11.
- ² См.: Онтология языка как общественного явления. М., 1983. С. 28.
- ³ Аврорин В. А. Проблема изучения функциональной стороны языка. М., 1975. С. 33.

Key words: mass media, political information, politician's image, television.

Общение политического деятеля с представителями различных социальных слоев и групп редко осуществляется непосредственно в личных контактах. Определяющим для него становится общение опосредованное. А это означает не только то, что взаимодействие происходит с помощью различных средств массовой информации, но и то, что между ними появляется такой важный механизм, как имидж политического деятеля. Таким образом, в качестве политика мы имеем здесь не реальную личность, а его образ. Этот образ формируется в результате коммуникации между политиком и аудиторией¹.

Формирование имиджа политического лидера невозможно без серьезной и продуманной работы.

манной работы со средствами массовой информации.

Деятельность СМИ заключается в систематическом распространении политической информации среди различной по численности, рассредоточенной аудитории с целью утверждения духовных ценностей данного общества или его правящих групп, оказания идеологического, культурного и политического воздействия на получателей информации. Вследствие научно-технической революции СМИ буквально вошли в каждый дом, оказывают постоянное воздействие на членов любого сообщества.

Среди ведущих общественно-политических направлений функционирования СМИ следует отметить функцию обеспечения общества как конкретной политической информацией, так и информацией в разных политических целях, по разным направлениям и для разнообразных политических процессов, а также политическое манипулирование информацией. Средства массовой информации служат для сбора, распространения информации, формирования общественного мнения, легитимности политических структур, выступают важным атрибутом оппозиционной политической деятельности, являются источником стабильности или нестабильности общества².

Существует много концепций места и роли массовой коммуникации в обществе. Одни из них рассматривают массовую коммуникацию как орудие торговой и политической конкуренции, другие – как способ обеспечения духовного контроля, третьи – как средство поддержания баланса в обществе. Особое место можно отвести теориям Г. М. Маклюэна и А. Моля, которые рассматривают массовую коммуникацию как новый этап социального общения³. Безусловно, массовая коммуникация играет значительную роль в современном обществе и оказывает огромное влияние на людей. При этом коммуникации не могут диктовать людям «что думать», но могут акцентировать внимание людей на том, «о чем думать». Другими словами, коммуникации не изменяют отношения и поведения людей, они способны создавать заинтересованность или озабоченность, а также усиливать понимание⁴.

Традиционно массовая коммуникация рассматривается как опосредованное общение через СМИ, так как непосредственное общение (прямой контакт оратора с аудиторией) предполагает большую, но не массовую аудиторию. Этим объясняется, почему из двух базовых функций коммуникации – взаимодействия и воздействия – в массовой коммуникации на первый план выходит именно воздействие⁵.

Средства массовой информации имеют многоуровневую структуру.

Первый уровень состоит из электронных и печатных СМИ, формирующих единое информационное пространство.

Второй уровень – это печатные и электронные СМИ, коммерческие издания, теле- и радиокomпании федерального (номинально) и межрегионального охвата. К ним относят СМИ, имеющие выход в регионы, но не являющиеся общенациональными по охвату аудитории.

Также в структуру СМИ входят региональные электронные и печатные СМИ, Интернет, полимедиа, объединяющие различные каналы вещания СМИ.

СМИ – наиболее сильное средство формирования имиджа. Воздействие средств массовой информации по своему эффекту сродни внушающему воздействию⁶.

С. Ф. Лисовский подробно рассматривает влияние различных каналов СМИ на формирование имиджа политического деятеля⁷. Он пишет, что избиратели в своих политических пристрастиях редко опираются на доскональное изучение программ политических партий и движений. В значительно большей мере оценка людей складывается под непосредственным впечатлением от того или иного политического лидера – прежде всего в результате телевизионного знакомства с ним. В одном из последних исследований отечественных социологов отмечается, что само появление лидера на экране уже добавляет ему веса и увеличивает степень доверия к нему, ведь именно телевидение во многом навязывает нам определенную, порой стереотипизированную, модель видения политической реальности и особый тип социального поведения.

Технические возможности телевидения, позволяющие корректировать облик лидера с тем, чтобы сделать его более позитивным, высокая степень достоверности телеинформации, создающая иллюзию сопричастности, атмосфера интимности, окружающая общение политиков со зрителями, – все это способно придать телевизионному обращению гораздо более глубокую, чем на радио или в прессе, эмоциональную окрашенность. Но в то же время телевидение беспощадно обнажает любое выпадение героя из рамок заданного образа, любые ошибки создателей этого образа, любое противоречие в, казалось бы, тщательно продуманной стратегии.

В отличие от других средств массовой информации телевидение способно передать физическое движение, поэтому такие элементы невербальной коммуникации, как мимика и жестикация, становятся очень важными.

По мнению современных исследователей, политический деятель, выступающий на телевидении, заинтересован в искусственном завышении значимости своего мнения. Для того чтобы это удалось, у зрителя должно создаться впечатление, что он получает что-то существенное в обмен на потраченное внимание. Ключевые параметры политического выступления – цельность, уместность и содержательность. Цельность политического выступления предполагает соответствие содержания образу, создаваемому политиком.

Уместность подразумевает чувство ответственности за сказанное, а также способность политика формулировать провозглашаемое новое в новых терминах. Уместность, как и цельность, способствует валоризации выступления, так как у зрителя создается впечатление, что ему оказывается серьезное доверие, благодаря чему он чувствует себя участником всего происходящего. Содержательность политического выступления предполагает значимость того, что говорится. Не слишком содержательные выступления быстро забываются и не оставляют никакого следа в сознании людей.

Телевизионные выступления, с одной стороны, позволяют зрителям получить наиболее полное представление о политических деятелях, оценить их внешние данные, манеру вести себя, умение говорить, достаточно широко знакомят зрителей с их взглядами, с другой – предоставляют самим претендентам возможность проявить ораторские способности, завоевать доверие избирателей, использовать самые разные формы саморекламы и т. д.

Немалое, если не первостепенное, значение в выступлении политика имеют форма, эмоциональная окрашенность речи. Влияние произнесенного слова в большей степени зависит от силы убеждения, чем от силы развернутых идей. Результативность убеждения во многом определяется тем, насколько лидер владеет ораторским искусством, а также его личностными характеристиками.

Телевидение обладает уникальной возможностью моделировать облик политического деятеля согласно политико-рекламному проекту с помощью конструктивной или корректирующей съемки. Используя определенные приемы съемки, можно выразить отношение кандидата к зрителям и присутствующим в студии, задать необходимый тон восприятию его поведения зрителями, когда он находится лицом к лицу с другими людьми.

Специфические особенности телевидения и радио как каналов СМИ активно используются для воздействия на широкую аудиторию. Теле- и радиосообщения требуют меньших усилий для восприятия информации, чем, например, чтение. Это подтверждается результатами многочисленных опросов, проводимых в разных странах, которые одинаково свидетельствуют о том, что аудитория считает телевидение самым объективным и наиболее полно информирующим⁸.

Основным источником «политической информации» для подавляющего большинства россиян является телевидение. Как показал опрос, проведенный социологами Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2007 г. в политическом информировании граждан также возросла роль Интернета. При этом «самым всеохватывающим источником информации, который не предполагает активного участия», остается телевидение. Итоги исследования говорят о том, что продолжают считать его важным источником информации 80% россиян (в 2007 г. было 82%),

в то время как прессу – только 44% граждан (четыре года назад было 59%), а радио – 36% (49% в 2007 г.). Зато почти втрое – с 13% до 31% – увеличилось число тех, кто считает важным источником политической информации Интернет⁹.

Телевидение, безусловно, играет очень важную роль в формировании имиджа современного политика. Из всех каналов СМИ именно телевидение позволяет публике получить наиболее полное представление о политическом деятеле, следовательно, политику нужно тщательно подготавливать свои выступления и уметь контролировать свое вербальное и невербальное поведение.

С. Ф. Лисовский считает, что при формировании имиджа политического деятеля пресса обладает рядом преимуществ перед иными СМИ. Имидж политика, преподносимый со страниц периодической печати, легче контролировать, удерживать в заданных рамках, чем, например, телевизионный имидж: печатный материал скрывает неудачную реакцию на неожиданный вопрос, неровную речь, все то, что могут обнажить телевидение, радио и выступления на митингах¹⁰.

Анализ роли СМИ в осуществлении политики приводит к следующим выводам. Ни одна общественно-политическая группа (институт) не добьется значительных успехов в открытой политике, если не будет иметь возможности ее апробации на телевидении и в других СМИ. Ни один кандидат в органы власти и управления не будет иметь серьезных шансов на избрание, если не сможет использовать СМИ, и прежде всего телевидение. Группы опытных политических имиджмейкеров, используя возможности СМИ, могут «повысить» стартовый рейтинг способного политика или кандидата в политики не менее чем на 10–12%¹¹.

В целом нельзя не согласиться с французским ученым П. Шампанем, который отмечает: «Масс-медиа, и в особенности аудиовизуальные средства информации, обладают сегодня значительной символической властью. Это проявляется в возможности формулировать те или иные проблемы, создавать явления силой слова, то есть навязывать массам определенное видение мира, что достигается их широким распространением и эффективностью влияния зрительных образов на широкую публику»¹².

Примечания

- 1 См.: Имидж лидера : психолог. пос. для политиков. М., 1994. С. 115–120.
- 2 См.: Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология. М., 2002. С. 317–318.
- 3 См.: Современная западная социология : словарь. М., 1990.
- 4 См.: Кузьмина С. В. К вопросу о сущности социальной коммуникации // Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества. Саратов, 2009. Вып. 16. С. 85–87.

- ⁵ См.: *Конецкая В. П.* Социология коммуникации. М., 1997. С. 209–216.
- ⁶ См.: *Шепель В. М.* Имиджелогия : Секреты личного обаяния. М., 1997.
- ⁷ См.: *Лисовский С. Ф.* Политическая реклама. М., 2000.
- ⁸ См.: *Кузнецова Н. А.* Эффективность использования современных коммуникативных технологий в политической жизни общества // *Власть*. 2011. № 5. С. 39.
- ⁹ См.: Телевидение осталось в главной роли // *Коммерсантъ*. 2011. 5 апр.
- ¹⁰ См.: *Лисовский С. Ф.* Указ. соч.
- ¹¹ См.: *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Указ. соч. С. 322.
- ¹² *Шампань П.* Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношений между полями политики, экономики и журналистики // *Socio-Logos*'96. М., 1996. С. 209.

УДК 316.334.3 (470.44)

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДСКОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА

В. С. Небога

Саратовский государственный университет
E-mail: vitaliy-neboga@yandex.ru

В статье рассматриваются основные направления развития институтов гражданского общества, а также факторы совершенствования реализации социальной политики городского муниципалитета при участии общественных организаций.

Ключевые слова: гражданское общество, социальная политика, институт, некоммерческая организация, муниципалитет.

Role of Institutes of a Civil Society in Realisation of Social Policy of City Municipality

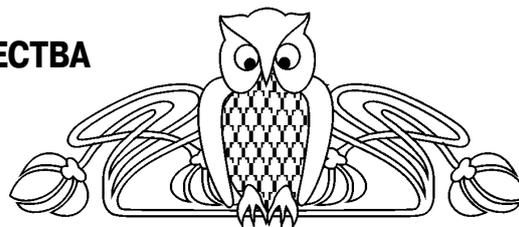
V. S. Neboga

In article the basic directions of development of institutes of a civil society, and also factors of perfection of realisation of social policy of city municipality with the assistance of public organisations are considered.

Key words: civil society, social policy, institute, noncommercial organisation, municipality.

Все большее значение в современных условиях развития российского общества приобретают институты, обеспечивающие взаимодействие гражданского общества и государства в решении важных для страны, регионов и городских муниципалитетов проблем.

Гражданское общество – это общество негосударственного типа¹. В современном понимании гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, независимое от государства, но взаимодействующее с ним. Институты гражданского общества, в частности общественные объединения и фонды, благотворительные организации, НКО (некоммерческая организация – организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками²), образуют основу гражданского общества, определяют его содержание. Они призваны содействовать росту

активности граждан, их национального самосознания, политической культуры и высокой духовности, стремлению реализовать свой потенциал, самим строить свое будущее.

Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определены следующие формы некоммерческих организаций: общественные организации (объединения); религиозные организации (объединения); государственная корпорация; некоммерческое партнерство; учреждения; автономные некоммерческие организации; социальные фонды; благотворительные фонды; объединения юридических лиц (ассоциации и союзы)³.

Кроме того, федеральным законодательством⁴ могут предусматриваться иные формы некоммерческих организаций: потребительские кооперативы, товарищества собственников жилья, территориальное общественное самоуправление, благотворительные организации, профсоюзы.

Развитая система негосударственных организаций обеспечивает баланс интересов в обществе. По мере их укрепления они становятся важнейшим инструментом общественного контроля деятельности государственных структур и не только выражают, но и формируют общественное мнение и сознание.

В настоящее время в Российской Федерации и ее субъектах созданы и функционируют институты гражданского общества, взаимодействующие с государством с целью решения важных социально-экономических проблем. Однако для

эффективности выполнения поставленных задач данные институты нуждаются во всесторонней поддержке государства как законодательно, так и организационно.

Одним из главных направлений развития организаций гражданского общества является модернизация законодательства, регулирующего деятельность некоммерческих организаций. В первую очередь оно должно быть направлено на повышение эффективности различных форм взаимодействия данных организаций и органов власти. Необходимо также решение нескольких главных вопросов по проблемам развития институтов гражданского общества: сокращение административных барьеров в сфере деятельности некоммерческих организаций; наделение некоммерческих организаций правом получать пожертвования вне зависимости от их организационно-правовой формы и т. д.

Следует отметить, что работу институтов гражданского общества, в частности общественных и некоммерческих организаций, тормозит слабое участие граждан в решении социальных проблем и задач. Это происходит в силу неосведомленности россиян о деятельности общественных организаций. В подтверждение данного тезиса можно привести данные опроса граждан, проживающих в Саратове⁵. Респондентам задавались вопросы, позволяющие выявить степень информированности граждан о наличии и деятельности общественных и некоммерческих организаций в городе Саратове. Осведомленность продемонстрировали 56% опрошенных, правда, лишь 16% высказывались определенно, утверждая, что знают о НКО. Почти половина респондентов (44%) утверждала, что не знает выражения «некоммерческая организация» (табл. 1).

Таблица 1

Уровень информированности саратовцев о некоммерческих организациях

Скажите, пожалуйста, знаете ли Вы, слышали или слышите впервые выражение «некоммерческая организация»?	Количество респондентов, %
Знаю	16
Что-то слышал	40
Слышу сейчас впервые	44

О деятельности НКО осведомлено лишь 47% опрошенных, при этом утверждали, что непосредственно сталкивались с деятельностью подобных организаций, лишь 6%, а 53% респондентов заявили, что ничего не знают о деятельности данных организаций (табл. 2).

Результаты опроса показали, что уровень информированности граждан Саратова о некоммерческих организациях является невысоким. Лишь несколько саратовцев смогли привести примеры НКО, действующих в Саратове: совет ветеранов Заводского района, Союз товаропроиз-

водителей и работодателей Саратовской области, Саратовский областной общественный фонда защиты прав потребителей, Союз автомобилистов Саратовской области. Причинами слабой осведомленности о деятельности некоммерческих организаций, на наш взгляд, являются: непрозрачность деятельности самих НКО, отсутствие публикаций в СМИ, связанных с разъяснением особенности их деятельности, их роли в развитии общества.

Таблица 2

Уровень информированности саратовцев о деятельности некоммерческих организаций в г. Саратове

Знаете или слышали ли Вы что-либо о работе или деятельности некоммерческих организаций в г. Саратове?	Количество респондентов, %
Да, я лично сталкивался с деятельностью таких организаций	6
Да, я определенно знаю о таких организациях	9
Я что-то слышал о таких организациях	32
Я ничего не знаю о таких организациях	53

В некоторых субъектах Федерации, в том числе и в Саратовской области, не стала привычной и тем более обязательной практика участия общественных объединений (общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия) в формировании программ социально-экономического развития региона и его районов. Как правило, власти лишь знакомят либо информируют общественность о принятых программах. Признание важной в этом вопросе роли НКО требует нормативного закрепления участия негосударственных некоммерческих организаций, функционирующих на территории, в планировании ее социально-экономического развития. Такое решение может дать значительные возможности для экономии бюджетных средств при одновременном повышении уровня занятости населения за счет его самоорганизации.

Несмотря на то что Закон Саратовской области от 13 марта 2001 г. № 9-ЗСО «О государственной поддержке общественных объединений в Саратовской области» создал основы, позволяющие органам власти уже сегодня использовать приемлемые формы конструктивного сотрудничества с НКО, отсутствует правовое обеспечение передачи части полномочий органов государственной власти по социальной поддержке населения наиболее эффективным НКО⁶.

В Законе Саратовской области от 26 апреля 2011 г. № 45-ЗСО «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Саратовской области» содержится всего 4 вида деятельности, достойных государ-

ственной поддержки как социально ориентированных. Данный закон вызвал протест со стороны представителей Гражданской общественной палаты, Народного собрания Саратовской области, крупнейших НКО города Саратова⁷. Широкое общественное обсуждение проекта закона не проводилось, что еще раз подтверждает нежелание правительства идти на контакт с общественными организациями даже в вопросах поддержки некоммерческих организаций.

Не снижается роль благотворительных организаций, чья деятельность сглаживает точки социальной напряженности. Грамотная поддержка благотворительных программ органами государственной власти создает благоприятное социальное окружение таким образом, что появляется устойчивая тенденция к стабилизации обстановки на будущее. Появление социальной ответственности при сотрудничестве некоммерческих организаций с госучреждениями позволяет повысить имидж власти и укрепить ее связь с обществом.

Саратовские благотворительные организации не имеют постоянного финансирования своих программ. Лишь некоторые получают грантовую поддержку своих проектов. Перспективной формой финансирования общественных и благотворительных программ могут стать: договоры с постоянными партнерами от государства и бизнеса на предоставление денежных и неденежных средств, а также других ресурсов; труд волонтеров (взаимозачет их труда); государственные гранты на конкурсной основе; государственный социальный заказ на конкурсной основе; реализация взаимной пользы, когда, например, частные лица поддерживают денежными средствами те проекты, в которых заинтересованы сами или члены их семей (проблемные и т. п.).

Следует отметить, что изменился качественный состав общественного сектора Саратовской области, став более многообразным. Это зарегистрированные НКО, незарегистрированные группы гражданской инициативы, а также отдельные граждане, представители государственных и бизнес-структур, оказывающих в свое свободное время общественно-полезную помощь, предоставляющих свои ресурсы безвозмездно. В настоящее время наблюдается тенденция по укреплению общественных организаций Саратовского региона через их коалиции, например Общественный совет областной думы, Консультационный совет при мэре города, Экспертный

совет, Совет при уполномоченном по правам человека, Общественная палата. Однако для эффективного лоббирования интересов некоммерческого сектора и общества в целом этого оказывается недостаточно. Институты гражданского общества смогут выполнять свои функции только при разумной поддержке со стороны муниципальной власти.

Общественность составляют организации: благотворительные, медицинские, экологические, образовательные, ветеранские, правовые, созданные по инициативе населения и отстаивающие свои некоммерческие цели. Все это – огромные концентрирующие силы интеллектуального потенциала добровольцев, и от того, как этот потенциал будет использоваться или, наоборот, будет ли он хаотично рассредоточен, зависит дальнейшее позитивное развитие как города Саратова, так и области в целом.

Примечания

- ¹ См.: *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики*. М., 2010.
- ² См.: *Экономический словарь*. URL: <http://economic-enc.net/word/nekommercheskaja-organizacija-bespribyl-naja-3006.html> (дата обращения: 08.08.2011).
- ³ См.: *О некоммерческих организациях*: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // *Рос. газ.* 1996. 21 янв.
- ⁴ См.: *Жилищный кодекс Российской Федерации*: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // *Рос. газ.* 2005. 12 янв.; *О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях*: проект федер. закона // *Рос. газ.* 2011. 12 окт.
- ⁵ Социологический опрос «НКО г. Саратова в общественном мнении саратовцев». Социологическое исследование было проведено 20 августа 2011 г. методом неформализованного интервью. N = 100 чел. (от 20 до 50 лет), отобранных по бесповторной, квотно-территориальной выборке.
- ⁶ См.: *Закон Саратовской области от 13 марта 2001 г. № 9-ЗСО «О государственной поддержке общественных объединений в Саратовской области»*. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts15/txt15778.htm> (дата обращения: 08.08.2011).
- ⁷ См.: *Закон Саратовской области от 26 апреля 2011 г. № 45-ЗСО «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Саратовской области»*. URL: http://www.srd.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4581&level=2&nm=5&Itemid=118. (дата обращения: 08.08.2011).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.3

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ИДЕОЛОГИИ РАЗВИТИЯ И ЭЛИТЫ

А. Г. Чернышов

Центр стратегических инициатив и прогнозов, г. Москва
E-mail: ag555@mail.ru

Статья посвящена современному российскому обществу, которое находится в состоянии поиска новой идеологии развития. Дается анализ качественного потенциала общества и правящей элиты, а также способности граждан и формальной элиты генерировать и осуществлять реальные позитивные преобразования в стране.

Ключевые слова: российское общество, элита формальная и правящая, идеология развития.

Modern Russian Society in Search of Ideology of Development and Elite

A. G. Chernyshov

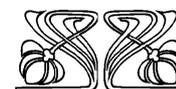
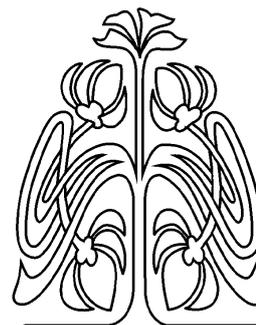
Article is devoted a modern Russian society which is in a condition of search of new ideology of development. The analysis is given to qualitative potential of a society and ruling elite, and also abilities of citizens and formal elite to generate and carry out real positive transformations to the country.

Key words: Russian society, elite formal and correcting, ideology of development.

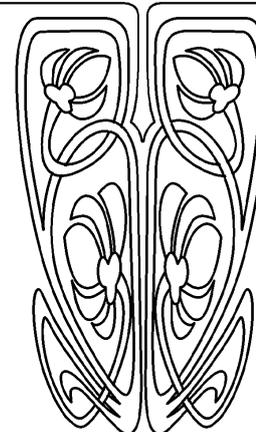
Современный мир все более глобализируется и движется к своему новому историческому рубежу. Прежняя политическая и социальная система меняется у нас на глазах. Быстрота данных процессов ведет к тому, что априори возрастает фактор неопределенности, стихийности и нестабильности общественного развития. Поиск новых параметров общества, да еще и в глобальном общепланетарном масштабе, сопряженный со столкновением общечеловеческих принципов жизнедеятельности, с одной стороны, и национальных, религиозных, социальных, технологических интересов, с другой, приобретает особую остроту. Вновь возникающие проблемы требуют своего разрешения с учетом разных вариантов их дальнейшего транзита.

Рост социальной активности и напряжения в российском обществе тому подтверждение. По сути, все эти события – отражение определенного состояния социума. Даже обладая достаточными знаниями о цикличности процессов развития, имея перед глазами опыт давних и близких исторических событий, правящая элита, тем не менее, не может пока адекватно отреагировать на происходящие перемены, объективно оценить их существенные моменты и свою роль в преобразовательном процессе. Для обретения обществом нового качественного состояния важен нетривиальный подход, нужна, по сути, новая повестка дня для страны.

Мы оказываемся в совершенно парадоксальной ситуации. С одной стороны, нарастающий поток всевозможной информации и вместе с ним возрастающее знание, которое прибывает с каждым годом, расходясь и растворяясь по общественным ячейкам, вроде бы должны способствовать более осозанному процессу поиска истины и обретения реальных смыслов. С другой стороны, и общество в целом, и элита, которая взяла на себя непростое бремя управления социумом, не заточены на поиск и реализацию конкретного результата. Более того, порой граждане и элита идут параллельным курсом или вообще в разные стороны, не пересекаясь друг с другом, так как разнонаправлены их

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

устремления и конечные цели. Отсюда нет видимой и явной потребности не только в обретении и приращении нового знания, но и уж тем более в применении его на практике.

Почему происходит такое вопиющее противоречие? Как представляется, есть несколько фундаментальных причин для такого развития событий.

Первая причина. Мы находимся в обществе, которого до конца не понимаем. Четверть века назад в самом верхнем эшелоне российской государственной власти было констатировано, что мы до сих пор еще не изучили в должной мере общество, в котором живем. Значит, тогда и вся перестройка 80-х гг. прошлого века, как и последующие преобразования 90-х, началась и осуществлялась, по сути, без определенного плана действий, стихийно, с закрытыми глазами, «на авось».

Сегодня, находясь уже в иных хронологических рамках, мы можем утверждать, что системного и глубинного анализа существующего положения дел и стратегического плана на перспективу, одобренного всем обществом, так и не сделано, причем именно с точки зрения четкого осознания произошедшего и выработки новой парадигмы развития. Можно лишь вполне резонно отметить тот факт, что современное российское общество не соответствует официальным представлениям как его политических лидеров, так и самих граждан.

Для понимания сути происходящих изменений явно недостаточно сказать о том, что мир вошел в фазу постиндустриального или информационного общества. Констатация этого факта нам мало что объясняет. Безусловно, мы должны видеть и понимать, куда и с какой скоростью идут весь мир и отдельные его части. Но так же важно осознавать и другое, а именно что уже сами граждане все активнее ведут дискуссию о том, какими качественными характеристиками наделить общество, в котором мы находимся. Соответственно, мы поставлены перед неотвратимой потребностью четко сформулировать его сущностные характеристики. В этом смысле категории «постиндустриальное», «информационное» уже практически не работают и не отражают всей глубины переживаемого момента. Сегодня уже надо говорить о принципиально другой его характеристике – о «сетевом обществе», при котором человечество достигло такого уровня развития, когда культура стала автономной от материальной основы своего существования. Прежние же понятия по большей части остались лишь в качестве описания его технологической составляющей. Но вне рода, как и вне социума, человеческая индивидуальность и неповторимость личности лишена всякого смысла и ценности. Если же применять современную терминологию, то вполне можно видеть, что ко всему миру общее клише неприменимо. Скажем, развитие страны Запада по ряду основных моментов уже перешли (применим современную терминологию) к пост-

индустриальному этапу развития. А Россия? Закончен ли у нас процесс индустриализации или мы находимся в каких-то иных плоскостях? А каким образом в данных условиях учитывается культурная доминанта? И вообще, может, ставить вопрос иначе, а именно о том, что сегодня главное – именно культурный, а не технологический прорыв? По мере развития новых технологий, их усложнения и активизации влияния на наш социум значительно более серьезное внимание должно быть сосредоточено на культурной составляющей человеческого развития.

Вторая причина. Глобальный мир принципиальным образом меняет наше отношение к знаниям и истине. Огромный объем информации, обрушившийся в настоящее время на конкретного человека, заставляет его сгибаться под тяжестью информационного пресса, «убегать» от этого волнообразного потока и стараться не замечать многих важных деталей в силу неспособности переварить их в одночасье в своем сознании. Отдельному человеку нужно определенное время, чтобы разобраться в истинности или ложности тех идей, которые предлагаются ему в качестве готового информационно-идеологического продукта. И в этом смысле усиливается роль коллективного разума, но вырастающего на многоголосии и понимании истины каждым гражданином. Однако избранная политическая модель развития государства и общества пытается принудить индивида не основывать свои убеждения на собственном мышлении, а присоединяться к тем, которые они для него предназначали. И причина этого понятна, ибо человек, исходящий из собственного мышления и потому духовно свободный, представляется чем-то неудобным и тревожащим, так как нет достаточных гарантий того, что он будет вести себя надлежащим образом. От граждан требуют лояльности к власти, к государству, а на самом деле принуждают порой лишь бездумно подчиняться определенным готовым, таким знакомым и испытанным годами, стереотипам. Но выясняется, что прежние подходы неожиданно резко устарели и требуются альтернативные пути решения.

Тем самым формируется непреодолимое противоречие между потребностями сегодняшней жизни и устремлениями современной элиты. В условиях перехода общества, по определению Э. Тоффлера, в супериндустриальное – сложное, быстро движущееся, опирающееся на высокоразвитую технологию и постматериалистическую систему ценностей, отличающееся невиданным ранее уровнем социальной динамики, – многократно возрастает роль интеллектуального труда. А значит, с другой стороны, возрастает (должна возрастать) роль меритократии, то есть власти достойных. Причем не просто в качестве фиксации данного факта, что в условиях современных реалий руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического происхождения

(так и до банального оправдания привилегий интеллектуальной элиты недалеко). Злой гений ведь также может занять олимп власти и направлять свои недюжинные способности на разрушение определенного социума и подтягивание его «под себя» и свои интересы. Помимо важности создания начальных условий для объективно одаренных людей требуется еще и понять, каким образом сохранить духовные основы жизни и не допустить заболеваний и оскудения человеческой духовности, в особенности духовной традиции.

Иными словами, даже двигаясь сегодня в фарватере определенных «общемировых» тенденций в сторону развития интеллектуального социума, необходимо уяснить, понять для себя смысл и цели данного выбора. Мы не просто должны продекларировать важность перехода от общества потребления к обществу созидания, базирующемуся на концепции интеллектуального государства, за констатацией очевидного на первый взгляд факта должен последовать реальный механизм действий, чтобы сделать грядущее более «обыденным», привычным, предсказуемым, а не бросаться с пожарным рукавом от одного пожара к другому без малейшего подобия внятного плана или политики в отношении будущего. Да и сам образ будущего должен быть прорисован надлежащим образом, чтобы его контуры получили реальные очертания уже сегодня, причем несмотря на многовариантность возможного развития событий.

Даже если проект строительства завтрашних конструкций вызывает непонимание, и более того, сопротивление части общества, важно пройти пилотную часть проекта, попробовать, оценить преимущества содеянного и самый положительный опыт уже внедрять в практику более быстрыми темпами. Причем именно сегодня исходя из состояния российского социума важны два компонента. Один связан с насущной потребностью создавать и модернизировать не все пространство сразу (у нас и расстояния большие и всеохватные, и традиции в каждом регионе свои), а формировать отдельные модельные сообщества будущего, «точки роста», то есть те островки, из которых потом воссоздастся общий материк, но уже с новыми качественными параметрами «города будущего». При этом «социальным лифтом» могут стать особые центры отбора, воспитания и подготовки молодежи, аккумулирующие наиболее пассионарных, патриотически настроенных, умных и энергичных людей. Другой компонент связан с тем, что образ будущего должен быть не просто понятен всем, но в созидательной работе по формированию его основ необходимо каждому найти достойное место для самореализации. Ведь строить можно по-разному – поощрять старые, «кубитые» технологии или занять принципиальную позицию поддержки только тех, кто хочет использовать новое, при этом получая прибыль не только для развития собственного

производства, но и вкладывая ее в обустройство среды обитания.

В России в этом смысле нужно создать активный спрос на инновации. А для этого нужна общественная концепция развития не только, и даже не столько высокотехнологичного, но и высоконравственного общества. Только оно сформирует реальное предложение и для науки, и для образования. Тогда можно будет говорить пусть о первых, но твердых шагах по созданию в стране поистине инновационной элиты. Той элиты, которая не будет решать вопросы в бане или на охоте, добиваясь повышения импортных пошлин на продукцию своего предприятия, введения различных квот или очередных бюджетных вливаний, а в открытой конкурентной борьбе или на солидарных началах взаимопомощи станет бороться за место под солнцем, доказывая свою значимость и перспективность. Бюджету нужен гарантированный источник доходов, чтобы было из чего производить расходы, а не просто ждать, как манны небесной, сводки о стоимости нефти или газа. Важно понимать, что и сама нефть как источник энергии и жизнедеятельности в уже не такой отдаленной от нас перспективе закончится.

Это должна быть интеллектуальная элита, которая будет нацелена на разрешение проблемы, связанной с тем, что успехи высоких технологий не ассоциируются с прогрессом человечества напрямую и требуют пристального внимания к вопросам культуры и психологии человеческих отношений. Более того, все задуманное нужно еще умело и в определенное время реализовать на практике, а значит, необходимы принципиально иные подходы в сфере управления. Сейчас много дискуссий ведется на предмет инновационной деятельности вообще и ее применимости в научно-технической и материально-производственной сфере в частности, но мало говорится об инновациях в организационно-управленческих структурах, без чего невозможно осуществить намеченные преобразования в обществе.

Важным фактором становления инновационной элиты являются наличие механизма ее рекрутирования и критерии формирования элитных слоев. Однако «лифт», который сегодня несет часть граждан без остановок сразу с первого этажа на последний и тянет в своей кабинке претендента на ту или иную должность в социальной иерархии, очень часто (в силу вполне объективных причин) не может выполнить своего начального предназначения и важных функций, так как в основе лежат критерии не профессиональной пригодности и определенных нравственных качеств, а расчет и приближенность к родственно-иерархическим ячейкам.

Система взращивания достойных, имеющих не только право, но и ответственность управлять другими, должна подвергаться испытываемым серьезному экзамену на каждом «этаже», пропускать многочисленных претендентов через мелкое сито

и отбраковывать недостойных властного места как можно раньше.

Тем самым в управлении на всех этажах властной вертикали потенциально появятся самые достойные, так как они будут отобраны всем обществом, а не «по звонку» или за определенную мзду. К тому же процесс попадания на вершину власти для политика будет долгим и тернистым и пройти его смогут только самые профессиональные люди, к тому же выдержавшие моральное «чистилище» самого общества. Но и это еще не все. Нужны меры, которые позволят и в дальнейшем следить за судьбой конкретного политика, корректировать его поведение, курс действий с учетом общественных потребностей. Для того чтобы не произошло трансформации лучших качеств человека, попавшего на тот или иной пост, и соблазны власти не вызвали к жизни низменных качеств личности, которые скрыты где-то в глубине подсознания, важен его постоянный диалог с обществом и контроль со стороны. Думается, после такого чистилища в политической и управленческой сфере остались бы только те, для кого эта сфера деятельности является призванием и кто достоин права руководить другими.

Иными словами, граждане своими идеями, желанием собственного поиска истины должны будировать в политике и управленце потребность дальнейшего самосовершенствования и поиска новых моделей движения вперед. При таких условиях тому или иному политику станет гораздо труднее создавать всевозможные муляжи, так как общество будет иметь полную и правдивую информацию о его работе и получит практические рычаги влияния, чтобы при необходимости спросить за реально выполненные дела.

В этом случае рядовые граждане в целом и каждый в своей специфической отрасли знаний становятся полноценными экспертами, принимающими соиздательное участие в деле формирования осознанного (в том числе и для себя лично) будущего. Властная вертикаль получает подпитку идеями «снизу», моральное одобрение быть во главе политической пирамиды, а сам гражданин – еще и возможность не только реального влияния на процесс выработки тех или иных решений, но и живого участия в их реализации. Для этого, с одной стороны, необходимо создать целую систему центров гражданских инициатив, интеллектуальных сообществ, где бы концентрировались все инновационные идеи и предложения граждан. С другой стороны, необходимо расширить возможности существующих архивов и библиотек, включая электронные, и сделать их полноценными и общедоступными центрами народной памяти, куда бы человек мог прислать собственные, пусть и небольшие наработки, которые ему удалось сделать в процесс жизни и оставить их для будущих поколений. Кто знает, может, кажущие сегодня бредовыми идеи, в том числе и в сфере социального переустройства,

завтра смогут быть востребованы и применены на практике.

Нам нужно построить содержательно-смысловую систему, в которой доминирующее положение займет человек исследующий, то есть тот, кто создает нечто до сих пор не существующее, может заглянуть за линию горизонта. В противном случае, если человеческая мысль не находит для себя выхода и конкретной реализации, буйно всходят посевы скептицизма и цинизма. Люди, отказавшись от самостоятельно познанной истины, будут принуждены принять авторитарно навязываемый им пропагандистский суррогат истины или вообще потеряют «вкус к истине» и не будут иметь потребности в ней. Апатия и потеря интереса к делам государства, к вопросам общественного самоуправления страшнее самых радикальных и спонтанных выступлений масс. «Уставшее» общество не может быть генератором и исполнителем инновационных начал.

Нужно признать, что коллективная солидарность, равенство возможностей и творческая самореализация все-таки существуют. Поэтому никакие ангажированные эксперты, выступающие в качестве апологетов и защитников определенной доктрины или возвышения той или иной личности из властной вертикали, не смогут помочь нам в деле обретения истины.

В системе современного информационного общества при всеобщем нарастании потока разнородной информации и знаний мы, тем не менее, сталкиваемся с проблемой «хронического дефицита смысла» и реальности, теряющей любые отличия от заурядного муляжа.

За ангажированное, «искусственное», рафинированное знание выступают те представители элиты, которые сами случайно попали на властный олимп, сумели скрыться за мантией профессора, кандидатской или докторской степенью словно за дворянским званием. При этом, теша исключительно собственное тщеславие и опасаясь разоблачения и ниспровержения с теплого места, они все же верят в свою непогрешимость и значимость, равно как и в «истины», которые сами транслируют всему обществу или же какой-то его части.

Для поддержки и культивирования своей незаменимости и безгрешности такой, с позволения сказать, элите нужны не только глашатаи, но и многочисленные зрители, которые беспрекословно будут внимать указаниям «сверху» и кричать «одобряем-с» по любому поводу и без. Более того, требуется их искренняя вовлеченность. Но при этом надо понимать, что такая власть не может осуществиться, не лишив людей ответственности и свободы.

Сегодня сама жизнь подвергает сомнению если не термин «элита», то по крайней мере сложившееся понимание того, что только правящая элита, которая обладает реальной властью и влиянием в данный период времени, может двигать

общество вперед и безошибочно определять единственно возможный путь развития. Зачастую оказывается, что формальная, то есть занимающая соответствующее положение в иерархических структурах элита осуществляет функции управления социумом и вырабатывает модели поведения исходя не из потребностей всего общества и основного вектора его устремлений, а путем «кланового» восприятия действительности и выработки собственной приспособляемости к окружающему миру. Таким образом, правящая элита зачастую кардинальным образом начинает отставать от граждан и тех тенденций развития, которые набирают силу в данный период времени. И в этом смысле лекарство от «нового варварства»

находится в обществе, в его способности генерировать перспективные идеи, самоорганизовываться для их реализации и, как это ни покажется странным, защищаться от бацилл, которые может привести в это общество сама же правящая элита, оторвавшаяся от привычного социума и не рассматривающая себя сопричастной судьбе страны либо поставившая себя вне конкретного общества и старающаяся идентифицировать себя «над схваткой».

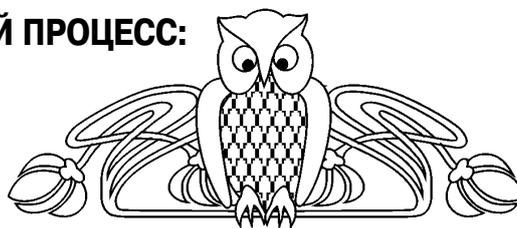
Сегодня только солидарное движение лучших представителей правящей элиты и общества в целом может позволить обрести новые смыслы и найти реальные механизмы для формирования современной идеологии развития и обновления.

УДК 32.01

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЗНАЧЕНИЕ НЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена неполитическим факторам вовлечения граждан в избирательный процесс. Участие в выборах представляется в качестве одной из важнейших составляющих политизированности общества. Применен корреляционный анализ связи явки на парламентские выборы и показателей социально-экономического развития российских регионов в 1990–2011 гг. В качестве вывода предложена гипотеза, что возможности административного воздействия на уровень явки избирателей ограничены не только законодательными нормами, но и потенциалом неполитических оснований политического участия.

Ключевые слова: политизация, выборы, административный ресурс.

Involvement of Citizens to the Electoral Process: the Importance of Non-political Factors

M. V. Danilov

The article is devoted to non-political factors, the involvement of citizens in the electoral process. Participation in elections is presented as one of the most important components of politicization of society. Apply the correlation analysis due to appear in the parliamentary elections, and indicators of socio-economic development of Russian regions in 1990-2011 years. As a conclusion, a hypothesis that the ability of the administrative impact on the level of voter turnout is limited not only by legislative standards, and potential non-political bases of political participation.

Key words: politicization, elections, administrative resource.

Одной из важнейших форм политизации общества является вовлечение граждан в политику под воздействием неполитических факторов. Данный процесс может иметь целый ряд измерений и выражаться в виде активизации участия в работе

политических партий, содействия гражданским инициативам политического толка, выдвижения политических требований в неинституционализированном качестве. Однако наиболее массовой и регулярной формой вовлечения людей в политику являются выборы. Можно уверенно говорить, что электоральные формы политического поведения – это квинтэссенция участия человека в политической жизни. Все прочие виды политической активности в качестве итога, цели предполагают реализацию избирательных процедур как основного способа овладения властью в условиях представительной демократии. Выборы – тот «перекресток», на котором сходятся потоки институционализированного и стихийного участия, рациональной и иррациональной деятельности людей.

Политизация общества посредством вовлечения граждан в избирательный процесс, понимаемая как технология политического управления, основана на принципе мобилизационного участия. Именно в мобилизационном характере политизации раскрывается сущность давления политической элиты на неполитический социум. Мобилизационный характер электоральной политизации проявляется в соревновании элит, неудовлетворенных своим положением в иерархии властных отношений либо стремящихся сохранить устраивающий их статус-кво, за электорат и его перетягивание на свою сторону посредством использования различных политических технологий. Как свидетельствует опыт российских выборов, электоральный процесс всегда воспринимался отечественными политическими элитами

не как стихия с непредсказуемыми результатами, а как процедура, подверженная внешнему формирующему и корректирующему воздействию.

Выборы – процесс, влияние на который различных неполитических факторов достаточно длительное время привлекает внимание исследователей. Классическими в этом отношении являются работы С. Роккана и С. Липсета, в частности книга «Партийные системы и размежевание избирателей», посвященная рассмотрению влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию¹. Для Западной Европы важнейшими расколами Липсет и Роккан считали структурные конфликты между центром и периферией, церковью и государством, городом и селом, собственниками и рабочими. Первые два актуализировались в результате национальных революций. «В ходе национальных революций возникли две линии размежеваний: конфликт между культурой центра (строительства нации-государства) и усиливающимися культурами провинций и периферий, имеющих свои этнические, лингвистические и религиозные особенности, а также конфликт между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви»². Раскол между городом и селом, собственниками и рабочими возник в ходе индустриальных революций.

Подробный анализ научных дискуссий о влиянии разных социальных расколов на выбор избирателя и в целом о значении так называемой социологической школы исследования электорального поведения содержится в работе А. С. Ахременко «Социальные размежевания и структуры электорального пространства России»³. В ней автор предлагает и собственный перечень наиболее важных социальных размежеваний в российском обществе:

– демографические показатели (доля русского населения среди всего населения субъекта Федерации, доля городского населения среди всего населения субъекта Федерации, численность лиц нетрудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста, средняя прогнозируемая продолжительность жизни, уровень рождаемости);

– уровень образования (число лиц с высшим образованием на 1000 человек населения, число лиц, не имеющих начального образования, на 1000 человек населения);

– состояние потребительского рынка (объем бытовых услуг на душу населения, объем розничной торговли на душу населения);

– показатели уровня и качества жизни (объем средней начисленной заработной платы по отношению к прожиточному минимуму, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, число личных автомобилей на 1000 человек, уровень младенческой смертности);

– показатели социальной дифференциации (индекс социальной дифференциации (индекс

Джини), доля населения с доходами ниже прожиточного минимума);

– показатели инновационного развития (число компьютеров на 100 рабочих мест, объем услуг связи на душу населения)⁴.

Во многом учитывая исследования А. С. Ахременко, проведем анализ взаимосвязи электорального участия населения России и значений социально-экономических показателей жизни российских регионов во временном интервале 1990–2011 гг., что позволяет делать выводы об уровне неполитической детерминации российского избирательного процесса. Инструментами анализа выступают парный корреляционный анализ статистических показателей социально-экономического развития субъектов Федерации и уровень явки на парламентских выборах в соответствующий год. Формально корреляционный анализ не позволяет судить о том, какая из переменных является зависимой, а какая независимой (они выступают в качестве равноправных) – он позволяет делать выводы лишь о наличии или отсутствии связи между ними и направленности этой связи. Но специфика данного исследования состоит в наличии явно независимого характера социально-экономических показателей развития регионов по отношению к явке на парламентские выборы. В результате мы получаем возможность судить о том, какие неполитические обстоятельства способствовали более высокой электоральной активности в российских регионах в 1990-е и 2000-е гг. В качестве социально-экономических показателей нами были использованы данные государственной статистики, характеризующие:

1) валовый региональный продукт на душу населения;

2) долю городского/сельского населения в регионе;

3) среднедушевой денежной доход населения региона;

4) уровень безработицы в регионе;

5) численность пенсионеров в регионе (на 1 000 чел. населения);

6) число студентов вузов в регионе (на 10 000 чел. населения).

Уровень явки в разрезе субъектов Российской Федерации анализировался по 7 избирательным парламентским кампаниям:

1) выборы депутатов Верховного Совета РСФСР 1990 г.;

2) выборы депутатов Государственной думы РФ 1993 г.;

3) выборы депутатов Государственной думы РФ 1995 г.;

4) выборы депутатов Государственной думы РФ 1999 г.;

5) выборы депутатов Государственной думы РФ 2003 г.;

6) выборы депутатов Государственной думы РФ 2007 г.;

7) выборы депутатов Государственной думы РФ 2011 г.

Таким образом, были получены 42 корреляционные пары, что позволяет зафиксировать динамику взаимосвязи явки на выборы и значения показателей социально-экономического развития (табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют в целом о том, что 1990-е и 2000-е гг. являются различными этапами политического развития России, и это выражается, в частности, в смене определяющих вовлеченность граждан в политику факторов.

Стабильная связь уровня явки на парламентских выборах в период 1990–2000-х гг. наблюдается только с долей городского населения. Модели вовлечения городских и сельских жителей в политику, стиль их политического участия заметно различаются. По нашему мнению, более дисциплинированное участие в выборах жителей тех регионов, где доля сельского населения велика, свидетельствует, в числе прочего, о сохранении у селян рецидивов советского политического сознания, в частности «обязательного» голосования, от которого горожане уже избавились.

Корреляционный анализ наглядно показывает, что разница в масштабах электоральной мобилизации богатых и бедных регионов в 2000-е гг. нивелировалась. По периоду 1990-х гг. можно уверенно говорить о более активном электоральном участии жителей бедных регионов. Снижение корреляции между среднедушевым ВРП и явкой на выборы практически до нулевой отметки показывает, что в 2000-е гг. выборы перестали быть инструментом политического влияния на экономические процессы, а население перестало рассматривать выборы как возможность донести до власти информацию о своем недовольстве экономическим положением. Устойчивое уменьшение связи между явкой и среднедушевыми доходами в 2000-е гг. служит индикатором утраты бедностью политического характера и обретения статуса чисто экономического явления.

Интересна зависимость электорального участия от степени депрессивности/развитости регионы, определяемой нами в данном случае долей безработных. В 1990-е гг. статистически значимой зависимости между этими показателями не существовало, а в 2000-е избиратели депрессивных регионов были гораздо более активными, чем жи-

тели развивающихся. В 2000-е гг. значимым фактором вовлеченности в избирательный процесс стало отсутствие работы, о чем свидетельствуют высокие коэффициенты корреляции, особенно по 2007 и 2011 гг. Дополнительное исследование связи доли безработных в населении региона с результатами выборов 2007 и 2011 гг. показало, что люди, не имеющие постоянной работы, склонны были поддерживать партию власти. Коэффициент корреляции между голосованием за «Единую Россию» и долей безработных в 2007 г. составил $r = 0,67$, а в 2011 г. $r = 0,53$. Безработный сегмент электората, судя по этим данным, оказался в высокой степени восприимчивым к провластному вовлечению в политику. В качестве дискуссионного предположения можно выдвинуть гипотезу, что лишь самые социально незащищенные слои населения по-прежнему воспринимают выборы как форму прямого обращения к власти ради решения своих социально-экономических проблем.

Показательно изменение зависимости уровня электорального вовлечения в политику в связи с таким показателем, как старость/молодость региона, определяемым долей пенсионеров. В 2000-е гг. произошло кардинальное изменение направленности связи между явкой на выборы и долей пенсионеров в регионе по сравнению с 1990-ми гг. В результате появляются основания утверждать, что в первое десятилетие XXI в. «молодые» регионы (прежде всего республики Северного Кавказа) активнее участвовали в выборах, а 1990-е гг. – время «старых» регионов. Помимо феноменального включения в электоральное пространство Северного Кавказа, одним из факторов, повлиявших на такой расклад, стал процесс смены поколений пенсионеров, связанный с тем, что политизированные пенсионеры 1990-х гг. были «разбавлены» деполитизированными пенсионерами 2000-х.

Дополнительные исследования корреляций между количеством пенсионеров и результатами парламентских выборов 2007 и 2011 гг. показали, что пенсионеры остаются главным сегментом электоральной поддержки оппозиции. Так, коэффициент корреляции между голосованием за «Единую Россию» и долей пенсионеров в регионе в 2007 г. составил $r = -0,53$, а в 2011 г. $r = -0,49$. Однако, благодаря тому что явка на выборы и доля пенсионеров в населении регионов находятся в обратной зависимости, негативное влияние оппо-

Таблица 1

Коэффициенты корреляции (r) между явкой на парламентские выборы и показателями социально-экономического развития регионов

Показатель	1990 г.	1993 г.	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.	2011 г.
Доля городского населения, %	-0,61	-0,47	-0,40	-0,47	-0,46	-0,56	-0,53
ВРП на душу населения	-0,42	-0,38	-0,36	-0,21	-0,04	-0,13	-0,05
Среднедушевой денежный доход	-0,41	-0,32	-0,32	-0,2	-0,09	-0,17	-0,12
Доля безработных, %	0,08	0,14	-0,13	0,12	0,28	0,61	0,45
Число пенсионеров (на 1000 чел. населения)	0,31	0,35	0,34	-0,07	-0,32	-0,49	-0,41
Число студентов вузов (на 10 000 чел. населения)	-0,31	-0,14	0,03	-0,02	-0,08	-0,23	-0,18

зиционности пенсионного электората в 2000-е гг. было преодолено.

Хоть и относительно слабая, но присутствует связь явки на выборы с уровнем образованности населения регионов. Высокая концентрация студентов предполагает наличие образовательной инфраструктуры соответствующего уровня. На протяжении всего исследуемого периода мы видим, что население более образованных регионов

менее эффективно вовлекалось в электоральный процесс. Статистический анализ свидетельствует о низкой степени эффективности различных проектов политической мобилизации молодого электората.

В результате проведенного исследования мы получаем возможность зафиксировать динамику неполитических факторов вовлечения граждан в электоральный процесс (табл. 2).

Таблица 2

Факторы социальной среды российских регионов, определяющие эффективную электоральную мобилизацию населения

1990-е годы	2000-е годы
Эффективное вовлечение граждан в политику (выборы) в регионах: – бедных, – сельских, – старых, – менее образованных	Эффективное вовлечение граждан в политику (выборы) в регионах: – сельских, – депрессивных, – молодых, – менее образованных

Вовлечение граждан в избирательный процесс как базовую форму участия в политической жизни в 1990-е и 2000-е гг. имело как устойчивые детерминанты, так и динамичные факторы. К числу устойчивых неполитических детерминант электорального участия можно уверенно отнести значительность доли сельского населения в регионе. Другой стабильной детерминантой стал уровень образования, выявляемый, в том числе, по удельному весу студенчества в общей структуре населения субъекта Федерации. Чем выше доля студентов, тем менее эффективной на протяжении двух десятилетий постсоветской истории России была политизация населения в регионе. Эти факты могут быть объяснены значительной восприимчивостью сельских жителей и граждан с относительно низким уровнем образования как к агитационным материалам, призывающим принимать участие в выборах, так и к прямому административному давлению.

Ситуативными факторами политизации общества в процессе проведения выборов стало падение значения уровня доходов населения при мотивации к участию в голосовании («бедность») и возрастанием роли занятости/безработности населения («депрессивность»). Кардинальную трансформацию претерпел фактор возраста жителей региона, определяемый посредством доли пенсионеров. Оба ситуативных фактора в значительной степени объясняются активным включением в политическую жизнь вообще и в избирательный процесс в частности в 2000-е гг. республик Северного Кавказа. Именно в этих регионах, особенно в Чеченской Республике, не участвовавшей в выборах 1990-х гг., наиболее молодое население и наивысший процент безработицы, а процент явки на выборы стабильно варьируется около 95%, в отдельных случаях приближаясь к 100%.

Всесторонний анализ вовлечения граждан в политику убеждает нас в том, что рассматри-

вать данный процесс нужно не как стихийный и спонтанный, а как технологический. Мы имеем в виду возможность использования политизации населения для достижения неполитических целей либо мобилизации неполитических ресурсов ради политических интересов, для чего нужны соответствующие инструменты. В случае с выборами таким инструментом, переводящим вовлечение граждан в политику в регулируемые и управляемые рамки, является так называемый административный ресурс. Административный ресурс выступает в качестве способа стимуляции политической мобилизации там и тогда, когда это необходимо правящей элите, а также может оказывать демобилизующее воздействие в тех случаях, когда неконтролируемый рост политического участия угрожает стабильности властно-элитной конструкции. В 2000-е гг. был осуществлен ряд мероприятий, направленных на расширение возможностей административного регулирования явки как формального (переход на пропорциональную систему избрания Государственной думы, увеличение заградительного барьера, запрет на создание избирательных блоков, отмена графы «против всех» в бюллетенях и порога явки), так и неформального плана (борьба за явку там, где это необходимо, организация победы нужных партии или кандидата). Нормативные основания задают институциональные условия «ручного» управления вовлечением граждан в электоральные процедуры.

Проведенный корреляционный анализ показывает потенциал оперирования конкретными факторами социально-экономического развития российских регионов в качестве инструментов административного воздействия на явку. Указанные в табл. 2 факторы представляются ключевыми для всякого политического актора, вознамерившегося серьезным образом воздействовать на уровень электоральной мобилизации. В отечественных условиях единственным

таким актором является власть. В результате мы видим, что, с одной стороны, власть оказывается ограниченной весьма узкими рамками фактически трех-четырех факторов, с другой стороны, это стимулирует ее к максимально полной отработке возможностей воздействия на них. При таком ракурсе использование административного ресурса на выборах выглядит как воспроизводство правящим классом самого себя, что обеспечивается за счет интеграции политических и неполитических подсистем общества, представляемой в публичном пространстве как достижение и поддержание социально-политической стабильности.

УДК 342(470+571)

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-СИЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Ф. А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: vestovfa@mail.ru

В статье речь идет о тенденциях, которые проявляются во взаимоотношениях правового государства и гражданского общества в условиях мирового финансового кризиса, усилении роли административно-силовых механизмов воздействия на общество, перспективах развития правового государства в современной России.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, либеральные доктрины, нормативное регулирование, административно-силовые механизмы.

Normative, Regulative, Administrative and Enforcing Aspects of Rule-of-law State

F. A. Vestov

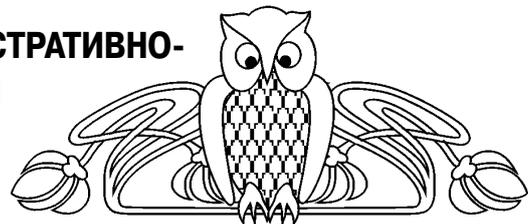
The article focuses on the trends that reveal themselves in the interrelation of rule-of-law state and civil society in the world financial crisis framework, in increasing significance of administrative and enforcing mechanisms of influence upon the society, and on the prospects of rule-of-law state development in modern Russia.

Key words: rule-of-law state, civil society, liberal doctrines, normative control, administrative and enforcing mechanisms.

На протяжении последнего столетия политика не смогла избавиться от противоречия, которое, вероятно, можно считать сущностным, то есть определяющим ее динамику и основные проблемы. Это противоречие между двумя стратегиями и тактиками использования институтов и принципов правового государства для развития политического процесса в направлении либеральной демократии. Разговор о нем важен, поскольку за время последней модернизации

Примечания

- ¹ См.: Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments // Lipset S. M., Rokkan S. (eds). Party Systems and Voter Alignments. N. Y., 1967.
- ² Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 210.
- ³ См.: Ахременко А. С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 80–92.
- ⁴ Там же. С. 86.

данное противоречие оказалось перенесенным и на российскую почву. Как представляется, его политологический анализ способен многое объяснить в нынешних реалиях отечественной политики, в частности в объяснении того, почему массовое сознание граждан России с таким трудом и непоследовательностью признает значимость либеральных ценностей, либеральных доктрин и институтов.

Суть противоречия, на наш взгляд, состоит в том, что в своих теоретических представлениях о способах и формах построения правового государства российские исследователи либерального толка ориентируются на «западную» интеллектуальную традицию, один из важнейших аспектов которой состоит в том, что права граждан признаются естественными и неотъемлемыми. Они выступают тем основанием, на котором социальное в человеке сливается с политическим, в результате чего и создаются все необходимые условия для выхода на сцену политики идеального гражданина. Соответственно, и государство, которое помогает гражданину в реализации его естественных прав и свобод, тоже предстает идеалом политического и организационного совершенства (выступая неким историческим пределом, далее которого развитие демократической государственности теряет смысл). То, насколько критически современные отечественные либеральные теоретики оценивают советский опыт государственного строительства и опыт советской демократии в целом, наглядно показывает убежденность исследователей в отсутствии такого смысла¹. Наиболее жестко такая позиция обозначена, например, Л. Гудковым, который однозначно заявляет, что «природа российской власти, ее преступления в прошлом и

настоящем, уничтожение исторической памяти российского общества и многое другое образуют слепые пятна как исследовательского, так и обывательского внутреннего зрения»².

Более умеренную позицию занимает Н. М. Казанцев, который утверждает: «Наиболее общей характеристикой комплекса проблем из века в век переходящей незавершенности правовой формы российского государства, пожалуй, является институциональная направленность норм на неинституциональное осуществление процессов государственной службы и государственного управления. Имеется в виду, что юридические институты государства регулируются законом таким образом, чтобы узаконить произвольный характер осуществления власти и исполнения государственных должностей»³.

На сегодняшний день фактически не существует политического проекта, который предлагал бы способы помещения демократических ценностей в иную институциональную оболочку, нежели та, которую представляют собой институты правового государства и гражданского общества⁴. Определенной попыткой концептуализации альтернативной модели российского общественного устройства можно назвать четырехтомный «Проект Россия». Данный проект вызвал широкий общественный резонанс и бурную дискуссию не только детективной подоплекой своего анонимного появления, но и распространением с помощью фельдъегерской почты. Неслучайно после интригующего появления первой книги в 2005 г. ее миллионный тираж, напечатанный издательством «ОЛМА-Пресс» в 2006 г., разошелся в магазинах за три дня. Как представляется, данный факт свидетельствует о высокой потребности российского общества в национальной идее и ее реальной востребованности не только в среде профессиональных политологов и интеллектуалов.

В вышедшей в свет осенью 2010 г. четвертой книге «Проект Россия. Большая идея» впервые был указан один из авторов книг «Проект Россия» Юрий Шалыганов – директор фонда «Институт стратегической безопасности». В интервью «Комсомольской правде», обосновывая неизбежность кризиса либеральной модели, Ю. Шалыганов заявил, что «система, которая существует в мире, предполагает постоянный рост потребления», поэтому Россия должна «или готовиться к созданию жизнеспособной надгосударственной конструкции, или встраиваться в существующую систему и пытаться лавировать среди трупов». По мнению автора, «Божьи заповеди и вытекающие из них мораль и нравственность образуют фундамент, на котором можно объединить людей в устойчивую конструкцию»⁵.

Идентичным проектом можно рассматривать и «Иосифлянский манифест» Павла Шашкина⁶. Однако анализ материалов показывает, что даже в тех случаях, когда создатели очередного проекта пытаются критикой ценностей и институтов либе-

рализма заявить об альтернативности своих теоретических позиций, они в качестве альтернативы существующему положению вещей предлагают все то же правовое государство и гражданское общество.

Более того, в проекте, представленном Институтом стратегии экономического развития, предлагается программа развития институтов гражданского общества, которые должны стать связующим звеном между государственными институтами и обществом, служить инструментом их диалога и взаимодействия для достижения консенсуса в решении поставленных целей и задач. По мнению авторов проекта, «именно институты гражданского общества должны разъяснять широким слоям населения суть всего происходящего, предлагаемых мер и изменений, а также доводить до сведения власти и государственных институтов отношение населения к этим изменениям и проводимым реформам. Они также призваны контролировать соответствие действий власти поставленным целям и задачам в интересах народа»⁷.

Среди институтов гражданского общества особое место должно отводиться развитию сети религиозно-социальных институтов, «содействующих усилению роли и позиций Русской Православной Церкви, обеспечивающих конструктивные отношения сотрудничества с другими традиционными религиозными институтами в законодательных институтах, экспертизе законопроектов, влияющих на решение ключевых национальных проблем, духовно-нравственное и социально-экономическое состояние общества, содействующих оздоровлению предпринимательского климата в стране. Уникальный потенциал для этой работы имеет Всемирный Русский Народный Собор, под эгидой которого могло бы происходить развитие подобных инициатив»⁸.

Фактически отличие в рассмотренных проектах обнаруживается только в том, что право в этом нелиберальном правовом государстве должно быть тождественно справедливости, а гражданственность в нелиберальном гражданском обществе – патриотизму. Речь, таким образом, ведется о том, чтобы существующие формы наполнить новым смыслом и ценностным содержанием, а не о том (что было бы логично, если уж речь идет о политическом проектировании будущего), как это новое содержание может изменить в перспективе существующие сегодня политические формы.

Все вместе это создает тот образ политической перспективы («магистральной дороги современной цивилизации»), который просто не может не быть положительно воспринят массовым сознанием. Нет, соответственно, никаких объективных препятствий, кроме доставшегося гражданам от прошлого менталитета и разнообразных политических заблуждений, для того, чтобы считать правовое государство и гражданское общество в России практически единственно реализуемой стратегией развития.

С другой стороны, современная политическая наука в суждениях о стратегии строительства правового государства, в России в частности, и о правовом государстве как способе придания политике наиболее цивилизованного облика и импульса к прогрессу исходит из рационалистического по духу и столь же традиционного для «западной» политической и правовой мысли прагматического соображения.

Суть его в том, что человеку, особенно не обремененному знанием юридических норм и законов политики, надо настойчиво помогать в приобщении к гражданским ценностям и правилам гражданского общежития, приучать и где требуется принуждать его к цивилизованному взаимодействию с институтами государства.

Можно сказать, что наука сегодня не видит реальных противопоказаний для того, чтобы (если перефразировать известный лозунг Великой французской революции) «железной рукой загонять человечество к счастью» в виде гражданского общества и правового государства. А для этого следует использовать весь арсенал средств убеждения, и даже принуждение – в первую очередь административное, то есть основанное не только на законах, но и на конкретных интересах политических субъектов, связанных с постоянно возникающими у них потребностями в решении самых разнообразных управленческих и организационных задач.

По мнению Н. М. Казанцева, «государство – это власть суда, права и закона, лишь в этом случае возникает баланс классов и сословий, когда ни один не уничтожает пользу и развитие других и каждый служит и полезен остальным, осуществляя в обществе свою специфическую миссию. Иное дело – властительство, здесь доминант диктаторствует, он подчиняет право политике и идеологии своего властительства, исходит исключительно из интересов демонстрации своей доминантности, пресекая развитие остальных классов и сословий»⁹.

Неслучайно в политике распространения демократии США и их союзники значительное место отводят силе и силовому воздействию. В свое время госсекретарь М. Олбрайт открыто заявляла: «Мы будем сохранять наше присутствие всюду, где есть необходимость в защите наших интересов». Инструментами для достижения этих целей, по ее утверждению, являются «простая логика, экономические стимулы, техническая помощь, новые соглашения, обмен информацией, насилие, угроза насилием, санкции, угроза санкций, – и любая комбинация перечисленного»¹⁰.

Во всем мире либеральной демократии сегодня наблюдается тенденция к усилению бюрократических начал государственности, к смещению «реальной политики» в сферу принципов и методов административного регулирования¹¹. Нынешний системный кризис, охвативший практически целиком Старый и большую часть Нового света,

легитимирует такое смещение и даже придает ему прогрессивный смысл, значение единственно возможного способа решения сложных политических проблем.

Естественной в кризисных условиях выглядит ситуация, когда в традиционно демократических странах Западной Европы демократически организованное и опирающееся на конституцию государство устами представителей законодательной и исполнительной власти сегодня считает возможным и даже необходимым говорить «да» тем переменам в политике, экономике и законодательстве (особенно трудовом), в отношении которых большинство граждан страны говорит «нет».

Естественным в кризисных условиях выглядит применение полицейских сил против граждан, заявляющих о несогласии с политикой своих правительств¹². Кризис позволяет рассматривать все эти отступления от либеральной демократической «нормы» как то, что оправдано форс-мажорными обстоятельствами. Но в данном случае уместно вспомнить народную мудрость – не бывает ничего более постоянного, чем временное.

Фактически будучи воспроизводимым в масштабах целого континента, все это выглядит как апробация новой стратегии развития правового государства и гражданского общества – стратегии, которая, в отличие от «классической» либеральной, делает акцент не на внутренней (обеспечиваемой политической культурой человека) способности и готовности граждан принять ценности демократии как свое родное и быть лояльными политическим интересам своего государства, а на необходимости принуждать граждан к лояльности в отношении законов и интересов своего государства вне зависимости от состояния политической культуры и веры в демократию. Это стратегия, в рамках которой государственное администрирование и понимание гражданами естественности законодательного ограничения их прав и свобод легитимируют наращивание потенциала и совершенствование различных форм и способов силового воздействия на ход политических процессов.

В европейском политическом пространстве фигура государственного сотрудника силового ведомства становится своеобразным эталоном ответственного и патриотичного гражданского поведения и медиатором во взаимоотношениях правового государства и гражданского общества. Соответствующие процессы идут и в сфере законодательства: оно ужесточается в части регулирования миграционных процессов и тем самым повышает уровень защищенности интересов коренного населения, но одновременно приучает граждан своей страны к мысли, что административное принуждение является единственным эффективным способом сохранения демократии.

Определенная историческая инерция в следовании этим двум традициям сегодня привела политическую мысль в России к тому, что она не может дать ни государству, ни обществу четких

указаний относительно того, как создавать правовое государство и гражданское общество и возможно ли это в российских условиях в принципе. Следование одновременно двум взаимоисключающим интеллектуальным традициям лишает научные представления о правовом государстве той системности, которая необходима для использования их в качестве идеологии политической модернизации. Практическое решение напрашивается само собой: сегодня, как было отмечено, наблюдается тенденция к актуализации второй стратегии, и надо развивать научный поиск в этом направлении, настраивать массовое сознание на новую интерпретацию стратегии демократического развития.

При всей внешней простоте такой выбор включает в себе немалый политический риск как для политической науки, так и особенно для политической практики. Как минимум, это подразумевает существенное изменение наших представлений о базовых ценностях и процедурах демократии и поиск политической наукой убедительных аргументов, которых в отечественной истории и современности не почерпнуть. Массовое сознание российских граждан до сих пор не демонстрирует твердой уверенности в том, что в свое время обществом и политической элитой правильно был сделан выбор в пользу замены советской демократии демократией либеральной.

Фактически приобщение граждан нашей страны к «западной» либеральной традиции состоялось на уровне, который подразумевает возможность для гражданина свободно, без принуждения со стороны государства принять или не принять те или иные конкретные ценности, понятия и принципы политического общежития. Это, по сути, было приобщение к идее правового государства и гражданского общества в русле первой, наиболее заряженной гуманистическим потенциалом традиции и, заметим, при самом активном участии политической науки, пропагандировавшей этот потенциал на примере интеллектуальных достижений европейских мыслителей прошлого.

Европейцев приспособиваться к этому новому пониманию сегодня побуждает кризис. Россия гораздо меньше, чем Европа, затронута этим кризисом, в связи с чем возникает вопрос о тех стимулах, которые могут побудить российских граждан к такой мировоззренческой ломке, к отказу от гуманистического понимания либеральной демократии и приобщению к ее «административному» пониманию. Если на идущий ныне «со скрипом» процесс освоения российским обществом цен-

ностей и принципов либеральной демократии в русле первой традиции в ближайшем будущем наложится необходимость осознания, что демократия без принуждения невозможна, то это создаст совершенно естественные предпосылки для реинкарнации в массовом сознании советской модели демократии как единственно возможной на российской почве стратегии цивилизованного развития. Это вполне прогнозируемый вызов для нынешней российской модернизации, которая в целом продолжает ориентироваться на либеральную стратегию политического, экономического, правового и культурного развития.

Примечания:

- 1 См.: *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность : Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009 ; *Лукин А.* Политический идеал и политический режим в постсоветской России // *Pro et Contra*. 2008. Июль-август. С. 81–104 ; и др.
- 2 *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 1(93). Январь-февраль. С. 9.
- 3 *Казанцев Н. М.* Публично-правовое регулирование государственной службы : институционно-функциональный анализ. М., 1999. С. 6.
- 4 Например, официальный проект «суверенной демократии» по своим основным параметрам декларировал приверженность его авторов принципам правового государства и гражданского общества.
- 5 Что нас ждет после выборов президента в 2012 году? // *Комсомольская правда*. 2010. 1 окт.
- 6 См.: *Шашкин П. А.* Социальный патриотизм – идейная платформа возрождения России. Иосифлянский манифест. М., 2011.
- 7 См.: *О стратегии преобразования России : идеалы и шансы*. М., 2011. С. 79.
- 8 Там же.
- 9 *Казанцев Н. М.* Идеология права государству или идеология государства праву? // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 49.
- 10 Цит. по: *Уткин А. И.* Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 19–20.
- 11 См.: *Герменчук В. В.* Пространство власти и управления. Мн., 2008.
- 12 События в Греции 12 февраля 2012 г. – наиболее наглядный пример такого силового противодействия сотням тысяч протестующих (См.: *Зайчик А.* Внутри греческого кризиса вместе с анархистами и радикализованным бывшим средним классом. URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20120325/189063240.html> (дата обращения: 25.03.2012).

УДК 32.01–053.81(470+571)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Э. В. Чекмарев

Поволжский институт имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС
E-mail: chekmarev@nm.ru

Статья посвящена выявлению особенностей политической культуры молодежи. Показано влияние политической модернизации на социальное становление и развитие политической культуры молодых людей в современной России, воздействие политической культуры на политическое участие. Проанализированы социальные особенности, влияющие на политическую культуру молодежи. При анализе использованы эмпирические данные и события электоральной практики.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура молодежи, политическое участие молодежи.

The Influence of Political Modernization in the Social Formation and Development of the Political Culture of Young People in the Regions of Russia

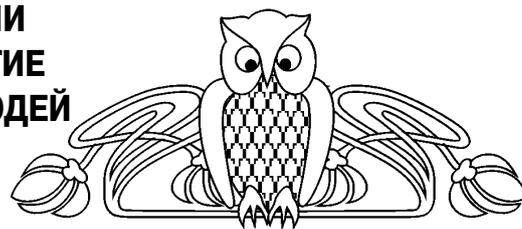
E. V. Chekmarev

The article is devoted to identifying the features of the political culture of youth. Shows the impact of political modernization on social and development of the political culture of young people in Russia today. Shows the impact of political culture on political participation. Analyzed the social characteristics influence the political culture of youth. Used in the analysis of empirical data and events electoral practices.

Key words: youth, political culture of youth, political participation of youth.

Россия в начале XXI в., пройдя мучительный путь заимствования зарубежного опыта, приступила к выстраиванию национальной модели модернизации. Наиболее значимым документом в этом направлении стала Концепция долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 года, которая в 2011 г. прошла процедуру изменения в соответствии с экономическими, политическими и социальными вызовами и изменяющейся повесткой дня. Модернизационные задачи первого варианта Концепции, как нам представляется, носили декларативный характер и мало соотносились с достижениями фундаментальной науки¹. При этом среди многочисленных ресурсов модернизации слабо просматривается роль молодежи, молодой семьи, управленческой элиты, политических рычагов достижения поставленных целей. Измененный вариант в большей степени отвечает требованиям современности.

Рассматривая основания для данной концепции, важно отметить, что особую озабоченность

вызывала социально-экономическая и политическая трансформация начала 1990-х гг., которая состояла, как нам представляется, в том, что социальные издержки экономических реформ затронули прежде всего молодежь, не обладающую политическим весом и не имеющую рычагов политического влияния на власть. Как обоснованно утверждает З. Романова, «шоковая терапия в ее чистом виде – это разновидность экономического насилия»². Если бы не самоотверженная помощь со стороны старшего поколения, главным образом родителей, в поддержке молодежи и молодой семьи, Россия уже к середине 1990-х гг. могла столкнуться с молодежным бунтом. Согласно социологическим опросам в помощи родителей реально нуждались 93% молодых людей³. Существенно выделялась в этом отношении сельская молодежь, которая еще больше нуждалась в попечении родителей. По данным наших опросов, на помощь родителей в получении, например, образования надеются свыше 90% сельских юношей и девушек. Помощь родителей исключительно высока в решении жилищных проблем молодежи. В начале 1990-х гг. 43% молодежи – почти половина – имели комнату в квартире родителей, 6,6% жили в общей комнате с родителями, 21% проживали в общежитии и 17% молодых людей, или каждая тринадцатая молодая семья, вынуждены были снимать жилье⁴.

Поворот власти к проблемам молодежной семьи с начала XXI в. очевиден, но он ориентирован в основном на жилищные и материальные проблемы. Бесспорно, финансовое благополучие семьи является основой развития зрелой части молодежи. Вместе с тем без должного внимания к менталитету, духовной атмосфере в семье, без помощи и контроля со стороны государства и общества немалые деньги могут быть выброшены на ветер. Не секрет, что в современных семьях бытуют такие негативные явления, как алкоголизм, насилие, невнимание к процессу воспитания детей.

Важным признаком современного этапа модернизации явилась реализация приоритетных национальных проектов. Концентрация бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России велась по четырем ключевым направлениям – жилье, здравоохранение, образование и агропромышленный комплекс. Как отмечал В. В. Путин в выступлении 5 сентября 2005 г., «это курс на инвестиции в человека, а значит – в будущее России»⁵.

В трех приоритетных национальных проектах предусматривались направления, целевой группой которых является главным образом молодежь. Это «Оказание бюджетной поддержки в приобретении жилья молодых семей» (ПНП «Жилье»), «Обеспечение жильем молодых специалистов (или их семей) на селе» (ПНП «Развитие АПК»), «Поддержка талантливой молодежи» (ПНП «Образование»). Реализация других направлений данных проектов и ПНП «Здоровье» также позитивно отражается на положении молодежи в России. Так, оплата медицинской помощи, оказываемой женщинам в период беременности и родов в рамках направления «Развитие первичной медико-санитарной помощи» (ПНП «Здоровье»), в 80% случаев производится женщинам в возрасте до 30 лет. Однако при всех положительных тенденциях приоритетных национальных проектов ведомственная разобщенность направлений, касающихся молодежи, не позволяет полноценно идентифицировать молодежь как приоритетное направление деятельности государства, сформировать комплексные подходы социальной модернизации с учетом возрастных особенностей.

Реализация проекта обеспечения жильем молодых семей позволила в 2007 г. приобрести жилье 35 тысячам семей⁶. В рамках этой целевой программы создаются благоприятные условия для развития жилищного сектора и повышения уровня обеспеченности людей жильем помещениями на территории Саратовской области. Одно из основных направлений повышения доступности жилья – наращивание темпов и объемов жилищного строительства со всей необходимой инфраструктурой. О том, что жилье становится более доступным для все большего числа жителей области, свидетельствует развитие быстрыми темпами ипотеки, причем по всем направлениям: банковской, ведомственной и так называемой социальной ипотеки, предусматривающей погашение части процентной ставки за счет средств областного бюджета в рамках подпрограммы «Развитие ипотечного жилищного кредитования».

Одним из приоритетных направлений региональной демографической политики является обеспечение жильем молодых семей, а также молодых специалистов на селе. И это понятно – рождение ребенка, а тем более второго и третьего, часто планируется молодыми родителями с учетом возможности приобретения жилья или расширения имеющейся жилплощади. В настоящее время на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий по подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» состоит более 5 тыс. молодых семей, ежегодное количество которых увеличивается на 1000–1200 семей. Улучшение их жилищных условий осуществляется путем предоставления безвозмездной финансовой помощи на строительство (приобретение) жилых помещений.

В 2008 г. в результате конкурсного отбора, проведенного Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Росстрой), впервые для субсидирования молодых семей Саратовской области из федерального бюджета выделено 221,6 млн руб. С учетом софинансирования из областного бюджета (72,6 млн руб.) и местных бюджетов общая сумма на реализацию подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» ФЦП «Жилище» на 2002–2010 гг. в 2008 г. составила более 300 млн рублей, что в два раза больше, чем в предыдущем году. По сумме финансирования из федерального бюджета в 2008 г. Саратовская область занимала шестое место среди субъектов Российской Федерации. В том же году на реализацию мероприятий подпрограммы «Обеспечение жильем помещениями граждан, ранее имевших статус детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей», предусмотрено 25 млн руб., на формирование государственного жилищного фонда – 60 млн руб. Это позволило улучшить жилищные условия порядка 140 детей-сирот. Заметно увеличено финансирование областных социальных жилищных программ. На улучшение жилищных условий работников бюджетной сферы было выделено 35 млн руб., что в семь раз больше, чем в 2007 г. При этом 107 семей улучшили свои жилищные условия (в 2007 г. – 21 семья). Особое внимание уделяется многодетным семьям, многие из которых нуждаются в улучшении жилищных условий, но не имеют возможности решить эту проблему самостоятельно. С целью удовлетворения потребностей многодетных семей в доступном и комфортном жилье в области действует подпрограмма «Обеспечение жильем помещениями многодетных семей».

И все же решение жилищной проблемы молодежи как в регионе, так и по стране в целом далеко до своего завершения. Нет оснований идеализировать отечественную ипотеку, ибо, как показывает практика, воспользоваться ею могут не более 10% населения страны. Возможности же молодых людей в этом плане и того ниже.

Положительным моментом модернизационных преобразований является выстраивание партнерских отношений между региональной властью и молодежью. Это и совместная выработка решений, и механизмы подготовки кадрового резерва, и меры по формированию правовой и политической культуры, участие молодых людей в добровольческом движении.

К числу негативных моментов осуществления модернизации следует отнести разрушение профориентационной системы. В этой связи молодежь самостоятельно, а также под влиянием семьи выстраивала шкалу престижности профессий. Жизнь показала, что профессиональная ориентация молодых людей оказалась достаточно обоснованной. Если в 1997 г. 89% молодежи выбирали специальности в области юриспруденции и финансового сектора, то десять лет спустя таких молодых людей оказалось только 63%. Зато в число

престижных попали профессии менеджера, ученого, программиста. Число желающих заниматься торговлей выросло с нулевой отметки в 1997 г. до 9% в 2007 г. За десять лет значительно сократилась доля молодежи, работающей в государственном секторе (с 40% в 1997 г. до 28% в 2007 г.)⁷.

Рассматривая влияние политической модернизации на формирование политической культуры молодежи, важно отметить, что в процессе социокультурной глобализации, затрагивающей науку, образование, культуру, этику, идеологию, выявляется множество противоречий. Но именно в этих условиях складывается молодежная субкультура. Под влиянием телекоммуникаций и Интернета молодежь переживает новую волну унификации и стандартизации в духовной сфере. Современные технологические системы вышли за национальные границы и приобрели опасные черты, угрожающие дезориентацией национальной молодежной структуры. Именно поэтому особую значимость приобретает воспитание молодых людей в духе уважения к собственной стране, ее историческим ценностям, поскольку глобализация предоставила широкие возможности для перемещения населения.

Российская молодежь воспринимает определенные демократические ценности, среди которых преобладает равенство перед законом и участие в избирательном процессе. Исследователи отмечают и такой факт: понятие «демократия» пока мало «вписано» в сознание молодежи. Проведенное нами в 2010 г. социологическое исследование среди студентов СГУ (около 200 человек) показало, что главными причинами отсутствия цели в жизни, по мнению респондентов, являются «разложение общества» (43,3%) и «кризис семьи» (30%). Данная категория студентов не считает сложившейся демократией современное состояние общества, а именуется его переходным периодом. Подавляющее число участников дискуссий, проведенных в рамках реализации программы «Дискуссионное пространство молодежи Саратовской области», принимает такую ценность глобализации, как интеграция с Европой⁸. В частности, молодежь отметила необходимость восприятия культуры, логики и организации жизни общества других стран, а также оценила возможность раскрыть национальный потенциал и обрести реального партнера в решении важнейших задач современной России. Примечательно, что молодые люди настроены весьма патриотично и отождествляют свои идеалы с Россией и ее местом в мире. Но устоит ли молодежь под прессингом средств массовой информации? Это во многом зависит и от форм государственного регулирования информационных потоков. Несомненно, глобализация таит в себе угрозу родной культуре, родному языку, национальной истории, ценностям коллективизма, соборности, всечеловечности, патриотизма, социальной справедливости.

В целом важно отметить, что в 2010 г. еще более содержательными стали идеи поддержки мо-

лодежи. В своем очередном Послании Президент страны Д. А. Медведев особо подчеркивал роль материнства и детства и молодежной политики в развитии страны. Это перенесение центра тяжести политики вообще, и молодежной политики в частности, на молодую семью, ее нравственное и физическое здоровье обусловлено целым рядом обстоятельств, среди которых наибольшую значимость приобретают воспроизводство подрастающего поколения, передача опыта детям, гражданская активность. Семья должна стать важным структурным элементом гражданского общества. Его ориентиры закладываются в воспитании детей. Недовольство и раздражительность, агрессивное состояние, тоска, подавленность и мысли о самоубийстве, возникающие у современных детей (даже в благополучных семьях), могут обернуться через 10–15 лет новыми видами преступлений. Путь к стабильному обществу должен пролегать через гуманизацию отношений, и прежде всего в семье.

В целом считаем возможным отметить следующее:

- в отношении к молодежи требуется соответствующая трансформация экономической политики с тем, чтобы молодые люди пополняли ряды среднего класса, поскольку его представители, как показывает зарубежный и отечественный опыт, законопослушны, исправно платят налоги, они ценят труд и считают, что материальное положение зависит не от государства, а от них самих;

- учитывая, что экономический кризис в стране вряд ли закончится в ближайшее время, следовало бы по отношению к молодежи проявить большую озабоченность с точки зрения ее политических и материальных интересов. В связи с этим было бы целесообразно усилить ответственность муниципальных органов власти за создание рабочих мест для трудоустройства молодежи как в муниципальном, так и в частном секторе производства – прежде всего в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг;

- молодежь – социальная группа, нуждающаяся в силе примера. Отсюда формирование у молодых людей престижности экономической деятельности, освещение молодежных инициатив и позитивной деятельности – важнейшая задача средств массовой информации;

- новейшие тенденции регионализации как процесса перераспределения полномочий между центром и регионами в пользу последних способствуют сокращению дистанции между региональной политической элитой и рядовыми гражданами и тем самым создают дополнительные каналы вовлечения молодых людей в политическую жизнь;

- в масштабах страны целесообразно создать независимый научно-исследовательский центр, призванный мобилизовать интеллектуальный потенциал ученых, политиков, партий и молодежных организаций для изучения опыта работы в регионах и разработки приоритетных проектов развития молодежного социума.

Разумеется, перечисленное не отражает всего многообразия свойств современного молодежного социума. Молодежи свойственны различные интересы, пристрастия, формы самовыражения. Предпринятая характеристика позволяет выявить лишь общую тенденцию отношения молодежи к модернизации современного общества. Абстрагируясь от целого ряда частных факторов, можно заметить, что в России сложился определенный слой, не только принявший новые ценности модернизационного времени, но и сформировавший свое понимание ценностей традиционного общества. Освободившись от прямолинейности суждений прошлых поколений, современная молодежь проявила виртуозность в поиске средств для достижения цели. Ясно, что не все они хороши, но их использование обусловлено не самой молодежью, а стратегией выживания, навязанной обществу. Молодежь не находится в состоянии конфликта с новой государственностью, принимает складывающиеся правила игры, и лишь отсутствие должного внимания к ней сковывает ее возможности в модернизационном процессе.

В современных условиях, когда преодолены определенные противоречия и выбран национально-государственный вектор модернизации с ориентацией на собственные, а не заимствованные ценности, появилась возможность более активно привлечь молодежь к выполнению важнейших задач обновления России в качестве основного политического ресурса в модернизационных процессах.

УДК 316.334.3+366.636

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются основные трактовки и критерии социального прогресса в контексте оценок базовых парадигм и перспектив общественно-политического и социально-экономического развития, выявляется роль политической культуры в выборе и реализации соответствующих моделей модернизации в современной России.

Ключевые слова: политическая культура, модернизация, гражданское общество, социальный прогресс, факторы модернизации, факторы социального прогресса.

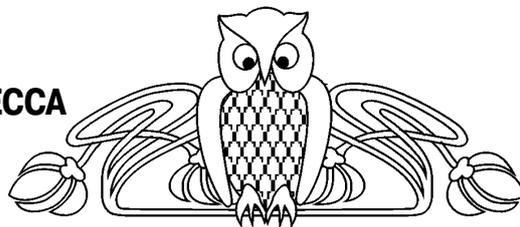
Political Culture as a Factor of Modernization and Social Progress

V. A. Zimin

Main criteria and approaches to the social progress in context of basic paradigms and perspectives of the social-political and social-economic development are considered in this paper. The political culture's role in choosing and implementing different models of modernization in contemporary Russia is pinpointed.

Примечания:

- 1 См. подробнее: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 12.01.2012).
- 2 Цит. по: *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России : беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 10.
- 3 См.: *Луков В. А.* Проблемы обобщающих оценок положения молодежи // Социос. 1998. № 8. С. 7.
- 4 См.: *Молодежь России. Тенденции. Перспективы.* М., 1993. С. 38.
- 5 См.: Как рождалась идея национальных проектов? URL: <http://www.rost.ru> (дата обращения: 09.11.2005 г.).
- 6 См.: *Ставим на лидеров : встреча Д. А. Медведева с лидерами политических объединений.* М., 2008. С. 22.
- 7 См.: *Молодежь новой России : образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад.* М., 2007. С. 19, 29.
- 8 Дискуссии проходили в марте–сентябре 2011 г. в рамках реализации программы «Дискуссионное пространство молодежи Саратовской области». В качестве партнеров выступили министерство образования Саратовской области и фонд Фридриха Науманна (ФРГ). Всего в дискуссиях приняли участие свыше 200 молодых людей из 10 муниципальных образований Саратовской области.

Key words: political culture, modernization, civil society, social progress, factors of modernization, factors of social progress.

Весь XIX в. европейскую, североамериканскую, российскую политическую мысль, а также политическую мысль колонизованных обществ волновал вопрос, как обеспечить прогресс практической политики, сопоставимый с прогрессом рыночной экономики и либерального права. Одной из важнейших методологических проблем в этом процессе осмысления стал тот факт, что отсутствовало и поныне отсутствует единство в понимании сути социального прогресса и общепризнанных критериев для его оценки. Дискуссии на эту тему продолжают до сих пор и, по сути, составляют стержень проблематики обсуждения различных моделей модернизации и транзита.

По мнению Алекса Бэттлера¹, единогласия относительно понимания прогресса нет вследствие

как «различных методологических инструментов в познании данного явления, так и в еще большей степени политико-идеологических пристрастий, определяемых исторической обстановкой и местом самого ученого в политической структуре того или иного государства. Совершенно очевидно, что одно и то же явление может быть названо прогрессом или регрессом в зависимости от того, к какому социально-политическому лагерю примыкает тот или иной ученый. Например, оценки любой революции в мировой истории до сих пор носят прямо противоположный характер. Это происходит потому, что не выработан единый критерий в оценках любого явления, любого события в мировой истории»². Неслучайно выдающийся российский философ и политолог А. С. Панарин утверждал, что идеология модерна породила два способа расправы над прошлым как качественно иным: это его дискредитация и модернизация – проекция на него современных стандартов и представлений³. Нет единства данных стандартов – не будет единства и в отношении исторических событий конкретных стран, и в оценках их с точки зрения социального прогресса.

Представители либерального направления исследований общества рассматривали и продолжают рассматривать гражданское общество и правовое государство в качестве инструментов обеспечения структурных и качественных изменений в сторону приближения политики к свойствам и потребностям человека (гуманитарного прогресса), сопоставимых по значению с такими инструментами прогресса экономики, как частная собственность и транснациональные корпорации, с такими инструментами прогресса права, как конституционно закрепленные права граждан и суды присяжных. Неслучайно известный представитель франкфуртской школы Ю. Хабермас утверждал, что «регулирование мирового сообщества до сих пор не приняло облика даже примерного проекта, проекта, разъясненного на примерах. Первые адресаты такого проекта – не правительства, а граждане и гражданские движения. Но социальные движения кристаллизуются лишь в случаях, если для разрешения конфликтов, ощущающихся как бесперспективные, открываются нормативно удовлетворительные перспективы»⁴.

Представители коммунистической (и до определенной степени социал-демократической) идеологии основными критериями социального прогресса считают социальную справедливость (трактуя ее также различно) и реальное социальное равенство, выраженное в социально-экономических показателях уровня жизни большинства граждан. Они утверждают, что либеральная модель общества приводит к тому, что «господство международных финансовых спекулянтов делает мировую экономику все более нестабильной и несправедливой. Усиливается неравенство между социальными слоями и классами. Углубляется социально-экономическая пропасть между раз-

витыми капиталистическими странами-эксплуататорами и угнетенными странами-пролетариями, которым уготована участь сырьевого придатка и помойной ямы для “золотого миллиарда”»⁵. Они выступают против либеральной глобализации и роста политического влияния транснациональных корпораций, «диктующих свою волю целым государствам и народам», обвиняют «творцов “нового мирового порядка” в беспардонном вмешательстве в дела суверенных государств, причем все чаще – вооруженном». Они озабочены состоянием земной экологии, которая откровенно приносится в жертву интересам капитала: «Раскрученная Западом эгоистичная сверхпотребительская гонка, поглощая все больше невозобновимых природных ресурсов, ведет к необратимым изменениям окружающей среды с катастрофическими для всего человечества последствиями». Но особую тревогу вызывает «экология духа», которая «подвергается отупляющей атаке низкопробной масс-культуры с ее культом насилия и разврата. Под видом “свободной циркуляции идей и информации” на самом деле осуществляется политика информационно-культурного империализма. Манипуляция сознанием и чувствами людей, их интересами и потребностями, принудительная унификация духовного мира на самом низком и примитивном уровне превращают человечество в бездумную и покорную творцам “нового мирового порядка” массу»⁶.

В рамках такого конфронтационного противостояния моделей общественно-политического и социально-экономического развития общества трудно прийти к согласию по выработке единых общепризнанных критериев социального прогресса.

А. Бэттлер утверждает, что до сих пор «понятию “прогресс” не дано универсального определения, т. е. определения, покрывающего все явления человеческой жизни. Выражаясь гегелевским языком, нет его определения как всеобщего. Однако существовали и существуют определения на уровне особенного, т. е. понимание прогресса в контексте определенной исторической эпохи и как конкретное для той или иной страны. Иначе говоря, понятие “прогресс” есть еще понятие историческое. В нем не просто заложен опыт каждой эпохи и каждой нации, но по нему можно определять степень развитости того или иного человеческого общества»⁷.

Возникает резонный вопрос: по каким критериям предлагает автор оценивать эту степень развитости, если сам признает отсутствие универсального определения? Как представляется, достаточно аксиоматично в качестве идеальнотипического образца значительная часть российских ученых предлагает иметь в виду модель либеральной демократии.

Обосновывается это тем, что, несмотря на различия в позициях, в результате дискуссии совместными усилиями политической теории

и политической практики достигнуто определенное компромиссное понимание социального «прогресса». Это сделало уже в XX столетии либеральную демократию инструментально (принципиально, институционально и технологически) привлекательной для политических элит и граждан в качестве средства обеспечения прогресса, особенно в тех обществах, в которых исторически рационалистические и прагматические мотивации экономической, правовой, управленческой деятельности, культурных практик возобладали над мотивациями религиозно-традиционалистскими.

Мировоззрение индустриального (современного, капиталистического, рыночного) общества можно описать как «проект модерна». По мнению В. А. Емелина, ему присущи следующие черты:

- стремление к созданию универсальной картины мира, сводящей все многообразие действительности к единым основаниям;
- убеждение в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях;
- стремление к полному воплощению этого знания в действительности;
- убеждение, что такая реализация будет способствовать увеличению счастья людей;
- уверенность в поступательном, прогрессивном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим⁸.

Неслучайно в 1969 г. на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН была принята специальная декларация, в которой констатировалось, что «человек может добиться полного осуществления своих чаяний лишь в условиях справедливого социального порядка и что, следовательно, кардинальное значение имеет ускорение социального и экономического прогресса повсюду, что способствует международному миру и солидарности»⁹.

Утверждая принципы социального прогресса, авторы декларации подчеркивали, что «все народы и все люди, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, национальности, этнического происхождения, семейного или социального положения, либо политических или иных убеждений, имеют право жить в достойных условиях и в условиях свободы и пользоваться плодами социального прогресса и должны со своей стороны способствовать ему»¹⁰.

Было подчеркнуто, что социальный прогресс и развитие основываются на уважении достоинства и ценности человеческой личности и обеспечивают развитие прав человека и социальной справедливости, что требует:

- незамедлительной и окончательной ликвидации всех форм неравенства, эксплуатации народов и отдельных лиц, колониализма, расизма, включая нацизм и апартеид, и всякой иной политики и идеологии, противоречащей целям и принципам Организации Объединенных Наций;

- признания и эффективного осуществления гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав без всякой дискриминации.

Основными условиями социального прогресса и развития считаются:

- национальная независимость, основанная на праве народов на самоопределение;
- принцип невмешательства во внутренние дела государств;
- уважение суверенитета и территориальной целостности государств;
- неотъемлемый суверенитет каждого государства над своими природными богатствами и ресурсами;
- право и ответственность каждого государства, и в той степени, в какой это касается каждой нации и народа, свободно определять свои собственные цели социального развития, устанавливать свой порядок очередности и определять в соответствии с принципами Устава ООН средства и методы их достижений без всякого вмешательства извне;
- мирное сосуществование, мир, дружественные отношения и сотрудничество государств, независимо от различий между их социальными, экономическими и политическими системами¹¹.

Как представляется, практика западных стран по распространению институтов либеральной демократии в других странах за последние десятилетия (особенно после разрушения СССР и краха социалистической системы) свидетельствует о наличии ряда противоречий в понимании сути социального прогресса и в эффективности практического применения концептов данной декларации.

С одной стороны, важнейшим условием в применении инструментов либеральной демократии для обеспечения прогресса политической сферы ее сторонники признали прежде всего изменения в той части культурного пространства, которая стала определяться как политическая культура общества. Внедрение в массовое сознание при помощи идеологического и научного творчества идей и ценностей либеральной демократии и их распространение в глобальных масштабах обеспечило приращение тех благ гражданского состояния, которыми граждане развитых (в либерально-демократическом отношении) обществ смогли пользоваться наряду с прираставшими в рыночной экономике экономическими благами. Эта связь укрепила либерально ориентированные научные и политические элиты во мнении, что по изменениям в политической культуре можно судить о мере и темпах прогресса политической сферы.

С другой стороны, практика внедрения и использования такого критерия прогресса развития социально-политических отношений обозначила целый ряд проблем.

Прежде всего имеет место значительное расширение самой сферы политичности. Политикой

становится все, что для своего решения требует ресурсных затрат. Политические способы нахождения решений выступают как экономически и вообще ресурсно эффективные. Политикой становится все, вплоть до пенсий и уборки мусора с улиц, массовых развлекательных мероприятий и учебных стандартов в школах.

В итоге трудно сказать, какое из отношений человека к окружающей реальности имеет отношение к его политической культуре, а какое нет, то есть имеет общекультурный характер. Это затрудняет понимание, например, того, является ли положительное отношение граждан к демократии и либеральным ценностям характеристикой их осознанного политического выбора в пользу стратегии развития или это характеристика их интуитивного настроя на унификацию способов решения самых разных «неполитических» вопросов (коммунальных, например) средствами политики.

Развитие политики сегодня идет за счет не столько дальнейшего расширения сферы влияния либерально-демократических ценностей и идей, сколько их тотальной критики со всех доступных в информационных, традиционных и модернизирующихся обществах позиций. Они рассматриваются как препятствие на пути продвижения современных обществ уже не к оптимальному уровню благосостояния (эмпирически этот уровень был вычислен и породил глобализационные устремления элит и обществ), а к оптимальному уровню безопасности достигнутого уровня благосостояния. Демократию критикуют как не очень эффективную охранную систему или систему институциональных и ценностных «фильтров» на пути к безопасному благосостоянию, которые расположены недостаточно разумно и справедливо.

Возникновением этой проблемы человечество парадоксальным образом обязано идее научно-технического прогресса. По мнению ряда исследователей, в XX в. эта идея «из знамени и двигателя науки и техники превратилась в тоталитарную идеологию, вышла далеко за рамки собственно науки и техники, превратившись в императив всех областей человеческой деятельности. “Прогресс”, “развитие”, “экономический рост” ослепили человечество, не давая возможности рассмотреть “пятна на солнце”. Только к концу века отдельные люди да и то “шепотом” начали отмечать не универсальность прогресса, а его тормозящую роль»¹².

В качестве критики общепринятого понимания принципов развития и прогресса выдвигаются контраргументы о том, что на самом деле они «безнравственны, потому что направлены на покорение Природы и не имеют не только моральных, но и разумных, с точки зрения собственной безопасности человека, ограничений; деформируют сущность человека своей односторонностью, поскольку нацелены только на рост потребления и наслаждений; построены на заблуждении и

переоценке места и роли человека в природе и его сущности»¹³.

М. Делягин, например, утверждает, что развитие информационных технологий ведет к замещению цели и назначения технологии как получения нужных человеку материальных ценностей и услуг технологиями «промывания» мозгов с целью получения нужного типа сознания и культуры. По его мнению, информационный взрыв и распространение коммуникационных сетей оказывают «невероятное давление на все человеческие органы чувств» и доводят «до отворачивания и отупения»¹⁴.

В конечном итоге все, что характеризует социальные процессы в XX в., на финишной прямой обернулось целым букетом кризисных ситуаций, которые по масштабам и глубине можно идентифицировать как глобальный цивилизационный кризис¹⁵.

Тем не менее по мере нарастания кризиса в экономике и праве (кризис правовой идентичности в результате миграционных процессов) либеральная демократия продолжает рассматриваться в качестве инструмента стабилизации социально-политических систем на достигнутом уровне «обществ потребления» материальных и политических благ.

При этом не вполне ясно, какое качество политической культуры граждан сегодня должно обеспечивать политический и экономический, правовой прогресс. В отечественной литературе проблема решается по аналогии с тем, как ее решают в «западной» науке: стабильность ассоциируется с прогрессом при помощи концепта «стабильное развитие» (развитие не всегда прогресс), провозглашается целью существования социально-политической системы, и это создает формальные основания рассматривать гражданское общество и правовое государство европейско-североамериканского образца как готовые инструменты достижения этой стабильности, а значит, и «прогресса» – развития.

Либо развивается другая логика: гражданское общество и правовое государство есть инструменты достижения прогресса, но «низкая» политическая культура российского общества и российских элит (патриархальная, восточная, расколота и т. д.) препятствует применению этих инструментов в российской политике.

Поэтому в качестве обязательного условия инновационных преобразований сторонники либеральной модели общественного устройства видят «преодоление культурного барьера, прежде всего, традиционно патерналистских и иерархических моделей на всех уровнях, губящих всякую инициативу и творческие порывы и в итоге препятствующих рыночным процессам. Они зиждутся на ценностях власти, безопасности, конформизма»¹⁶.

Логично следует вывод, что прогресс нужно обеспечивать в обход применения такого

инструмента, каким, по определению, должна быть политическая культура любого общества, либо путем использования отдельных «деталей» этого инструмента (политической культуры), наиболее нацеленных на модернизацию групп населения.

Эта ситуация рождает вопросы о новом качестве той реальности, которую мы называем политической культурой, и о теоретических подходах к изучению этой реальности. Что сегодня можно включить в понятие «политическая культура», а что имеет смысл убрать из содержания этой категории вследствие нефункциональности, превращения в элемент обыденной культуры? Является ли традиционализация политической сферы свидетельством прогресса либо регресса политической культуры? Существуют ли (не на уровне постановки задачи, а на уровне понимания свойств и элементов этой технологии) варианты достижения прогресса в обход политической культуры, не позволяющей использовать гражданское общество и правовое государство в качестве инструментов прогресса? В какой мере политическая культура обладает собственной динамикой в условиях модернизации, традиционализации и стабилизации, а в какой зависима от динамики других сфер общественной и государственной деятельности?

Ответы на эти вопросы являются предпосылкой для формирования нового политологического ракурса изучения политической культуры, основанного на понимании того, что:

– политическая культура сегодня способна обеспечивать прогресс политической сферы не только за счет производства и воспроизводства эталонных принципов и институтов либеральной демократии, но и в большей степени за счет их критики. Прогресс стимулируется не позитивностью, а критичностью ценностных ориентаций носителей политической культуры. Происходит своеобразный возврат мировой политической культуры к рационализму в еще более активной форме, апеллирующему к постмодерну;

– считать в современных условиях политическую культуру мерилom либо препятствием политического прогресса можно при условии, что нормой развития самой политической культуры будет считаться не ее приближение к традиционалистской или либерально-демократической модели, а ее потенциал побуждения массового сознания к поиску альтернативных и, может быть, неидеальных и взаимно противоречащих моделей и принципов, политических технологий перехода от либерально-демократической к «постлиберально-демократической» фазе развития современной цивилизации.

Прогресс политики реализуется в виде активизации поиска новых форм, институтов, принципов и технологий. Нелинейность динамики политической культуры выступает как критерий ее прогресса, прогресса политики в целом. Представления о политической культуре как стимуле поисковой деятельности массового сознания более соответствуют практической задаче поиска стратегии постлиберального развития, чем традиционные для науки представления о ней как условии устойчивого использования инструментов либеральной демократии (гражданского общества и правового государства) или источнике устойчивых помех в использовании этих инструментов.

Примечания

- 1 Олег Арин (Алекс Бэттлер, урожд. Рафик Шаги-Акзамович Алиев – советско-канадский ученый марксистского направления).
- 2 Бэттлер А. Общество : прогресс и сила (критерии и общие начала). М., 2008. С. 12.
- 3 См.: Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 22–23.
- 4 Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5(39). С. 151.
- 5 Зюганов Г. Глобализация : тупик или выход? // Наш современник. 2001. № 6. URL: <http://nash-sovremennik.ru/main.php?m=num&y=2001&n=6> (дата обращения: 19.02.2012).
- 6 Там же.
- 7 Бэттлер А. Указ. соч. С. 15.
- 8 См.: Емелин В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии : автореф. ... канд. филос. наук. М., 1999.
- 9 Декларация социального прогресса и развития (Принята 11.12.1969 г. Резолюцией 2542 (XXIV) на 1829-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <http://www.tourmix.ru/abro.php?id=567> (дата обращения: 18.02. 2012).
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Азроянц Э. А. Глобализация : катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 15.
- 13 Там же.
- 14 Делягин М. Общая теория глобализации // Общество и экономика. 1998. № 10–11 ; Он же. Информационная революция, глобализация и кризис мировой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 47–53.
- 15 См.: Азроянц Э. А. Указ. соч. С. 16.
- 16 Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации // Форум. 2009. № 2(10). С. 24.

УДК 329.8

КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПАРТИИ ВЛАСТИ (опыт Саратовской областной организации КПСС 1988–1991 гг.)

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: istoriya2@yandex.ru

В статье на примере Саратовской областной организации КПСС 1988–1991 гг. исследуется процесс утраты парторганизацией политической легитимности и функциональности. Проанализированы роль и место партийной организации на завершающем этапе перестройки в региональной структуре власти, механизм утраты важнейших внутривнутрипартийных функций – рекрутирования новых членов, интегрирующей, идеологической, способность адекватно оценивать кризисную ситуацию и др.

Ключевые слова: политическая партия, Саратовская организация КПСС, легитимность, функциональность, политическая нестабильность.

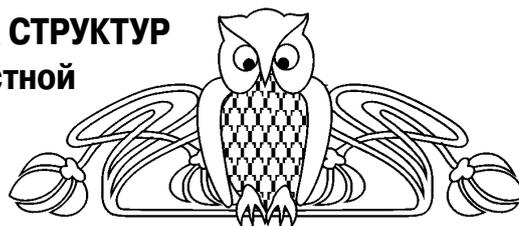
Crisis of Legitimacy of Regional Structures Party in Power (Experience of the Saratov Regional Organization of the CPSU 1988–1991)

A. F. Bichekhvost

In article on an example of the Saratov regional organization of the CPSU 1988–1991 is investigated process of loss by a Communist Party organization of political legitimacy and functionality. The role and seat of the party organization at the closing stage of restructuring in regional structure of authority, the mechanism of loss of the major inner-party functions – recruiting of the new members, integrating, ideological are analysed, capacity adequately to estimate a crisis situation, etc.

Key words: political party, Saratov organization of the CPSU, legitimacy, functionality, political instability.

Современная политическая наука в нашей стране имеет оптимистический настрой. Труды исследователей нацелены преимущественно на детальное изучение механизмов и условий, при которых политическая партия может взять власть в свои руки и относительно долго ее удерживать. Опыт России, как и многих других стран, переживших или переживающих «демократический транзит» и «либеральную модернизацию», показывает, что все эти преобразующиеся политические системы на определенном этапе сталкивались с растерянностью общества и самих элит относительно происходящего: политические партии, которые десятилетиями прочно держали власть в государстве в своих руках, теряли ее почти мгновенно в ходе различных протестных движений. Растерянность в массовом сознании, как представляется, была связана с тем, что исследователи советской поры даже не ставили перед собой вопроса о том, как и при каких

обстоятельствах КПСС может утратить свою политическую легитимность и функциональность. Сам конституционный статус этой партии как ядра советской политической системы, казалось бы, разумно исключал саму постановку такого вопроса. Реально происходившие процессы распада структур КПСС, особенно болезненные на региональном уровне, становились, таким образом, для элит и общества той неожиданностью, которая вызывала страх, непонимание перспективы и готовность действовать хаотически «по потребностям момента». Это тот опыт, который доказывает необходимость для политической науки сегодня, несмотря на несомненные успехи, достижения и высокую общественную легитимность действующей ныне партии власти, анализировать вероятные внутренние и внешние риски для такой легитимности, опасное сочетание разных долгосрочных и краткосрочных факторов, которые могут породить нестабильность в социально-политической системе. Опыт КПСС способен служить наглядным пособием того, как может в российских условиях работать такой механизм, генерирующий нестабильность.

Коммунистическая партия Советского Союза, более 70 лет обладавшая монополией на политическую власть, утратила ее в 1991 г. Не последнюю роль в приближении краха КПСС как политической организации сыграла потеря ею главных политических функций, что стало очевидно на завершающем этапе перестройки (1988–1991 гг.). Тенденция, связанная с утратой важнейших внутренних и внешних политических функций, проявилась и в деятельности региональных организаций КПСС, в частности Саратовской областной партийной организации.

В годы перестройки областная партийная организация и ее руководящие органы – обком, городские, районные комитеты КПСС – сохраняли на территории области монополию на власть, осуществляли контроль всех общественно-политических и экономических процессов. В середине 1990 г. насчитывалось 4337 первичных парторганизаций. Среди занятых в народном хозяйстве партийная прослойка составляла 12,7%. Партийные группы функционировали на предприятиях промышленности в каждой десятой бригаде, на транспорте – в каждой восьмой, в сельском хозяйстве – в каждой третьей¹. Коммунисты составляли четвертую часть областного профсоюзного актива. Более 2 тыс. молодых коммунистов работало

в комсомоле. К началу 1991 г. в партийных структурах области трудился 1861 штатный партийный работник, включая освобожденных секретарей крупных партийных организаций.

Опираясь на низовые партийные и общественные организации, комсомол, партноменклатура проводила политическую линию центральных органов партии, пыталась влиять на мировоззрение и жизненную позицию граждан. Партийные органы региона занимались подготовкой и расстановкой кадров, определяли главные направления в работе хозяйственных органов, разрабатывали и контролировали выполнение социально-экономических программ.

Функции партийных комитетов плохо разграничивались со сферой ответственности советских и хозяйственных органов, что вело к параллелизму в работе, дублированию друг друга, распылению сил, в конечном итоге – неэффективному управлению. В партийных органах отсутствовал должный контроль исполнения принятых решений, постановления по важнейшим экономическим вопросам нередко носили печать формализма и необязательности исполнения, не подкреплялись материальными и финансовыми ресурсами.

Успешное функционирование партии и выполнение ею функций по руководству обществом во многом определяется наличием у партии массовой социальной базы, возможностью рекрутирования новых членов в партийные ряды, поддержкой ее программы и идеологии рядовыми членами. Однако во второй половине 1980-х гг. в областной партийной организации в рамках деструктивных процессов, охвативших КПСС в целом, возникли тенденции, свидетельствующие о ее глубоком внутреннем кризисе.

В 1988 г. из областной парторганизации начался активный выход коммунистов. Численность рядов Саратовской областной организации КПСС за год уменьшилась на 581 члена и кандидата в члены партии, а в 1989 г. – еще на 1527 человек – в 2,6 раза больше, чем за предыдущий год².

Сокращение численности областной партийной организации продолжилось и в 1990 г. Если на 1 января 1989 г. в парторганизации на учете состояло 210 909 членов и кандидатов в члены КПСС, на 1 января 1990 г. – 209 134, то к 1 июня 1990 г. ее ряды объединяли 206 466 членов и кандидатов в члены партии. Таким образом, за полтора года численность областной партийной организации уменьшилась еще на 1500 человек. Для организации областного уровня это были осязаемые потери, которые свидетельствовали об утрате ею ведущей политической роли, падении авторитета среди рядовых членов КПСС.

Партийные структуры пытались найти объяснение массовому выходу из рядов областной парторганизации. Резкое сокращение численности функционеры относили на счет конкретных параграфов Устава партии, в которых говорилось

об утрате связей с первичной организацией, либо исключения из КПСС за нарушение партийных норм³.

Причины уменьшения численности областной партийной организации обсуждались на XXVI конференции Саратовской областной организации КПСС (8 июня 1990 г.). Первый секретарь обкома партии К. П. Муренин, констатируя этот безотрадный факт, докладывал участникам конференции: «Негативные изменения происходят в составе первичных партийных организаций. Прием в кандидаты партии сократился за последний год более чем на тысячу человек и снижение продолжается. Вдвое за последний год возросло количество исключенных и выбывших из партии. 536 человек сдали в прошлом году партийные билеты. Такая ситуация коммунистами оценивается неоднозначно. С одной стороны, считают они, идет самоочищение партии от случайных людей, от карьеристов, от тех, кто попал в ее ряды не по убеждению, а вследствие механического “регулирования”. С другой – есть обидные потери, партию покидают порою честные люди, не разобравшиеся в обстановке, сбитые с толку лживой фразеологией псевдодемократов. Причина, видимо, в том, что не все парторганизации действуют согласно требованиям текущего момента, не заботятся об уровне своей работы и своего авторитета»⁴.

Сокращение партийных рядов партийные работники пытались объяснить и другими причинами. Секретарь парткома Энгельского завода спецавтомобилей Ю. Е. Рыжков, выступая 9 июля 1991 г. на пленуме горкома и контрольной комиссии городской парторганизации, говорил: «Нередко коммунисты испытывают моральное давление, некоторые не выдерживают и по тем или иным причинам выходят из рядов КПСС»⁵.

Однако сокращение партийных рядов свидетельствовало прежде всего о расхождении интересов представителей обкома партии и его аппарата, горкомов и райкомов КПСС, с одной стороны, и массы рядовых коммунистов – с другой. Большинство членов партии осознавало необходимость демократических перемен, отвергало авторитарный стиль и методы руководства в КПСС, надеялось на развитие внутривнутрипартийной демократии.

По мере развития партийного кризиса областная парторганизация утрачивала и такую важнейшую функцию, как набор в партию новых членов. Прием в кандидаты партии в 1989 г. по сравнению с предыдущим годом уменьшился более чем на 1000 человек. Среди новых членов КПСС было гораздо меньше рабочих, колхозников, молодежи. В 1990 г. на производственных объединениях им. С. Орджоникидзе, «Знамя Труда», «Нефтемаш» ни один человек не выразил желания вступить в ряды КПСС. «Практически в партийных организациях не проводится работа по пополнению партийных рядов»⁶, – констатировал в августе 1991 г. Ю. Шишерин, председатель

контрольной комиссии Энгельсской городской партийной организации.

Снижался уровень внутривнутрипартийной дисциплины. Многие коммунисты перестали платить партийные взносы, не занимались общественной работой, как того требовал Устав КПСС. С 1990 г. в первичных парторганизациях нерегулярно проходили партийные собрания, а если они и проводились, то формально, ухудшалась на них явка коммунистов. Второй секретарь Энгельсского горкома КП РСФСР В. К. Марченков на совместном пленуме горкома партии и контрольной комиссии (9 июля 1991 г.) заявил: «За последнее время появилась тревожная тенденция, наносящая ущерб организационному общению, – ослабление роли партсобраний. Представленная первичным парторганизациям свобода действий не пошла на пользу многим, и с молчаливого согласия коммунистов они расценили её как возможность вообще не собирать их. В текущем году ни одного партсобрания не проведено в первичных парторганизациях комбината по заготовке и переработке древесины, психоневрологической больницы, городской киносети, отдела вневедомственной охраны, территориальной села Квасниковка, ряде других»⁷. Мнение второго секретаря разделял председатель контрольной комиссии Энгельсской городской организации компартии РСФСР Ю. Шишерин: «Во многих парторганизациях повестки дня собраний сводятся лишь к подготовке к празднику или рассмотрению заявлений по выбытию из КПСС. И только»⁸.

Партийные структуры постепенно утрачивали интегрирующую функцию, они не пытались в условиях кризиса объединить членов партии и направить их усилия на решение актуальных задач. Секретарь обкома КПСС К. П. Муренин, выступая 9 февраля 1991 г. на объединенном пленуме обкома партии и контрольной комиссии областной парторганизации, самокритично признавал: «Как уже профессиональный партийный работник могу сказать, что авторитет партийных организаций стал падать как раз оттого, что стали уходить они от дела, от решения насущных нужд трудящихся...»⁹.

Руководители областной организации КПСС пытались перестроить стиль работы, вносили определенные структурные и кадровые изменения. К 1990 г. обновился кадровый состав обкома партии: сменились три секретаря, пять заведующих и семь заместителей заведующих отделами. На 40% сократилось число ответственных работников обкома КПСС, поменялась третья часть секретарей городских и районных комитетов партии¹⁰. Секретари парткомов стали избираться на альтернативной основе. В 1989 г. в структуру обкома партии включили комиссии, которые должны были работать в тесном контакте с отделами областного комитета КПСС, разрабатывать рекомендации по улучшению работы парткомитетов и парторганизаций. Были

упразднены отраслевые отделы обкома КПСС. Однако нововведения существенно не повлияли на сложившийся бюрократический, авторитарный стиль работы областного партаппарата. Не способствовали они и росту авторитета руководящих партийных органов среди рядовых коммунистов и населения области.

В условиях обострявшегося политического кризиса партноменклатура пыталась нивелировать идеологическую функцию, улучшить информированность рядовых членов партии, население области о деятельности областного комитета КПСС, горкомов и райкомов партии. В городских, районных, многотиражных газетах стали чаще публиковаться краткие стенограммы заседаний партийных органов, принимаемых на них решений. Областная газета «Коммунист» печатала постановления бюро обкома КПСС, статьи партийных руководителей различного уровня, чего не было ранее; партийные работники активизировались на радио и телевидении. За декабрь 1990 – январь 1991 г. на страницах «Коммуниста» выступили три работника обкома партии, представитель городского комитета КПСС, три коммуниста, представлявших райкомы партии, секретарь низовой парторганизации. Тем не менее партийцы признавали, что в условиях ведения ожесточенных дискуссий с представителями демократического выбора такого количества выступлений коммунистов на страницах областной периодической печати было явно недостаточно.

По мере углубления политического и экономического кризиса областная парторганизация все больше отрывалась от масс, отстранялась от работы по материализации их запросов. В материалах, подготовленных к докладу обкома КПСС на XXVI областной партконференции, самокритично признавалось: «Гласность, повышение уровня демократизации выявили многочисленные недостатки в работе с письменными и устными обращениями. Не везде глубоко и всесторонне изучается общественное мнение. Нужды и запросы трудящихся, предложения и критические замечания не используются в деятельности партийных, советских, хозяйственных органов, общественных организаций, допускаются формально-бюрократическое отношение к просьбам и отписки, неоправданная пересылка заявлений по инстанциям, преследование за критику»¹¹. Однако самокритичные признания мало влияли на изменение характера и стиля работы с населением, сохранялись схоластические и малопродуктивные методы работы партаппарата.

В партийные органы продолжали поступать письма от коммунистов, рядовых граждан о злоупотреблениях служебным положением и недостойном поведении коммунистов-руководителей. В 1990 г. письма подобного содержания составили 9,5% всех поступивших жалоб¹².

Лидеры областных коммунистов в конце 1980 – начале 1990-х гг. верно оценивали сло-

жившуюся общественно-экономическую и политическую ситуацию как кризисную. Однако трезвый анализ создавшегося положения на этом заканчивался, радикальных путей выхода из тупика не предлагалось. Оставаясь приверженцами отживших схем и догм, исповедуя марксистско-ленинскую идеологию, не отказываясь от социалистического выбора, партруководство области, следуя в фарватере политики центральных руководящих органов КПСС, не смогли реально оценить всей сложности создавшейся обстановки, предложить действенные пути вывода области из кризиса. Декларации следовали за декларациями, а с принятием эффективных решений и ответственных шагов они опаздывали, и, как показала история, навсегда. Но рядовым членам партии и простым гражданам продолжала последовательно внушаться мысль: областная парторганизация выполняет авангардную роль, сложившаяся ситуация находится под контролем, а ее ухудшение искусственно инспирируется «демократами» (при этом слово «демократы» непременно закавычивалось).

Во многом такая непоследовательная и малопродуктивная позиция ОК КПСС определялась линией ЦК партии. «Наступило время перестройки. Рвались отлаженные годами связи политического, экономического и государственного управления. То же ощущалось и в руководстве партией. Прежде всего, удивляла инертная позиция ЦК. С его стороны уже не замечалось той твердой руки, которая многие десятилетия, хотя в чем-то ошибаясь, управляла великой державой. Теперь местные партийные организации были брошены на произвол судьбы. Каждый секретарь горкома или райкома оценивал события со своей точки зрения, и это разрушало единое политическое пространство, экономику и управление во всех сферах жизни»¹³, – вспоминал бывший первый секретарь Саратовского горкома КПСС В. Г. Головачёв, перешедший позже на демократические позиции.

В быстро изменяющейся политической обстановке партийным функционерам, комитетам партии и партбюро было трудно одновременно отказаться от бюрократических, командно-административных методов руководства, вплотную заняться интересами простых людей, решением назревших политических и экономических задач. Однако на партийных форумах партийные лидеры продолжали декларативно заявлять о разительных переменах, которые происходили в условиях перестройки в работе партии и ее областной организации. К. П. Муренин на XXVI конференции областной организации КПСС докладывал: «По мере развития и углубления перестроечных процессов в обществе все полнее складывается представление, что многие переживаемые сегодня трудности своими корнями уходят в нашу историю, они связаны с деформацией социалистических принципов, пренебрежением экономическими законами, правами граждан, интересами целых народов. На фоне этого в обществе все сильнее вы-

зревает понимание того, что перестройка – процесс необратимый, и в связи с этим нужно еще более ускорить реформу политической системы, активнее осуществлять экономическую реформу, переходить к планово-рыночной экономике, укрепить дисциплину и порядок на производстве, заняться вплотную решением проблем, волнующих людей. И возглавлять эту работу по-прежнему должна наша партия – инициатор перестройки. Она сейчас переживает трудные времена, связанные с выходом из командно-административной системы, отказом от прежних форм и методов работы. Но у нее есть огромный потенциал, сложилась четкая концепция движения вперед, изложенная в проектах Платформы ЦК КПСС и нового партийного Устава»¹⁴. Следовательно, региональная организация КПСС, судя по выступлению ее лидера, не собиралась отказываться от монополии на власть, не осознавала, что утратила ряд важнейших функций, с помощью которых ей удавалось манипулировать сознанием простых граждан и рядовых коммунистов и сохранять власть партноменклатуры в течение длительного времени.

Руководители областного партийного аппарата по-прежнему склонялись к схоластическим, бумаготворческим методам работы, уходили от встреч с населением, рядовыми членами партии. Вину за кризис они возлагали «на силы, поставившие себе целью изменить общественный строй в СССР, устранить от власти сторонников социалистического выбора, придать всем преобразованиям в стране антисоциалистический и по существу антинародный характер». Однако такая позиция была ошибочной, тупиковой, свидетельствующей об утрате вместе с центральными органами КПСС такого важного политического качества, как способность объективного анализа действительности.

Таким образом, политическое развитие Саратовской областной организации КПСС, ее практические шаги на завершающем этапе перестройки свидетельствовали о потере ею ряда важнейших внутренних и внешних партийных функций: набора новых членов, выражения, отстаивания и защиты интересов больших социальных групп и слоев населения, рядовых коммунистов; интеграции коммунистов на основе общих целей, мобилизации масс для решения важных социальных задач; разработки программы первоочередных действий и ее реализации в условиях кризисного состояния общества и разработки идеологии, соответствовавшей требованиям времени, и др. Утрата важнейших функций сопровождалась применением изживших себя методов и стиля работы: декларативности, бумаготворчества, схоластики и начетничества. Подобная тенденция была характерна практически для всех региональных организаций КПСС. Не в этом ли одна из причин, что в результате августовских событий 1991 г. Коммунистическая партия Советского Союза рухнула как картонный домик?

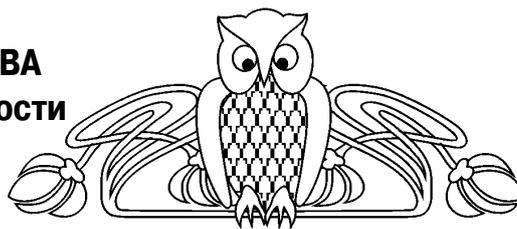
Примечания

- ¹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 47. Д. 1. Л. 17.
- ² Там же. Д. 4. Л. 5.
- ³ Там же. Л. 3, 5.
- ⁴ Там же. Д. 1. Л. 18.
- ⁵ Наше слово. 1991. 16 июля.
- ⁶ Наше слово. 1991. 7 авг.

- ⁷ Наше слово. 1991. 16 июля.
- ⁸ Наше слово. 1991. 7 авг.
- ⁹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 1. Л. 13.
- ¹⁰ Там же. Оп. 47. Д. 63. Л. 39.
- ¹¹ Там же. Д. 4. Л. 80.
- ¹² Там же. Л. 83.
- ¹³ Головачёв В. Г. Представитель Президента. Саратов, 2005. С. 184.
- ¹⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 47. Д. 1. Л. 10–11.

УДК 94(47).084.1+343.132(09)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВА ПРИ СМЕНЕ ВЛАСТИ (на примере деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье исследуется проблема политико-правовой ответственности представителей правящего класса. Анализируя историко-правовой опыт деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, автор выявляет концепцию и основные принципы организации расследования правонарушений со стороны высших должностных лиц государства, которые могут служить важным политико-правовым прецедентом в условиях построения правового государства.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия, политический режим, правящий класс, расследование, суд, политико-правовая ответственность.

Political and Legal Responsibility of the Higher Officials of the State After Power Change (on the Example of Activity of Extraordinary Investigation Commission of Provisional Government)

Yu. V. Varfolomeev

In article the problem of political and legal responsibility of representatives of ruling class is investigated. Analyzing historical and legal experience of activity of Extraordinary Investigation Commission of Provisional government, the author reveals the concept and main principles of the organization of investigation of offenses from the higher officials of the state who can serve as important political and legal precedent in the conditions of lawful state construction.

Keywords: Extraordinary Investigation Commission, political regime, ruling class, investigation, court trial, political and legal responsibility.

При смене политических режимов в первую очередь, как правило, встает проблема легитимации новой государственной власти, и при этом одним из важнейших элементов политико-правового обоснования нового режима выступает парадигма

о заведомо криминальном характере деятельности бывших представителей правящего класса. Яркими примерами этого могут служить: следствие и суд над королем Людовиком XVI в период Французской революции 1789–1794 гг., квазисудебные репрессии и внесудебная расправа над бывшими сановниками царского режима после Октябрьского большевистского переворота 1917 г. в России, а также попытки предания суду руководителей и высших должностных лиц Советского государства после краха коммунистического режима в СССР в августе 1991 г.

Проблема политико-правовой ответственности государства и его высших должностных лиц обусловлена тем, что она связана с целым рядом вопросов общеправового характера, требующих предварительного разрешения, часть из которых относится к сфере гражданско-правовой ответственности, как, например, ответственность за чужие действия, за причинение вреда при отсутствии вины и пр.¹ В то же время большая часть вопросов юридической ответственности относится к области конституционного (государственного) права, например ответственность власти перед обществом за реализацию тех полномочий, которые действующим законодательством делегированы конкретным государственным учреждениям и отдельным должностным лицам, а также ответственность государства за обеспечение всего комплекса прав и свобод человека и гражданина². В зависимости от того, кто подвергается юридической ответственности, И. А. Толстова различает «юридическую ответственность государства как совокупность органов и должностных лиц, реализующих государственные полномочия (конкретизируется в конституционной, уголовной, гражданской, административной и дисциплинарной

ответственности)», а в зависимости от субъекта, которому причинен вред, «юридическую ответственность государства можно подразделить на два вида: а) ответственность перед организацией и б) ответственность перед личностью»³.

В августе 1991 г. после провала коммунистического путча последовал запрет на деятельность КПСС и одновременно с этим возник вопрос о расследовании и обнародовании всех преступлений правящей партии против своего народа. «Мысль о судебном преследовании коммунистической партии, узурпировавшей власть, поправшей все законы человеческие и божеские, принесшей неслыханные страдания народу, заплатившему десятки миллионов жертв во имя построения “светлого” будущего, – отмечал А. А. Собчак, – такая мысль казалась совершенно естественной. Тем более что уже есть исторический прецедент международного Нюрнбергского трибунала, объявившего преступной гитлеровскую партию и поставившего нацистов вне закона. Этого как раз и боялась та партийная элита, у которой руки были по локоть в крови, а нарушения законов вообще в расчет не принимались. К тому же были и более свежие примеры привлечения к суду руководителей “братских” компартий в Германии, Болгарии, Чехии, Румынии»⁴.

Однако в постсоветской России никто всерьез не озаботился тем, что КПСС следует судить и на основании выявленных фактов объявить преступной организацией. «Новое руководство России было слишком связано с нею – можно сказать, вышло из недр компартии, – справедливо отмечал Собчак. – Когда прошел первый испуг и номенклатурная рать увидела, что ничто ей не угрожает, она стала смелеть день ото дня. Сначала бывшие функционеры довольствовались тем, что снова получили должности в разных присутственных местах, а потом, почувствовав свою силу и поддержку со стороны большей части депутатов Верховного Совета, перешли в наступление»⁵. Так называемое «Дело КПСС», или, как оно официально обозначалось, дело «о конституционности указов президента Б. Н. Ельцина о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР, их имуществе» рассматривал Конституционный суд РФ. Однако следствия и суда над КПСС, высшими функционерами «руководящей и направляющей», руководителями СССР и регионов, а также в целом над советским политическим режимом так и не состоялось, а это значит, что все противоправные явления и факты, если они имели место в советской действительности, так и не были юридически зафиксированы и не получили в ходе судебного процесса соответствующей правовой оценки. В то же время это не говорит о том, что в «деле КПСС» и советского режима, а также в вопросах, связанных с подписанием Беловежского соглашения и с правлением первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, уже поставлена точка. В истории существуют примеры и юридические основания

для расследования различных государственных преступлений и проведения суда над высшими представителями власти того или иного политического режима. Среди подобных прецедентов следует назвать, конечно, Нюрнбергский трибунал и, возможно, более близкий и адекватный в данном случае именно к российской истории и политико-правовым проблемам эпизод – деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК).

Главная цель ЧСК, для достижения которой она, собственно, и учреждалась в 1917 г., – расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств царского режима. По завершении своей работы, как это определялось «Положением» о ЧСК, она должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству». Наряду с этим ЧСК готовила следственные материалы и для представления Учредительному собранию. Следовательно, в данном случае речь идет о концепции определения «позитивного» и «ретроспективного» аспектов политико-правовой ответственности государства и его представителей, которые составляют в своей совокупности единый институт юридической ответственности государства в целом.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель Комиссии Н. К. Муравьев уточнял, что Временное правительство пришло к мысли «создания чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима»⁶. В то же время он справедливо указал на то, что работа Комиссии в такой постановке могла бы оказаться безбрежной и поэтому пришлось ограничить ее задачи более конкретной целью – имелась в виду «ликвидация старого режима»⁷. Правда, вкладывал Муравьев в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под «ликвидацией старого режима» председатель ЧСК полагал избрание и ликвидацию практики и традиций нарушения законов, превышения должностных полномочий и других правонарушений высших должностных лиц Российской империи. Именно за эти «прегрешения» должны были судить высших сановников старого режима.

Объектом расследования Комиссии все-таки было не банальное преступление того или иного, пусть даже высшего чиновника павшей монархии, понимаемое как общественно-опасное деяние, нарушавшее закон. Такой подход должен был неизбежно завести следствие ЧСК в тупик. Главное, что могла и должна была сделать Комиссия, – это найти причины порочности самого режима, кото-

рый привел всю страну к пропасти. Кто и в какой степени несет вину за формирование и функционирование административной системы, не отвечающей потребностям общества и человека, — на эти вопросы как раз и предстояло ответить такому уникальному учреждению как ЧСК. Причем «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима, — подчеркнул Муравьев. — Можно сказать: “те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали”. <...> мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения <...> Эти процессы исключительны не только в силу самих преступлений, совершенных старым режимом, а также и потому, что, по крайней мере за истекшее столетие, не было процесса во всемирной истории, когда на скамью подсудимых следовало бы усадить и судить не отдельных министров, а целый совет министров»⁸. Издавая закон, государство связывает им не только подчиненных ему индивидов, но вместе с тем и самое себя, то есть государство в лице своей правительственной власти также подчинено закону, как каждый в отдельности гражданин⁹.

Действительно, ЧСК стремилась и готова была провести целый ряд политических и уголовных процессов, а также применить к части подследственных лиц закон об ответственности в административном порядке. В президиуме ЧСК было признано целесообразным, во-первых, представить заключения об освобождении от уголовной ответственности тех лиц, уголовные дела которых признаны Комиссией «имеющими общее значение лишь для характеристики старого режима и представляются незначительными по свойству предъявленного обвинения», и во-вторых, передать компетентным «судебным властям по принадлежности для дальнейшего производства на общем основании тех из числа прочих дел, производящихся комиссией, кои не могут быть приведены к окончанию ко времени ликвидации работ комиссии»¹⁰, другими словами, кого и по какой статье закона конкретно следует привлекать к судебной ответственности, причем безо всяких юридических натяжек в угоду политической конъюнктуры. При этом признаки безответственной деятельности государственного органа или должностного лица, по мнению С. Б. Полякова, налицо, когда: «1) он волен сам судить о своем праве; 2) он сам поддерживает свое право; 3) над ним нет судьбы; 4) находящиеся под его властью лишены свободы судить о своем праве или защищать его, так как заведомо находятся в неравном положении с ним во всех отношениях»¹¹.

На одном из первых заседаний Комиссии 19 марта 1917 г. член президиума ЧСК Н. Д. Соколов заявил: «Комиссия не должна руководствоваться в следственной работе лишь формально-юридической стороной дела, а призвана

выяснить и более общий вопрос об уголовной ответственности высших должностных лиц в том случае, когда они, действуя исключительно в целях охраны существующего режима, отстаивая его по велению Монарха или же по личному побуждению, заведомо нарушают при этом интересы государства и, стремясь спасти форму, сознательно губят ее содержание»¹². Это суждение вызвало оживленный обмен мнениями, после чего по предложению Н. К. Муравьева решено было передать данный вопрос «на обсуждение юридической Консультации при Комиссии, с приглашением в нее, кроме криминалистов, также и специалистов по Государственному праву»¹³.

Мнение Юридического совещания, созданного при ЧСК специально для выяснения спорных юридических вопросов, выразил один из его членов, присяжный поверенный О. О. Грузенберг, заявив, что «попытка исходить из понятия интересов государственных, нарушенных министром — не выдерживает критики ввиду субъективности суждения о государственном интересе и пользе. Потому на первый план следует ставить вопрос о том, имеется ли состав преступления в том или ином конкретном деянии. В этом отношении надо отличать два момента: нарушение конституционного права и нарушение общих норм уголовного закона. В обоих случаях следует иметь в виду, что высшие должностные лица империи вовсе не были обязаны осуществлять всякое веление Монарха, ибо на основании ст. I Основных законов Российское государство даже и до 1906 года не было деспотией, и, следовательно, совершенные ими на основании этих повелений преступные деяния влекут для них установленную законом ответственность»¹⁴.

Вызывал у членов ЧСК дискуссии и вопрос о круге расследуемых противозаконных деяний. Н. Д. Соколов заявил: «В поле нашего зрения должны быть включены не только преступления бывшей власти, но и деяния, противные нашей совести и направленные против интересов народа. Мы должны собрать весь этот материал, а что мы будем делать с ним, это видно будет потом. У.У.С. мы не предусмотрены, и потому сами должны составить себе наказ». Более компетентно и резонно высказался по этому поводу следователь ЧСК И. В. Кондратович: «В нашей деятельности нужно различать две функции: мы начинаем с политического расследования и здесь мы не стеснены У.У.С. Если при этом расследовании будут обнаружены преступления, мы составляем постановление о привлечении к судебному следствию и тогда начнутся допросы с строгим соблюдением всех правил У.У.С. Чтобы избежать нареканий, нам нужно только добиться изменения положения о Чрезвычайной Следственной Комиссии в том смысле, что нам принадлежит право расследования не только противозаконных действий высших должностных лиц бывшей власти, а всей их деятельности». В ответ на это замечание Н. Д. Соколов парировал:

«Пока нам никакого особого декрета не нужно. Устав о службе гражданской дает нам право ставить наше расследование достаточно широко. Дисциплинарный проступок есть тоже действие противозаконное»¹⁵.

В продолжение дискуссии опытный правовед-практик сенатор С. В. Завадский предложил конструировать соотношение между протоколами допросов в Комиссии и актами следственного производства следующим образом: «При нормальном порядке расследование должностных преступлений начинается с того, что начальство требует письменных объяснений. Здесь умалчивать ни о чем нельзя. Наш допрос это и есть то же требование письменных объяснений». При этом председатель ЧСК Н. К. Муравьев еще раз напомнил всем участникам заседания: «...мы производим не только судебное, но и политическое расследование. Если Комиссии принадлежат prerogative бывшего начальства высших должностных лиц, то Комиссия должна эти права реализовать»¹⁶.

Другой следователь ЧСК, М. Н. Фитцтум, отметил еще одну особенность расследования: «Департамент полиции сравнительно легок для исследования: там возможен приступ прямо к уголовным правонарушениям. Но вот Штюрмер – он был Председателем Совета Министров, Министром Внутренних Дел, Министром Иностранных Дел. Разве мыслимо рассмотреть тысячи, а может быть, десятки тысяч прошедших через его руки бумаг в надежде найти что-нибудь преступное». В этом суждении его поддержал коллега Б. Н. Можанский, сделав предположение, что работать над Департаментом полиции легче, «потому что здесь всегда может быть презумпция о преступности отдельных чинов этого органа»¹⁷.

Продолжая эту мысль, следователь И. В. Кондратович высказал сомнение по поводу корректности первоначального плана работы ЧСК: «Идти лучше не по министрам от одного к другому, а необходимо оставить перед собой определенные явления, содержащие признаки преступления, и начать исследование – кто виноват. Работа должна идти по фактам. Вот хотя бы злоупотребление ст. 87 Учр. Гос. Думы. Закон указывает точно пределы ее применения, а у нас с этим совершенно не считались. Мы и должны исследовать, где, в ком причины этого явления». Однако, по мнению Н. К. Муравьева, это не имело значения. «Находясь в распорядительном центре, через который проходят нити всех следственных действий, могу сказать, – указывал он, – что идти по фактам или продолжать работу в нашем направлении – это одно и то же, потому что известные действия приписываются лишь определенным лицам»¹⁸. Как видно из дальнейшего обсуждения этой проблемы, далеко не все сотрудники ЧСК поддерживали тезис о безусловной виновности подследственных, в частности руководителей правоохранительных органов империи. Так, к примеру, следователь ЧСК Т. Д. Руднев придерживался того

мнения, что «презумпции о преступности Департамента полиции не было и не могло быть, иначе бы я, например, не был судебным следователем по особо важным делам, я считаю, что объективный материал чрезвычайно важен»¹⁹.

Приоритет объективности следственного материала был положен в основу организации расследования практически всеми руководителями следственных частей и членами президиума ЧСК. Так, например, опытный криминалист С. В. Завадский не видел возможности устанавливать заранее «положения по методологии следственной работы» и полагал, что для нее хороши все методы, кроме тех, которые не приводят к цели. «Невозможно указать, когда нужно руководствоваться одними изустными показаниями, а когда одними документами, – утверждал он. – Здесь нет абсолютного принципа, и ссылка одного из предыдущих ораторов на метод работы историков неубедительна, нужно предоставить каждому следователю идти тем путем, который подсказывается ему его опытом и обстоятельствами дела»²⁰. Наряду с этим Завадский особо подчеркнул наличие определенных трудностей в деятельности следователей такого специфического органа, как ЧСК, отметив, что их работа была очень своеобразной: «...одно – отправляться от факта, имеющего, по видимости, необходимые признаки преступления, и совсем другое – искать в делопроизводственных бумагах, не найдется ли какого-либо уголовно наказуемого деяния»²¹.

Подобный метод следственной работы, который председатель ЧСК назвал «криминализацией» деяний, совершенных бывшими высокопоставленными сановниками Российской империи, нашел понимание и поддержку далеко не у всех сотрудников Комиссии. К этому выводу можно прийти на основании сведений, содержащихся в протоколе заседания Юридического совещания при ЧСК от 7 апреля 1917 г., где, в частности, зафиксировано, что член Юридического совещания Б. Э. Нольде присоединяется к мнению той части его членов, которая считает, что «вне рамок уголовного кодекса не может быть предъявлено каких-либо обвинений, так как все суждения о нарушении истинных интересов народа относятся к области политики и отличаются крайней субъективностью»²². О подобном подходе свидетельствует и позиция следователя ЧСК В. С. Оголевца, который категорически высказался за первоочередную важность объективности сведений, полученных в ходе расследования. «Предварительно допроса свидетелей надо изучать документы, <...> бумаги нам все дадут, – считал он. – Всего мы, конечно, не обхватим, нужно уметь выбрать существенное»²³.

Таким образом, большинство следователей ЧСК отчетливо осознавало, что ставить во главу угла политические моменты, несмотря на существующую конъюнктуру революционного момента, нельзя, так как в противном случае расследование Комиссии потеряло бы объектив-

ность, а значит, легитимность и доверие общества. Лишь беспристрастность сотрудников ЧСК и соблюдение ими существующих норм права в ходе следственной работы могли обеспечить соблюдение законности.

29 сентября 1917 г. председатель Комиссии доложил министру юстиции П. Н. Малянтовичу, что «работа Чрезвычайной Следственной Комиссии по большинству следственных частей ее может к настоящему моменту считаться закончившейся в первой своей стадии – определены круг ответственных лиц, установлены предметы обвинения»²⁴. В связи с этим предстояло решить следующий важный вопрос – о будущем суде. Было очевидно, что дела, расследуемые ЧСК, резко отличаются от обычных уголовных дел, и заключения по ним существенно отличаются от обычных, классических обвинительных конструкций, известных в судебной практике. «Никогда еще история русского суда не знала процессов о носителях власти, столь высоко стоявших в иерархической лестнице, – справедливо отмечал Н. К. Муравьев, – никогда суду не приходилось высказываться об уголовном значении целой системы управления»²⁵.

Будущее показало, что с годами достижения и наработки ЧСК не только сохранили свою значимость, но и стали очень актуальными. Получилось так, что «перед Чрезвычайной следственной комиссией стоял тот же вопрос, который через 29 лет после окончания мировой войны встал перед четырьмя великими державами, – совершенно точно определил М. В. Вишняк, – отпустить преступника на том основании, что в законе не было предусмотрено преступное деяние и кара за него, или подвергнуть преступника заслуженному наказанию, несмотря на формальный пробел и упущение в законе?»²⁶. И в том и в другом случае вошли в противоречие две бесспорные для правоведа истины. Первая – нет преступления, нет наказания без того, чтобы они заранее не были оговорены законом или обычаем. Вторая – безнаказанность преступления опрокидывает любой правовой порядок. В последнем случае общественное сознание, не увидев свершившегося правосудия, будет искать справедливость другим, скорее всего не правовым путем.

«Подобный же конфликт правовой совести возник по окончании Второй мировой войны, – справедливо отмечал М. В. Вишняк, – когда встал вопрос об ответственности за причиненные во время войны злодеяния»²⁷. Тогда по соглашению между четырьмя державами-победительницами об организации международного военного трибунала были определены военные преступления, а также преступления против мира и против человечества. В связи с этим Вишняк высказал смелое и логичное предположение: «Может быть, Нюрнбергский процесс являл собою не революционное только осуществление права, как утверждают некоторые американские юристы, а – революцию в праве. Во всяком случае, если юристов часто упрекают в том, что для них пусть мир пропадет,

но правосудие должно совершиться, – в данном случае, в Нюрнберге 1946-го года, как и в Петрограде 1917-го, дело обстояло иначе. Отступление от формальных узаконений и процессуальных форм отнюдь не всегда является и правонарушением. Особенно во время войны и революции»²⁸.

Таким образом, ЧСК, как мы убедились, хотя и не совершила революции в праве, была очень близка к этому и создала очень важный политико-правовой прецедент объективного расследования деятельности представителей правящего класса и подготовки суда над политическим режимом и его высшими функционерами. Думается, что те уроки и выводы, которые представила на суд истории и общества Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства в 1917 г., будут все-таки востребованы и в наше время – в условиях построения правового демократического государства в России.

Примечания

- 1 См.: Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Ответственность государства за действия должностных лиц: публично-правовая или частноправовая? // Правоведение. 1993. № 1. С. 72–80.
- 2 См.: Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000. С. 6.
- 3 Толстова И. А. Государство как субъект юридической ответственности // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Право. 2011. Вып. 25. С. 40–53.
- 4 Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 124.
- 5 Там же. С. 125.
- 6 Муравьев Н. К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии. Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 См.: Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 11–12.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.
- 11 Цит. по: Поляков С. Б. Юридическая ответственность государства. М., 2007. С. 45.
- 12 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Д. 2. Л. 19.
- 15 Там же. Д. 4. Л. 6.
- 16 Там же. Л. 6 об.
- 17 Там же. Д. 2. Л. 22.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 23.

²¹ Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции : в 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 42.

²² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 94.

²⁵ Там же. Л. 94-94 об.

²⁶ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 294.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК: 316.485.26(475+571)

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Ю. Н. Полтавская

Саратовский государственный университет
E-mail: teleprofi@gtrk.renet.ru

В статье анализируется сущность двух сходных феноменов общественной жизни – радикализма и экстремизма. Также обозначаются и характеризуются особенности каждого из явлений и причины их появления в общественной жизни. Главная задача исследования состоит в выявлении политического смысла понятий. Результатом стала сравнительная таблица феноменов радикализма и экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, причины экстремизма, политический смысл радикализма.

Radicalism and Extremism: the Political Meanings

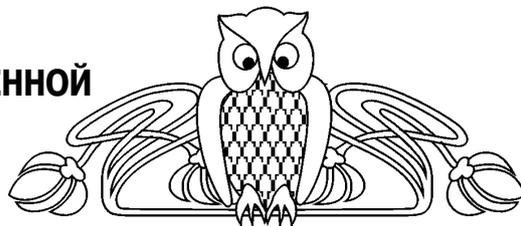
Yu. N. Poltavskaya

This article analyzes similar nature of two phenomena of social life. They are Radicalism and Extremism. Also we identify and describe some features of these phenomena and reasons of their appearance. The main task of the research is to identify the political meaning of the two concepts. The result of the research is a comparison table of these phenomena.

Key words: extremism, radicalism, causes of extremism, political meaning of radicalism.

Молодежный радикализм как предмет изучения представляет собой общественно-политическое явление, которое неразрывно связано с политической историей человечества. Постоянным «попутчиком» молодежного радикализма, имеющего разнообразные формы проявления, является экстремизм. С целью разработки теоретических основ дальнейшего исследования и более точного понимания изучаемого феномена необходимо выделить и рассмотреть оба термина.

Радикализм и экстремизм, представляя собой смежные понятия как в науке, так и в общественной жизни, тем не менее, имеют некоторые различия. Их определение является одной из важнейших задач исследования природы двух явлений. Словарь иностранных слов предлагает следующую трактовку радикализма – «идейно-политическое течение в капиталистических странах, возникшее в XIX в., сторонники которого

подвергают критике капиталистическую систему и настаивают на необходимости радикальных реформ в рамках капиталистического строя; в ряде современных капиталистических стран выражает протест против антидемократизма, милитаризма и пороков капиталистической системы, а также использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий»¹. Однако некоторые словари придают радикализму определенную политическую окраску. Например, словарь под редакцией Т. Ф. Ефремовой обозначает радикализм как «политическое течение, ориентирующееся на проведение демократических реформ в рамках существующего государственного строя»². Таким образом, понятию радикализма придаются черты созидательного процесса, одного из характеристик демократизации.

Общественная практика показывает, что радикализм не всегда имеет политическую нагрузку и несет демократический потенциал. Феномен проявляется во всех сферах человеческой деятельности. Характерной чертой, позволяющей назвать то или иное явление радикальным, можно считать приверженность носителей крайним взглядам на сущность социума в целом, характер функционирования системы общественных связей и т. д. Ярким примером являются представители субкультур, большая часть которых принципиально аполитична или же придерживается анархистских настроений. Существующие неформальные подростково-молодежные объединения можно типологизировать на: гедонистско-развлекательные («наслаждение и развлечение»); спортивно-соревновательные; профориентационные; эскапистские («уход от мира»); мистагогические («вводящие в тайну», связанные с духовным поиском); коммерциализованные (сформированные для достижения прибыли); субкультуры социального вмешательства (все субкультуры, ориентированные на улучшение или изменение сложившейся общественной системы или ее элементов); примыкающие к ним лидерско-менеджерские; криминальноориентированные. Традиционно радикализм направлен против существующего порядка вещей, однако

события последних лет доказали, что имеет место и радикальная поддержка имеющегося режима.

Экстремизм зачастую определяется как приверженность крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)³. Подобное определение воспроизводят многие словари.

На основе данного первичного сравнения мы можем выделить некоторые различия: радикализм – это приверженность решительным действиям (которые могут и не быть крайними), экстремизм – это крайние меры по изменению политической реальности, «экстремизм относится к средствам, а не к цели (вообще говоря, в отличие от радикализма)»⁴. Так, радикалами можно назвать приверженцев решительных действий, а экстремистами можно считать сторонников применения крайних средств.

Радикальные, или крайние меры могут повлечь за собой нарушение некоторых принципов организации человеческого общежития, обеспечиваемых силой государства. Именно поэтому следует выяснить не только смысловое наполнение терминов, но и их политико-правовой смысл. Для этого проанализируем нормативную базу на наличие и смысловое содержание терминов «радикализм» и «экстремизм». К примеру, интернет-версия «Консультант-плюс» на запрос «радикализм» выдает 26 документов, так или иначе касающихся радикализма, на запрос «экстремизм» – 49. Проблема в том, что разница в количественных показателях усиливается качественным анализом нормативных актов.

Радикализму в полной мере не посвящен ни один законодательный акт. Его роль, с точки зрения законодателя, ограничивается причинами (сводится к тому, что он является причиной) некоторых явлений, например терроризма: «Основными внутренними факторами, обуславливающими возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации, либо способствующими ему причинами и условиями, являются ... ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации»⁵, или же радикализм занимает место явления, которое можно искоренить воспитательными мерами⁶.

Экстремизму посвящено множество законов, главный из которых Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяет экстремизм как деятельность, направленную на создание серьезной угрозы конституционным основам Российской Федерации, то есть насильственное изменение строя, подрыв безопасности, создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности и т. д.⁷ Необходимо указать на несоответствие этого закона Уголовному кодексу, т. к. согласно последнему большинство государственных преступлений подпадает под экстремистские.

Серьезность перечисленных деяний очевидна, для них характерна агрессивная направленность не только на общественный уклад жизни, но и на политическую составляющую, на государство. В законе экстремизм соотносится с терроризмом, который является его частью и несет в себе прикладное значение, один из вариантов тактики политической борьбы, связанный с применением идеологически мотивированного насилия.

Считать те или иные действия экстремистскими позволяет совокупность следующих критериев:

– действия связаны с неприятием существующего государственного или общественного порядка и осуществляются в незаконных формах. Экстремистскими будут те действия, которые связаны со стремлением разрушить, опорочить существующие в настоящее время общественные и государственные институты, права, традиции, ценности. При этом такие действия могут носить насильственный характер, содержать прямые или косвенные призывы к насилию. Экстремистская по содержанию деятельность всегда является преступной по форме и проявляется в виде совершаемых общественно опасных деяний, запрещенных законодательством РФ;

– действия носят публичный характер, затрагивают общественнозначимые вопросы и адресованы широкому кругу лиц.

Заметим также, что 25 июля 2011 г. указом президента была создана Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму, в состав которой вошли министр внутренних дел Российской Федерации, директор ФСБ России (заместитель председателя Межведомственной комиссии), министры культуры, обороны, образования и науки, регионального развития, связи и массовых коммуникаций, спорта, туризма и молодежной политики, министр юстиции, Председатель Следственного комитета и другие. Названных лиц достаточно, чтобы понять какую огромную значимость придает власть решению проблемы экстремизма, но что более показательное – так это осознание властью комплексного характера данного общественного явления, которое нельзя победить сугубо силовыми методами.

Второй аспект сравнения – отношение каждого из двух явлений к действующей власти и государственному строю. С точки зрения реального политического процесса радикализм и экстремизм имеют совершенно разную сущность: если первый – это угроза стабильности режима, то второй – угроза самому существованию государства и его основам. Стремление власти законодательно урегулировать или взять под контроль происходящие процессы говорит о явной политической значимости такого феномена как экстремизм. Во-первых, политика выступает творцом права. Во-вторых, политика, выполняя управленческую функцию, реализует нормы права. В-третьих, политика определяет формы и сте-

пень жесткости контроля выполнения правовых норм. В-четвертых, она может ставить под сомнение актуальность тех или иных норм и способна изменять или отменять их как законным, так и незаконным путем, действуя во имя «революционной целесообразности», «здорового смысла» и т. п. В-пятых, право используется политикой в интересах легитимации власти. Оно реализует рационально-легальный тип легитимности, что является необходимым, хотя и недостаточным условием нормального функционирования политической системы общества.

Основу для появления радикализма как феномена общественной жизни составляет недовольство эффективностью политико-управленческого аппарата государства, но это не может объяснить довольно широкого распространения радикализма. На наш взгляд, катализатором является отсутствие выбора для реализации своих возможностей и исправления «недочетов» в своей жизни, отсутствие государственного заказа на воспитание молодежи, сужение пространства личностного выбора из-за направленности социальных практик на выживание и удовлетворение материальных потребностей.

Для России как страны с незападной политической культурой характерно, во-первых, отношение субъектов политического процесса (индивидов, групп, классов, партий) к существующим институтам, системе в целом. Радикализм в отношении к властным структурам характеризуется устойчивым, критически негативным отношением к политической системе, отдельным ее элементам, требованием их изменения, нацеленного как на инновации, так и на реставрацию существовавших в прошлом структур, ценностей. Во-вторых, большое значение имеют отношения между элементами, институтами внутри системы. Взаимодействие партий, властвующих и оппозиционных групп, законодательной, исполнительной, судебной власти, средств массовой информации и властных структур и т. д. отличается слабо выраженной готовностью и способностью к цивилизованному, легитимному урегулированию возникающих конфликтов, разногласий, выработке совместных решений. В-третьих, отношение политической системы, ее институтов к политическим субъектам характеризуется приоритетностью силовых,

насильственных методов воздействия на них⁸. Радикальной является революционная, террористическая, экстремистская деятельность, но такой может быть и реформаторская деятельность. Радикализм проявляется на микро-, мезо- и макроуровне политики.

В качестве причин и условий радикализма и экстремизма в самом общем виде выступают общественные противоречия. Социально-государственная ткань современного высокоразвитого общества с достаточно богатой культурой и историей пронизана множеством самых разных противоречий, среди которых особое значение для уяснения сути понятий имеют противоречия между большими и сверхбольшими группами людей, в числе которых обычно выделяются следующие:

- межрелигиозные и межконфессиональные;
- межэтнические и культурно-этнические;
- политические (между силами, борющимися за власть в государстве);
- межнациональные (межгосударственные, международные);
- межклассовые;
- рыночно-экономические (между представителями различных отраслей современной экономики и различными глобальными игроками современного рынка);
- идеологические (между приверженцами различных идеологических течений и доктрин, предлагающих различные формы и способы разрешения всех социальных противоречий).

В ходе настоящего исследования мы проанализировали разные аспекты радикализма и экстремизма, пытались выявить различия между ними и систематизировать их. Чтобы добиться комплексного понимания, мы рассмотрели государственный взгляд на экстремизм, поскольку власть – не только объект воздействия, но и субъект управления обществом, а значит, это дает возможность увидеть характер феномена – политический, социальный или иной. Результаты исследования для наглядности можно свести в таблицу.

Таким образом, радикализм и экстремизм соотносятся как целое и часть. Первый представляет собой широкий культурный феномен, которому подвержены все сферы жизни: социальная, экономическая, культурная, политиче-

Сравнительные характеристики понимания радикализма и экстремизма государственной политикой

Объект сравнения	Радикализм	Экстремизм
Характер феномена	Социальный (индикатор состояния общества)	Политический
Объект воздействия	Общественные отношения в целом	Власть, государство, политический строй
Методы предупреждения	Культурные (воспитание, пропаганда)	Политические (ограничения, силовые методы)
Реализация взглядов, уровень общественной опасности	Угроза стабильности, равномерному развитию государства	Угроза основам государственного строя

ская и т. д. Имеет радикализм и политическое измерение, его сторонники исповедуют быстрые и решительные преобразования в политической сфере, причем методами служат реформы. В определенной мере они выходят за рамки традиционных реформаторских практик, являясь в этом смысле чисто политическими решениями и угрожая на первоначальном этапе политической и социальной стабильности. Опасность заключается только в неготовности общества к преобразованиям.

Экстремизм можно определить не только как часть политического радикализма, но и как самостоятельный феномен. Сознательно опускаем содержательный аспект, поскольку он может быть абсолютно разным, от правых взглядов до левых. Ключевой характеристикой, по которой в реальном политическом процессе субъектов социально-политической жизни можно разделить на радикальные и экстремистские, является именно уровень опасности методов их деятельности для общества и государства.

Примечания

- 1 Словарь иностранных слов. URL: <http://poiskslov.com/word/радикализм> (дата обращения: 14.02.2012).
- 2 Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://www.>

efremova.info/word/radikalizm.html (дата обращения: 14.02.2012).

- 3 Словарь иностранных слов.
- 4 Фридман Ю. Что такое политический радикализм. Ответы на опрос журнала «Полярная звезда». URL: http://www.zvezda.ru/politics/2002/11/14/radicalism_2.htm (дата обращения: 19.02.2012).
- 5 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Рос. газ. Федер. вып. 2009. № 5022. 20 окт.
- 6 См., например: Закон г. Москвы от 30.09.2009 № 39 (ред. от 14.12.2011) «О молодежи», Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23.09.2010 № 1256 (ред. от 14.09.2011) «О Программе гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы (программа “Толерантность”»». К сожалению, законодатели Саратовской области не видят подобной проблемы в обществе, о чем свидетельствует закон «О молодежной политике в Саратовской области» и др.
- 7 См.: О противодействии экстремистской деятельности (с изм. и доп.): федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.
- 8 См.: Смертин А. Н. Радикализм как политическая традиция в истории России // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2007. № 12. С. 153.

УДК 323.3

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ИДЕНТИФИКАЦИИ «НАРОДНОЙ» АРМИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. В. Ливерко

Саратовский государственный университет
E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

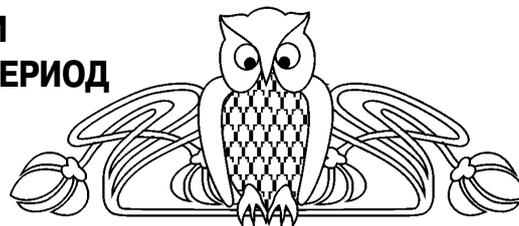
В статье рассмотрены общие характеристики и особенности политической идентичности военнослужащих в современной России. Автором выявлены имеющиеся в литературе различные трактовки структуры политической идентичности и обосновано понимание факторной обусловленности ее специфики у российских военнослужащих в контексте модернизации российской армии.

Ключевые слова: политическая идентичность, политическая идентификация, специфика политической идентичности военнослужащих.

Peculiarities of Identification Model of “People’s” Army during the Post Soviet Period

O. V. Liverko

General features and peculiarities of military citizens’ identity in modern Russia are considered in this article. The author pinpointed different approaches to the structure of political identity and explained

several factors effecting military citizens’ identity within modernization of the Russian army.

Key words: political identity, political identification, features of military citizens’ political identity.

Совместными усилиями политической и социологической науки сегодня достаточно хорошо представлена макроисторическая динамика политических идентичностей российских граждан и социальных и элитарных групп¹. Существуют модели, основанные на представлениях о базовых традициях разных социумов², об уникальных свойствах национальных менталитетов³, влиянии на политическую идентичность глобальных процессов⁴, позволяющие описывать и прогнозировать данную динамику.

Тем не менее эти модели недостаточно четко объясняют и характеризуют резкие подвижки в ценностных ориентациях субъектов политики на коротких отрезках политического процесса. Это

часто происходит при обострении конфликтов в социально-политической системе по вопросам стратегии и тактики общественного развития. В этих условиях у большинства субъектов «вдруг» возникает новая политическая идентичность и наступает кризис прежней. Яркие сторонники, например, коммунистической идеи вдруг превращаются в столь же яростных ее критиков, приверженцы абсолютной ценности гражданских прав и свобод переориентируются на консервативные ценности патриотизма и централизованного государственного управления, вполне толерантные к «чужим» граждане становятся ксенофобами. Однако такой резкий переход неизбежно сопровождается кризисом идентичности не только на уровне социальных групп, но и на внутриличностном уровне. Обусловлен он тем, что само понятие идентичности трактуется прежде всего как качество существования индивида, основанное на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твой тождество и непрерывность признаются окружающими⁵. В данном же случае происходит разрыв во времени (теряется преемственность с предшествующими поколениями) и в пространстве (групповые идентификационные маркеры начинают играть доминирующую роль по сравнению с другими социальными группами).

Такие резкие инверсии в ценностных предпочтениях специалисты обычно характеризуют как проявление неустойчивости политических идентичностей, как негативный симптом, характеризующий перспективы данного социума и государства. Но такие ценностные инверсии и расколы можно наблюдать постоянно, и они не останавливаются, а часто даже ускоряют прогресс политической культуры и политической практики.

Политическая идентичность – это прежде всего результат самосознания индивида и является собой «продукт самоидентификации на основе устойчивых социокультурных и социопсихологических критериев, отражающих социальную интегрированность и ощущение естественной включенности данного индивида в крупную, политически оформленную общность, представляющую и защищающую его разнообразные интересы»⁶.

Для теоретической характеристики таких инверсий, происходящих на небольших отрезках политического процесса, необходима теоретическая модель, не апеллирующая к «вечным» началам в политической практике и политической культуре, а концентрирующая внимание исследователя на технологической стороне ценностных инверсий, то есть модель, нацеленная на прикладное применение.

В свое время была создана физическая модель искривлений в пространстве и времени, благодаря которым в «коридорах времени» образуются «червоточины» (или порталы), позволяющие разным

материальным объектам взаимодействовать вне границ собственных временных и пространственных континуумов⁷.

Модели физической реальности ограниченно применимы для описания реальности культурной, да и у самих физиков такая модель вызывает нарекания. Еще А. Д. Сахаров, рассматривая природу гравитации, утверждал, что суть ее – в наличии большой метрической упругости, противодействующей искривлению пространства-времени всюду, кроме мест, где сконцентрировано много вещества. Поэтому существует большая упругость пространства, противодействующая его искривлению. Массы вещества не притягиваются друг к другу, а выталкиваются упругостью пространства в таких направлениях, при которых обеспечивается минимизация в нем количества участия кривизны, образуемых компактными скоплениями вещества. При этом А. Д. Сахаров отождествлял действие упругости пространства с «изменением действия квантовых флуктуаций вакуума при искривлении пространства»⁸.

Но сам принцип построения этой физической модели вполне может быть использован для построения модели искривлений в политико-культурном пространстве и времени, образования своеобразных «червоточин» в «коридорах» социально-политических идентификаций.

Такая модель позволяет образно представить механику расколов и инверсий, возникающих в ценностном поле политики. «Коридор» политических идентичностей конкретного политического субъекта составляют его ориентации на те ценности, которые он опознает в качестве эксклюзивных для своего политического самоопределения, отличающих его в лучшую сторону (в плане легитимности и функциональности) от других участников политического процесса. Ценности выглядят для стороннего наблюдателя относительно устойчивыми именно потому, что они постоянно движутся в пределах некоего «коридора», определяющего и направленность их движения в политическом пространстве и времени, и возможности взаимодействия с ценностями, движущимися в границах других коридоров.

Например, ценности патриотизма отличают политическую идентичность военнослужащих, так как именно на их основе формируется готовность переносить все тяготы службы и жертвовать собой во имя защиты своего Отечества. Этим патриотизмом военнослужащие гордятся не только потому, что осознают его особое значение для своей группы, но и в связи с его признанием со стороны других социальных групп и населения страны в целом. Формирование чувства гордости за свою народную Советскую армию лежало в основе патриотического воспитания всех граждан СССР и создавало основу для положительных идентификационных маркеров военнослужащих срочной службы («школа для настоящих мужчин», «мужское братство» и др.).

Это устойчивая ценностная ориентация, но для разных групп военнослужащих она показывает различную динамику. Для профессиональных военнослужащих она подкреплялась также и определенными статусными льготами (ранний выход на пенсию, льготы на квартиру, более высокая по сравнению со средней по стране заработная плата). Это выделяло офицеров среди других групп населения в качестве определенной элиты и делало притягательным вхождение в нее. Конкурс в военные училища был одним из самых высоких среди всех вузов. Выпускники военных училищ рассматривались как весьма завидный вариант для создания семьи многими советскими девушками (гарантированное физическое и нравственное здоровье мужа, а следовательно, и будущих детей, высокий социальный статус в обществе).

Искривления в пространственно-временном движении этого «коридора» возникают тогда, когда ценности, имеющие историческую привязку к определенной политической идеологии и практике, в условиях быстрых политических изменений приобретают трансполитичность и трансидеологичность (ценности патриотического спектра в данном случае являются показательным примером). В этих местах ценностные поля разных политических субъектов как бы соприкасаются, и возникают те самые искривления, которые далее развиваются в «червоточины». Через последние (их образование и расширение, направленность хорошо фиксируются по дискуссиям в СМИ вокруг идеологических, культурных, гражданских и иных ценностей политики, по возникающей идеологической всеядности составителей партийных программ) происходит опознание политическими субъектами своих собственных ценностей в структуре чужих политических идентичностей, а в самих «похитителях» опознаются политические союзники либо конкуренты.

В «коридорах идентичности» военнослужащих такие «искривления» стали возникать еще в период перестройки, когда руководство КПСС стало возлагать на армию несвойственные ей по статусу (народная армия для защиты Отечества от внешней угрозы) задачи по наведению порядка в различных конфликтных зонах в ряде республик СССР. В результате силовых акций подразделений Советской армии против мирных и не совсем мирных демонстраций (Алма-Ата, Ош, Сумгаит, Тбилиси и др.) возник конфликт между традиционной самоидентификацией военнослужащих и теми идентификационными маркерами, которые стали навязывать обществу представители демократических политических сил, особенно в национальных республиках («агрессоры», «жандармы», «захватчики» и др.). Кроме того, характер Советской армии, принципы ее формирования и функционирования подвергаются резкой и массивной критике в перестроечных общесоюзных СМИ. Критикуются прежде всего «дедовщина», отсутствие свободы выбора для молодых людей

между службой в армии и альтернативными возможностями. Начинается обоснование необходимости перехода к контрактной профессиональной армии.

В 1990-е гг. противоречия в идентификации Российской армии осложнились не только чеченскими событиями, но и совокупностью всех преобразований в политической и социально-экономической системе. Внедрение рыночных отношений и процессы «дикой» приватизации радикально изменили характер взаимоотношений общества и социально-политических институтов. Резкое расслоение российского социума по многим основаниям наложилось и на социально-пространственную идентификацию российской армии. Появились социальные группы («новые русские», «новая управленческая номенклатура» и др.), которые службу в армии рассматривали как несовместимую со своим статусом. Представители многих других социальных групп стали воспринимать перспективу службы своих детей как максимально нежелательную, которой нужно избегать всеми доступными средствами. Появилось понятие «косить от армии», которое уже не воспринималось в массовом сознании как девiantное поведение и не вызывало общественного порицания, так как армия уже не рассматривалась как народная. Социальный статус военнослужащего был отброшен в ранжированной иерархии социальных предпочтений с первых мест далеко за середину.

Несмотря на усиление роли государства в системе политической социализации и положительные сдвиги в военной политике в 2000-е гг., полностью изменить ситуацию не удалось. Как представляется, вернуть достойное место военнослужащим в социальной структуре России возможно не только с помощью существенного повышения их заработной платы, но и с помощью новых идентификационных маркеров восприятия армии в обществе. Их формирование возможно в той мере, в какой ведущие российские политические субъекты осознают, что прежних ценностей, наполненных старым смыслом, не вернуть, что их место должны занять новые ценности российской армии, имеющие общесоциальный и общегосударственный смысл, соответствующий политическим и социально-экономическим условиям современной России. В отношении к армии должно происходить налаживание взаимодействия конкурирующих политических субъектов в рамках образовавшейся «червоточины» для того, чтобы заполнить ее новым содержанием.

Новые ценности в отношении российской армии могут выполнить функцию своеобразных порталов в «стенках коридоров идентичностей» индивидов и социальных групп и позволят российским субъектам политики найти взаимопонимание по определению места и роли армии в обществе. В свою очередь, это даст возможность гражда-

нам страны бесконфликтно идентифицировать российскую армию и военнослужащих в едином положительном социально-статусном и культурном измерении даже в случае своего нахождения в разных политико-идеологических и партийных пространствах и включения в разные, часто разнонаправленные политические процессы.

Данная модель позволяет изучать разнообразные социальные группы именно как субъектов политики. Сложившееся традиционное политологическое понимание основывается на том, что социальная группа как субъект политики по определению может существовать только в том случае, если на нее обратит свое внимание государственная власть либо политическая партия. В результате использования предложенной модели политическая субъектность социальной группы возникает тогда, когда она проявляет активность и инициативность в выстраивании собственных идентичностей.

Предлагаемая модель позволяет использовать ее и в более широком контексте и рассматривать политическую идентичность современного российского социума не как неустойчивую и разрушающуюся, а как сложно организованную и развивающуюся систему, активно прогрессирующую, устойчивость которой обеспечивается именно различием динамики на разных ее уровнях.

Примечания

¹ См.: Суханов В. М. Региональная политическая идентичность в постсоветской России : теория и практика. Уфа, 2008 ; Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. М., 2006 ; Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002 ; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М., 2006.

- ² См.: Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23 ; Хархордин О. Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 38–59 ; Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культурные ценности россиян : динамика и следствие для экономического развития, М., 2009 ; Кочетков В. В. Цивилизационная идентичность России // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 3.
- ³ См.: Трофимов В. К. Душа России : истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск, 2010 ; Королев А. А. Этноменталитет : сущность, структура, проблемы формирования : монография. М., 2011 ; Горшков М. К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 110–114 ; Васильева Г. М. История европейской ментальности : учеб. пособие. Новосибирск, 2011.
- ⁴ См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность : Россия как «новый Запад» / Моск. Центр Карнеги. М., 2006.
- ⁵ См.: Эрикссон Э. Идентичность : юность и кризис. М., 1996.
- ⁶ Вилков А. А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. научн.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Редкол. : И. С. Семенов (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) [и др.] М., 2011. С. 158.
- ⁷ См.: Альберт Эйнштейн и теория гравитации : сб. ст. / под ред. Е. Курнаского. М., 1979. С. 146–196 ; Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 2007 ; Дубровский В. Н., Молчанов Ю. Б. Эволюционирует ли время, пространство и причинность? // Вопр. философии. 1986. № 6. С. 137–144.
- ⁸ См.: Сахаров А. Д. Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации // Докл. АН СССР. 1967. Т. 177. № 1. С. 70–71.

УДК 327.7

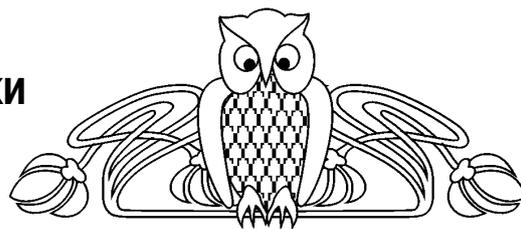
СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ

П. А. Жданов

Высшая школа экономики (г. Москва)
E-mail: p.jdanov@gmail.com

В статье описывается сетевая структура G20, которая включает в себя страны-участницы, международные организации и органы Двдцатки. Сетевой подход позволяет более детально показать структурные взаимосвязи акторов и тем самым выявить роль Двдцатки в глобальном экономическом управлении. G20 рассматривается как основной узел в сети глобального управления, интегрирующий усилия ключевых акторов международных отношений.

Ключевые слова: Группа Двдцати, международные организации, сетевой подход, глобальное управление.

The Network Structure of the Group of Twenty

P. A. Zhdanov

The article describes the network structure of the G20, which includes the participating countries, international organizations and organizations and authorities of G20. The network approach allows more detail to show the structural relationship between the actors and to identify the role of the G20 in global economic governance. The G20 is considered as a key node in the network of global governance, integrating the efforts of key actors in international relations.

Key words: Group of Twenty, international organizations, network approach, global governance.

Любая организационная структура определяется целями, которые данная организация преследует. От организационной структуры зависят такие важные параметры, как функции, задачи, разделение труда и система контроля. Структура во многом предопределяет успешность той или иной организации. Группа Двдцати не является исключением из этого правила: ее структура создавалась для реализации целей повышения уровня глобального управления для эффективной борьбы с финансовым кризисом.

На первый взгляд, структура G20 достаточно проста и не представляет интереса для изучения. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что она имеет сложную сетевую природу, включающую в себя деятельность практически всех акторов глобальной экономики, причем в разных комбинациях и с разным характером сетевых отношений. Для выявления реальной роли G20 в формировании международных отношений необходимо представлять, как и каким образом Двдцатка связывает остальных глобальных игроков, прежде всего системно значимые государства и международные организации, являющиеся проводниками глобального управления.

Группа Двдцати (G20) имеет ряд существенных отличий от обычных международных организаций, позволяющих судить о ее сетевой природе. Прежде всего это организационно-сетевая структура института, дополняемая принципами взаимодействия в его рамках.

Двдцатка не имеет постоянного секретариата и, соответственно, высшего руководства. Это обстоятельство имеет большое значение, поскольку позволяет G20 занимать центральное место в глобальной экономической системе и быть своеобразной «сетью сетей» (находиться на пересечении практически всех сетевых связей в глобальной экономике), в рамках которой международное лидерство распределено между всеми участниками. Децентрализация руководства и распределение управления форумом между лидерами стран-участниц позволяют им как повысить привлекательность формата, так и вывести G20 из конкуренции с остальными международными организациями.

Многими исследователями отмечается, что международные организации часто живут своей жизнью и нередко конкурируют между собой, стремясь получить дополнительные влияния и ресурсы. Такое положение приводит к отсутствию координации между ними, и их политика становится несогласованной, часто противоречащей друг другу. Руководство и структуры организаций стремятся к расширению своих полномочий, что зачастую наносит урон как международной системе, так и ее членам. Государствам, прежде всего

развивающимся, становилось все труднее реализовать свою экономическую политику через эти международные организации. В такой ситуации создание еще одной международной организации аналогичной организационной структуры не имело бы никакого смысла¹. Таким образом, сетевая структура G20 образовалась в результате нехватки влияния формальных международных организаций².

Тот факт, что ее членами стали лидеры стран, имеющие решающее значение в международных организациях, позволил наделить Двдцатку политическим влиянием на государства и международные организации. Предыдущая попытка осуществления глобального управления через G20 на уровне министров финансов оказалась менее эффективной и результативной. Именно уровень глав государств позволил наделить данную организацию огромной легитимностью для решения глобальных вопросов.

Важным принципом деятельности является равноправное участие государств в его деятельности. Принцип равноправия указывает на то, что при формировании решений Двдцатки каждое государство имеет равное значение, а соглашения, входящие в итоговое коммюнике, являются консенсусными. Однако на практике нельзя сказать, что все государства в рамках группы имеют одинаковое влияние. Критерием веса государства выступает его системно-сетевая взаимосвязь с другими глобальными акторами. Самое большое влияние, конечно, осталось у США как у страны с самой большой экономикой, связанной со всеми остальными мировыми акторами интенсивными и разнообразными отношениями, имеющими структурное значение для всего мира. Наглядным выражением системно- сетевого значения экономики США является экономический кризис, показавший, в какой степени мировая экономика взаимосвязана с Америкой. Однако кризис также показал, что в сетевом мире глобальное управление не может осуществляться без согласованных действий с другими системно важными узлами мировой экономики. В ряду первых стран по влиянию находится Китай. Во многом такой статус обеспечивается не столько размером национальной экономики, сколько системными связями с экономикой других стран.

Данные принципы организации укрепляют сложную организационно-сетевую структуру, присущую G20. Ее основными узлами являются государственные акторы, международные организации, структуры Двдцатки и собственно форум лидеров стран.

Государства-участники. Как уже отмечалось, G20 включает в себя основные системно значимые государства, имеющие разветвленные сети взаимодействия с другими государствами – как членами, так и не членами группы. Общегрупповая связь, конечно, имеет большее значение, так

как в этой связи интегрируется около 80% всей мировой экономики. Гипотетическое количество связей, учитывающих только двусторонние отношения в кругу стран – участниц группы, огромно (приблизительно 190). К этому следует добавить количество связей стран со странами, не входящими в Двадцатку.

Международные организации входят в состав G20 как самостоятельные акторы глобального управления и оказывают определенное влияние на деятельность группы. В подготовке решений саммита так или иначе принимают участие такие организации, как Форум финансовой стабильности (FSF), Международная организация регуляторов рынков ценных бумаг (IOSCO), Банк международных расчетов (BIS), Организация международного сотрудничества развития (OECD), Международный валютный фонд (IMF), Группа Ассоциаций профессиональных участников рынка (LIBA, SIFMA, ICMA, ISDA, FOA, ПАС, AFI, GPFI), Мировой банк (WB) и прочие международные организации. Но не все эти организации имеют одинаковое значение для выработки решений саммита. Исследование Института посткризисного мира³ ранжирует международные организации по степени их вклада в выработку решений Лондонского саммита:

1. Форум финансовой стабильности;
2. ИОСКО;
3. Банк международных расчетов;
4. Организация экономического сотрудничества и развития;
5. Международный валютный фонд;
6. Группа Ассоциаций профессиональных участников финансовых рынков (LIBA, SIFMA, ICMA, ISDA, FOA, ПАС);
7. Всемирный банк (WB)⁴.

Международные организации сами по себе имеют сетевую структуру, объединяя государства и других международных акторов, поэтому они являются подсетями (группами) G20. Некоторые международные организации являются членами других международных организаций. Так, например, Международная организация регуляторов рынков ценных бумаг (IOSCO) и МВФ являются членами Форума финансовой стабильности⁵, а ФФС, в свою очередь, принимает активное участие в деятельности саммита министров финансов Двадцатки.

Таким образом, на уровне международных организаций образуется несколько видов сетевых связей: между государствами – членами этих международных организаций, между самими международными организациями и между международными организациями и структурами G20.

Органы и структуры. Многие журналисты и исследователи, говоря о Группе Двадцати, подразумевают саммит глав стран. Данное событие действительно является ключевым в деятельности Двадцатки, однако всего лишь результирующей деятельностью комплекса органов и структур, к

которым можно отнести министерские саммиты, бизнес-саммиты, рабочие группы и организационные встречи (шерпы, «тройка из прошлого, настоящего и будущего»).

Саммиты министров. В функции встреч министров финансов и глав центральных банков входят: во-первых, оперативное обсуждение насущных вопросов экономики и финансов; во-вторых, обсуждение конкретных мер по координации усилий в области экономики; наконец, в-третьих – подготовка к саммитам на уровне лидеров. Данный формат саммита, являясь предшественником саммитов на высшем уровне, не утратил своей актуальности и с переходом G20 на уровень лидеров. Помимо всего прочего, формат министерских встреч постепенно расширяется – так, в 2010 и 2011 гг. прошли встречи министров труда и занятости⁶, а в 2011 г. встреча министров сельского хозяйства⁷. В работу саммита активно включены представители международных организаций.

Бизнес-саммит. В подобном формате осуществлялись встречи на саммите в Торонто, а уже в Сеуле прошел бизнес-форум. Логика проведения и включения в систему G20 бизнес-саммитов понятна: без участия самих акторов мировой экономики в процессе глобального управления проблемы не могут решаться эффективно. Встречи деловых кругов двадцати крупнейших экономик мира, безусловно, повышают взаимную интеграцию в рамках стран, что увеличивает степень экономической глобализации. Роль бизнеса в глобальном управлении неоднозначна. С одной стороны, понятно, что бизнес является частью сети глобального управления, однако, как отмечается, бизнес не всегда готов вкладывать свои ресурсы в его осуществление, пока не окажется под ударом⁸.

Рабочие группы. G20 создает временные или постоянные рабочие группы по решению тех или иных проблем. Так, по решению Вашингтонского саммита были созданы рабочие группы по совершенствованию регулирования и прозрачности, по улучшению международного сотрудничества и целостности финансовых рынков, по реформированию МВФ, по Всемирному банку и другим многосторонним банкам развития. На саммите в Торонто была создана группа по борьбе с коррупцией, на саммите в Сеуле – группа экспертов по инвестициям в инфраструктуру. В рамках рабочих групп проводятся технические семинары и готовятся разного рода отчеты и исследования, которые являются аналитическим основанием для разработки и принятия решений на саммитах лидеров и министров финансов.

Саммит лидеров. Саммит лидеров – венец сетевой структуры G20, он объединяет и концентрирует все сетевые связи в рамках глобального экономического управления. На саммитах лидеров утверждаются решения, вырабатываемые на разных уровнях сети.

Попытки конструирования глобального управления сначала с помощью международных организаций, а затем с помощью Двдцатки, на уровне министров не смогли в полной мере удерживать глобальную ситуацию под контролем.

Саммит лидеров подтвердил тезис о том, что основными акторами мировой политики остаются государства, лидеры, выступающие носителями государственного суверенитета. Международные организации наделены суверенитетом вторично, посредством наделения их частью государственного суверенитета стран-участниц. Таким образом, Группа Двдцати выступает первичным носителем суверенитета, а международные организации – вторичными носителями.

Саммит на уровне лидеров позволил заполнить вакуум управляемости за счет концентрации политического влияния системно важных государств. Такая концентрация способствовала осуществлению реформы всех звеньев глобальной экономической сети. У G20 появилась возможность оказывать влияние как на международные организации, так и на суверенные государства.

Использование сетевого подхода позволяет по-новому взглянуть на природу взаимодействия G20 не как на наднациональный институт глобального регулирования, а как на своеобразную сеть, объединяющую сети более низких уровней. Данный подход дает возможность более подробно показать структурные взаимосвязи акторов и тем самым выявить роль Двдцатки в глобальном экономическом управлении.

На практике сетевая структура G20 еще более разветвленная и обширная, чем отражено в данной статье. Она включает в себя такие сетевые структуры, как БРИКС, Восьмерка, Европейский союз, и прочих акторов, между которыми существует стабильная и интенсивная связь. За счет сложной сетевой структуры повышается уровень глобального управления. Большая двдцатка становится своеобразной «сетью сетей», включая в себя практически всех ключевых акторов международных отношений.

Примечания

- ¹ Здесь же стоит отметить, что эффект конкуренции может наблюдаться между Двдцаткой и другими сетевыми институтами, такими как Большая восьмерка и отчасти БРИКС. Хотя в вопросах экономики Двдцатка, скорее, включает в себя Восьмерку и БРИКС, делая их подсетями.
- ² См.: *Martinez-Diaz L. Woods N. The G20 – the perils and opportunities of network governance for developing countries. Politics and International Relations // University of Oxford. November 2009.*
- ³ См.: Финансовая архитектура посткризисного мира : эффективность решений. Посткризисное исследование. Институт посткризисного мира. Международное исследование. Апрель-май, 2009. С. 36.
- ⁴ В исследовании, в частности, отмечается, что наиболее полезными оказались те органы, которые профессионально занимались конкретными проблемами регулирования финансовых рынков. Значительно менее эффективными оказались всемирные институты развития, обладающие достаточно обширными финансовыми возможностями, но проводившие поверхностный и упрощенный анализ происходящих процессов, на основе которого оказалось невозможно сформулировать сколь-нибудь полезные, практически применимые рекомендации по преодолению причин кризиса.
- ⁵ См.: Члены СФС. URL: <http://www.financialstabilityboard.org/members/links.htm> (дата обращения: 12.04.2012).
- ⁶ См.: G20 Labor and Employment Ministers' Recommendations to G20 Leaders. G20 Labour Ministers Meeting. Washington, April 21, 2010. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2010/g20lab0421.html> (дата обращения: 12.01.2012).
- ⁷ См.: Action plan on food price volatility and agriculture, Ministerial Declaration Meeting of G20 Agriculture Ministers Paris, 22 and 23 June 2011. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2011/2011-agriculture-plan-en.pdf> (дата обращения: 8.01.2012).
- ⁸ См.: The G20, Global Governance and Why Business Should Be Alarmed. URL: <http://www.imd.org/research/challenges/upload/TC068-11-THE-G20-GLOBAL-GOVERNANCE-AND-WHY-BUSINESS-SHOULD-BE-ALARMED.pdf> (дата обращения: 12.01.2012).

ХРОНИКА

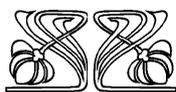
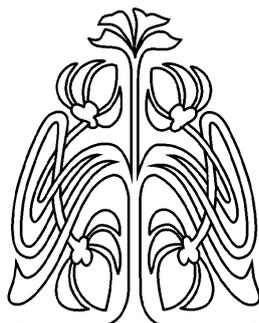
10 февраля 2012 г. на заседании Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки состоялось обсуждение доклада кандидата политических наук, доцента кафедры политических наук Саратовского государственного университета М. В. Данилова на тему «**Неполитическая детерминация избирательного процесса в России: корреляции социально-экономических показателей и уровня явки на выборах 1990–2011 годов**». (Текст доклада в виде статьи представлен в данном выпуске журнала)

На заседании присутствовали и выступали с сообщениями по докладу: доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук СГУ *А. А. Вилков*, доктор политических наук, профессор СГУ *Н. И. Шестов*, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ *И. И. Кузнецов*, доктор политических наук, профессор Московского государственного специализированного института искусств *О. Г. Овчарова*, кандидат политических наук, доцент Поволжского института имени П. А. Столыпина *С. Г. Сергеев*, кандидат политических наук, доцент СГУ *А. Ю. Цаплин*, кандидат политических наук, доцент СГУ *В. Г. Семенова*, кандидат политических наук, доцент СГУ *А. А. Казаков*, кандидат политических наук, доцент СГУ *Г. М. Барашков*, кандидат политических наук, доцент Поволжского института имени П. А. Столыпина *О. С. Скороходова*, аспиранты кафедры политических наук СГУ *А. Богданов*, *В. Бормотов*, *К. Базаев*, *С. Бигазилова*, студенты специальности «Политология» СГУ.

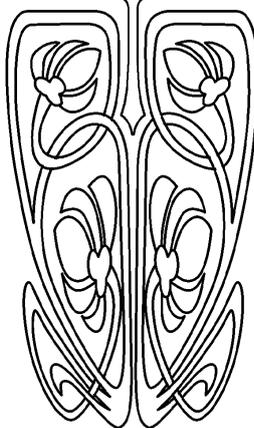
Вилков А. А.: Можно только приветствовать стремление молодых докторантов прибегать к использованию методов точных наук для анализа проблем «исследования технологий политизации современного общества». Инструментом анализа для М. В. Данилова выступает «парный корреляционный анализ статистических показателей социально-экономического развития субъектов РФ и уровень явки на парламентских выборах в соответствующий год». Однако возникает несколько вопросов по поводу эвристических возможностей представленного метода, по крайней мере в рамках заявленного автором ракурса исследования мотивации участия в выборах.

Из трех измерений политизации общественных отношений (увеличение значения и роли политической сферы в жизни общества, включение в политику неполитических явлений и формирование политической повестки дня из неполитических тем, вовлечение масс в политику и повышение их политической активности под влиянием неполитических факторов) М. В. Данилов выделяет третье. «Вовлечение масс в политику происходит по нескольким основным каналам: посредством действия партийных технологий политизации общества; использования гражданских форм интенсификации политического участия; а также через электоральные процедуры». Со всем этим нельзя не согласиться, но резонно возникает вопрос: насколько целесообразно выделение социально-экономического фактора мотивации политического участия как самостоятельного, без учета выделенных самим автором каналов целенаправленного воздействия?

В реальной политической жизни они неотделимы друг от друга и связаны в систему многоэлементной причинно-следственной зависимости. Деятельность властных структур и оппозиции, стратегии их информационного воздействия на население, конкретная агитационно-пропагандистская кампания различных партий и отдельных кандидатов на выборах разного уровня целиком и полностью завязаны

ПРИЛОЖЕНИЯ

на отражении эффективности или неэффективности социально-экономического развития региона.

Поэтому и восприятие населением своих собственных социально-экономических проблем формируется не в результате осознания «объективных» статистических показателей региона, а в результате совокупного воздействия самых разных факторов не только объективного, но и субъективного свойства, в том числе и целенаправленного многовекторного информационно-коммуникационного воздействия.

Абстрагирование данной многофакторности приводит к ограниченности эвристического потенциала тех предварительных выводов, к которым автор доклада приходит в результате анализа.

Например, второй вывод о стабильной связи уровня явки на парламентских выборах только с долей городского и сельского населения. Не нужно было проводить корреляционный анализ, чтобы подтвердить давно известную истину, что характер политической культуры городских и сельских жителей и, соответственно, стиль их политического участия заметно различается. И обусловлены они не только показателями социально-экономического развития, а особым образом жизни и традициями. И изучить специфику мотивации политического участия горожан и сельчан только с помощью корреляционного анализа невозможно.

Третий вывод о том, что «монетарные показатели (ВРП и среднедушевые доходы) утратили свое значение в 2000-е гг.», тоже ничем не подкреплен. О масштабах и значимости немонетарной мотивации к голосованию можно было бы судить по результатам социологических опросов, но это другие методы. Вывод об искажениях в официальной статистике и данных по участию в голосовании из материалов проведенного анализа тоже никак не вытекает и носит характер предположения.

Более того, четвертый вывод прямо противоречит фактическим материалам, которые получает большинство ведущих социологических центров.

М. В. Данилов констатирует, что в 2000-е гг. произошло кардинальное изменение направленности связи между явкой на выборы и долей пенсионеров в регионе по сравнению с 1990-ми гг. «В первое десятилетие XX в. большое количество пенсионеров негативно сказывалось на общей явке, что абсолютно не характерно для предшествующего периода и противоречит устоявшимся стереотипам о пенсионерах как о самой дисциплинированной когорте избирателей».

Во-первых, общая явка на выборы определяется не только количеством пенсионеров в регионе, но и степенью активности и дисциплинированности других социальных групп. Без конкретных социологических данных этот вывод бездоказателен и носит, как указывает сам автор, предположительный характер. Я, например, на основе данных доклада (точно так же бездо-

казательно) могу предположить, что снижение активности других социальных групп было более значительным, чем у пенсионеров.

Такой же предположительный характер носят и выводы М. В. Данилова о том, что «безработные заняли место пенсионеров как активный электорат». Большое количество безработных в регионе и высокая их явка на выборы корреляционным анализом, на мой взгляд, не выявляются. Тем более бездоказательным является вывод о том, что «на двух последних выборах безработные активно принимали участие в голосовании и активно отдавали свои голоса за правящую партию». Представленные материалы доклада оснований для такого вывода не дают. Может быть, М. В. Данилов исходил из каких-то материалов социологических опросов, не вошедших в доклад, но я о таких не знаю.

Кроме того, корреляционный анализ абсолютно не способен, например, объяснить, каким образом все пенсионеры и все безработные, так же как и все остальное население Чечни, проголосовали за «Единую Россию». Или почему пенсионеры и безработные Саратовского и Татищевского районов проголосовали совсем по-иному, чем в других районах области.

Некорректным представляется и интерпретация автором полученной им констатации общеизвестного факта, что «студенческая молодежь на протяжении исследуемого периода зарекомендовала себя как достаточно аполитичная часть общества».

Как с помощью корреляционного анализа М. В. Данилов пришел к выводу о том, что «полученные данные ставят под сомнение адекватность использовавшейся ранее методологии исследования политической активности молодого поколения и получаемых с ее помощью выводов о важном политическом значении молодежи в процессах политической модернизации» – одному автору известно. Большинство исследователей (например, Э. В. Чекмарев) делают акцент как раз на недостаточности вовлечения молодежи в политическую модернизацию, на опасности отстраненности молодежи от решения важнейших общественных проблем.

В заключение хочу сказать, что проблема, как представляется, заключена не в недостатках метода корреляционного анализа, а в необходимости обязательного дополнения его другими методами анализа, прежде всего социологическими и другими политологическими методами. В этом случае богатейший материал, полученный М. В. Даниловым с помощью корреляционного анализа, позволит прийти к интересным социально значимым и научно обоснованным выводам и оценкам.

Шестов Н. И.: Мне представляется, что докладчик копнул выходы на поверхность ряда «золотых жил», протяженности и направленности возможного использования которых в своем

диссертационном исследовании он еще до конца не представляет. А представить это необходимо, поскольку следует вывести разговор о технологиях политизации на какие-то фундаментальные обобщения и прогнозы. Попробую тезисно обозначить те перспективы, которые вырисовываются в этом отношении уже сейчас.

Начну с наиболее интересной, на мой взгляд, проблемы. Если у процесса политизации есть начало, отдельные контуры которого Михаил Викторович обрисовал в своем докладе, то должно быть и окончание. Без разговора о том, до каких пределов возможна политизация и чем может обернуться ее бесконтрольное развитие, невозможно представить политизацию как процесс, имеющий ключевое значение для прогресса современной цивилизации. Конечной фазой, в которой политизация достигает максимальной полноты, является политическая революция. Современная политическая жизнь дает богатый материал для того, чтобы в диссертации поразмышлять над этим сюжетом. С тем, что представляет собой такая революция в качестве вызова социально-политической системе извне, все более-менее понятно. А вот каким образом общество становится готовым откликнуться на это внешнее технологическое воздействие, откуда у него берется готовность пожертвовать своими жизненными устоями ради политики – вопросы более сложные. Общество само начинает в ответ на внешнее воздействие политизировать многие вещи из того ряда, который не был предусмотрен технологией раскрутки очередной «цветной революции», свои предельно разнообразные экономические интересы, например, почему и заканчиваются такие революции часто неожиданным для их организаторов результатом. Тут становится уместным тот самый корреляционный анализ экономических характеристик и политических предпочтений, который, конечно, лишь в первом, экспериментальном приближении представлен в обсуждаемом нами докладе. Корреляции разных показателей действительно могут дать более точное и достоверное знание о той точке соприкосновения экономических интересов и политических предпочтений, до прохождения которой общество исповедует одни политические идеи и ценности, а после прохождения ее лояльные граждане вдруг становятся агрессивными и невосприимчивыми к самым конструктивным идеям и реформам, инициированным собственным государством. Это знание, которое можно положить в основание политического прогноза.

Второе. Я бы более четко определился с понятиями «политическое» и «неполитическое» в приложении к характеристике гражданской позиции жителей российских регионов. Тут есть возможность порассуждать в теоретическом плане об особенностях российского политического процесса. Ведь в либеральной демократии, да и в политике вообще, все это тесно связано. Обычно

гражданский и лидерский статусы сопряжены с благосостоянием. Оптимальным считается состояние политической жизни, когда человек политически активен в меру своего достатка, когда бедняк не рвется в политические лидеры, а стремится быть «третьим сословием», а богатый человек не отказывает себе в занятии политикой. Благосостояние выступает важным критерием классовой (а значит, политической) принадлежности индивида или группы. Надо более развернуто аргументировать, в диссертации особенно, почему материальное благосостояние граждан России можно рассматривать как параметр, характеризующий состояние неполитической сферы.

Третье. В докладе сделано очень ценное наблюдение относительно активности молодежи. Исследователи часто пишут о том, что молодежь хочет и может участвовать в нынешней политической модернизации, движимая интересами образования, карьеры, устройства личной жизни. С другой стороны, отмечают, что у молодежи нет желания подобно старшим поколениям приносить себя в жертву модернизации, но есть желание активно пользоваться всеми возможностями, предоставляемыми политикой. Эти выводы основываются преимущественно на качественных оценках. Модернизационный потенциал молодежи выглядит очень неопределенно. Тут тоже есть над чем поразмышлять. В частности, над тем, насколько в реальности политично либо неполитично в поведении современной российской молодежи все то, что исследователи обычно считают характеристиками именно ее политического потенциала. Докладчик только приблизился к постановке этого вопроса, но в диссертации есть возможность посвятить ему раздел, в котором можно и дать критику сложившихся исследовательских подходов, и предложить свой альтернативный подход.

Овчарова О. Г.: Обсуждаемый сегодня доклад М. В. Данилова, безусловно, актуален и интересен. Эти характеристики его работы обусловлены тем обстоятельством, что избирательный цикл 2011–2012 гг. представляет собой очень серьезное испытание легитимности режима (а выборов такого формата страна практически уже не помнит). И это свидетельствует не только о кризисе политической системы, но и о серьезных проблемах в неполитических сферах – социальной, экономической и т. д. Что и демонстрирует в своей работе Михаил Викторович. Обращение к региональному уровню, который «зеркально» отражает ситуацию во всей стране в целом, и сравнительный анализ электорального поведения за все время становления российской демократии делают эту демонстрацию весьма яркой и отчетливой.

Поскольку выводы, предложенные в исследовании, основаны на официальных цифрах, пожалуй, с ними можно согласиться. Но их кон-

кретизация при дальнейшей разработке проблемы требует привлечения и других данных, так как, справедливо замечает автор, статистика и данные по участию в голосовании могут быть искажены. К примеру, следует более конкретно посмотреть, какова мотивация поддержки правящей партии безработными (обещание работы за голосование? или вознаграждение? почему люди, которых государство не обеспечивает работой, оказывают содействие его правящей верхушке, что выглядит противоречиво?). Или что лежит в основе разницы стилей политического участия городских и сельских жителей и почему последние более активны? Возможно, на селе, в отсутствие разнообразия форм проведения досуга, поход на выборы – это своего рода «выход в свет»? Или последствия административного контроля более ощутимы там, где и проверить явку на избирательный участок и осуществить наказание за неявку проще. И тогда это фактор политической детерминации избирательного процесса. Кроме того, было бы интересно в дальнейших исследованиях выделить группы среднего класса и высшего класса в регионах (тогда речь должна идти больше, наверное, о 2000-х гг.) и проанализировать более подробно их электоральные настроения. Как показывает федеральная практика, именно граждане с финансово стабильным положением становятся сейчас весьма политически активными. (см., например, данные ВЦИОМ о социальном составе участников протестных действий). В этом контексте вспоминается распространенная сейчас фраза о том, что группы политической поддержки в настоящий момент разделились на «тех, кто в ватниках и на тех, кто в норках». В настоящем докладе есть подтверждение этим словам.

Кстати, возвращаясь к разговору о цифрах, нельзя не отметить междисциплинарной эффективности выбранной Михаилом Викторовичем методологии исследования. Она не только позволяет проследить в динамике влияние неполитических факторов развития регионов России на уровень электоральной активности граждан, но и способствует получению выводов, которые лежат одновременно в двух научных плоскостях: политико-социологической и политико-психологической. С одной стороны, результат исследования дает возможность увидеть электоральное поведение в его социально-групповом и классовом измерениях, позволяет рассуждать о степени социального капитала россиян; с другой – узнать о политическом сознании современных россиян в целом или, по крайней мере, о его рациональной составляющей. Ведь представленные нам корреляции говорят о противоречивом и неустойчивом восприятии власти, обусловленном ее неспособностью стабилизировать сферу экономики. И здесь нельзя не согласиться с классиком, что «бытие определяет сознание», и политическое в том числе.

И последнее. Работа М. В. Данилова интересна не только своим эмпирическим содержанием,

но и теоретико-концептуальным. Она побуждает лишний раз задуматься о главном вопросе политической философии – о границе между политическим и неполитическим. Где она и есть ли, если неполитические факторы голосования определяют политику. И если частное мнение избирателя выступает как функция контроля над властью, то оно уже публичное? А публичная сфера, по Хабермасу, приобретает политическое измерение, когда интерес граждан направлен на деятельность государства... И как эти вопросы разрешаются в современных российских условиях? Таким образом, как и любая удачно прошедшая дискуссия, настоящая была хороша тем, что в ее ходе появились вопросы для последующих.

Цаплин А. Ю.: Исследование М. В. Данилова, посвященное выявлению неполитических детерминант избирательного процесса в России, вызывает интерес в силу апеллирования автора в своих научных изысканиях не к качественным, а к количественным методам политических исследований. Для анализа эмпирической информации им используется один из методов статистического анализа – парный корреляционный анализ. Такой подход к решению стоящей перед исследователем задачи импонирует своей ориентацией на получение строго научных, верифицируемых результатов, каузальных знаний, раскрывающих причинно-следственные связи между социально-экономическими показателями и явкой на выборах.

При использовании такой методологии исследователь неизбежно сталкивается с двумя проблемами. Первая – это возможность возникновения ситуации ложной корреляции и, соответственно, ее избежание. Один из показательных таких примеров – это вывод американских социологов о связи цвета кожи негров и уровня преступности среди представителей этой этнической группы. Вторая, не менее сложная проблема – это интерпретация полученных результатов.

М. В. Даниловым предпринята очень смелая, новаторская попытка выявить связь между социально-экономическими характеристиками региона и явкой на выборах. Однако сразу возникает вопрос, можно ли все выделяемые автором социально-экономические параметры рассматривать в качестве независимых переменных, не подверженных влиянию политики и других факторов. Так, ведь во многом уровень социально-экономического развития региона, выраженный автором в таких категориях, как валовый региональный продукт на душу населения, доля занятых в частном секторе экономики региона, среднедушевые денежные доходы населения региона, уровень безработицы в регионе, определяется политическими факторами, а именно параметрами регионального политического режима. В 1990-е гг. в Российской Федерации наблюдалось их большое разнообразие, которое затем, правда, сменилось

однообразием в 2000-е. Возможно, с этим и связано снижение корреляции между выделенными тремя параметрами (среднедушевым ВРП, долей занятых в частном секторе, среднедушевыми денежными доходами) и явкой на выборы практически до нулевой отметки в 2000-е гг.

Нельзя не отметить и того факта, что уровень социально-экономического развития региона во многом определяется его географическим положением – наличием транспортной инфраструктуры, природных ресурсов, близостью к рынкам сбыта, климатическими условиями и т. д.

Как представляется, для того чтобы подтвердить или опровергнуть установленные автором корреляции, нужно провести многомерный анализ (трех и более переменных). В простейшем случае речь может идти о том, чтобы провести анализ двух переменных с помощью контрольного фактора. В данном случае таким может стать региональный фактор, включающий конфигурацию обозначенных выше параметров, к которым прибавятся еще культурно-этнические характеристики. Ведь не секрет, и это проявляется уже регулярно, что явка на выборах в национальных республиках значительно превышает средний российский показатель. Особенно это касается республик Северного Кавказа. В качестве такого обобщенного регионального параметра можно выбрать, например, федеральный округ и провести анализ, используя структуру федеральных округов. Если характер полученных автором корреляций не будет меняться или будет меняться незначительно в зависимости от федерального округа, это позволит на твердой доказательной базе интерпретировать полученные результаты.

Казakov А. А.: Представленная на обсуждение статья, безусловно, затрагивает весьма актуальную на сегодняшний день проблему. С одной стороны, различные социально-экономические показатели оказывают самое непосредственное влияние на электоральные процессы в России. С другой стороны, масштабы и конкретные формы подобного влияния в настоящий момент, как нам представляется, изучены в науке недостаточно глубоко. В этой связи обращение М. В. Данилова к данной проблематике можно только приветствовать.

Знакомство с обсуждаемой статьей не оставляет сомнений в том, что сделанные ее автором выводы базируются на очень солидном эмпирическом материале: тщательному анализу подвергнутся семь социально-экономических

показателей в разрезе семи выборных кампаний. При этом в качестве основного аналитического инструмента выступает парный корреляционный анализ. Разумеется, данный исследовательский механизм не может в полной мере обнаружить и обосновать всех граней неполитической детерминации электоральных процессов. Однако выявить некоторые закономерности и обратить внимание ученого на отдельные заслуживающие особого внимания проблемы этот метод, без сомнения, способен. Подтверждение этому, собственно, и содержится в тех выводах, к которым приходит автор.

Стоит также отметить наглядность и оригинальность изложения материала: текст снабжен таблицами и графиками, сопровождающимися дискуссионными вопросами, ответы на которые содержатся в заключительной части статьи. Подобная «вопросно-ответная» схема оформления текста не только дополнительно структурирует материал, но и привносит в него элемент интерактивности.

При прочтении статьи у меня возникло несколько предложений к ее автору. Так, например, я думаю, что в дальнейшем можно было бы провести аналогичное исследование применительно и к президентским выборам. Сопоставление полученных результатов с уже имеющимися могло бы дать дополнительную пищу для размышлений и, возможно, натолкнуть на новые умозаключения. Точно так же рассматриваемый период существования в России партии власти (в аспекте электоральных предпочтений пенсионеров) вполне допустимо распространить и на более раннее время – благо, недостатка в проправительственных партийных организациях в нашей стране в последнее время не наблюдалось.

Для углубления уже выявленных корреляций можно было бы отдельно проанализировать влияние на уровень явки таких экономических показателей, как уровень годовой инфляции в конкретном регионе, а также то, является ли отдельный субъект Федерации дотационным или донором. Наконец, для облегчения восприятия эвристических возможностей корреляционного анализа в самом начале было бы нелишним в общих чертах объяснить, каким образом коэффициенты корреляции рассчитываются и как «читать» построенные на их основе графики.

В целом же в представленной статье подняты весьма злободневные для современной политической науки сюжеты, дальнейшая разработка которых способна открыть перед учеными очень перспективные исследовательские горизонты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аникин Л. С.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникации и управления Саратовского государственного университета. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru
- Антонова О. Г.** – доктор социологических наук, профессор кафедры общетеоретических дисциплин Института социального образования (филиал) РГСУ. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- Бичехов А. Ф.** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: istoriya2@mail.ru
- Бородавкина Е. Е.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: evgeniya_borodavkina@mail.ru
- Варфоломеев Ю. В.** – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru
- Васильева Е. Н.** – заведующая учебной частью Института социального образования (филиал) РГСУ. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- Вестов Ф. А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: vestovfa@mail.ru
- Воробьев В. П.** – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета. E-mail: GolubovskajaOlja@mail.ru
- Голуб О. Ю.** – доктор социологических наук, заведующая кафедрой связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета, профессор Саратовского государственного университета. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru
- Голубовская О. Л.** – аспирант кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета. E-mail: GolubovskajaOlja@mail.ru
- Данилов М. В.** – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: super9999@yandex.ru
- Дыльнов Г. В.** – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории социологии Саратовского государственного университета. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru
- Дыльнова З. М.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru
- Дыльнова Т. В.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи Саратовского государственного университета. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru
- Зубков В. А.** – доктор философских наук, профессор кафедры экономики и менеджмента Саратовского института (филиала) Российской государственного торгово-экономического университета. E-mail: volodia.zubkov@yandex.ru
- Жданов П. А.** – аспирант кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: p.jdanov@gmail.com
- Зимин В. А.** – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: natali.26.12@mail.ru
- Ивченков С. Г.** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета. E-mail: lvchenkovSG@mail.ru
- Калиникова М. В.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru
- Красильников О. Ю.** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики Саратовского государственного университета. E-mail: ok-russia@yandex.ru
- Кузьмина С. В.** – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: kuzmina-s-v@yandex.ru
- Лобачева О. А.** – аспирант кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: lobachova.81@mail.ru
- Ливерко О. В.** – соискатель кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru
- Масленников В. А.** – соискатель кафедры организации работы с молодежью социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: vamvim@yandex.ru
- Могилевич Б. Р.** – доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского государственного университета. E-mail: mogilevich@sgu.ru
- Небога В. С.** – аспирант кафедры социологии коммуникации и управления социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- Пашкина Т. А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: press2010@oblstat.renet.ru
- Полтавская Ю. Н.** – аспирант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: teleprofi@gtrk.renet.ru
- Селиванова Ю. В.** – доктор социологических наук, заведующая кафедрой коррекционной педагогики Саратовского государственного университета. E-mail: juliaselivanova@mail.ru
- Чекмарев Э. В.** – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: chekmarev@nm.ru
- Чернышов А. Г.** – доктор политических наук, профессор, руководитель Центра стратегических инициатив и прогнозов. E-mail: ag555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikin L. S. – Doctor of Sociology, professor, chair of the sociology of communication and management, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Antonova O. G. – Doctor of Sociology, professor, chair of general theoretical disciplines, Institute of Social Education (branch) of RSSU. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Bichekhvost A. F. – History Doctor, Professor of the History and sociology policy chair of Saratov State Law Academy. E-mail: istoriya2@mail.

Borodavkina E. E. – Doctor of Sociology, professor, chair of the sociology of communication and management, Sociological Faculty, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: evgeniya_borodavkina@mail.ru

Chekmarev E. V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Political Science Institute of the Volga. PA Stolypin, Russian Academy of National Economy and the Public Service under the President of the Russian Federation. E-mail: chekmarev@nm.ru

Chernyshov A. G. – Head of the Center of strategic initiatives and forecasts, doctor of political sciences, professor. E-mail: ag555@mail.ru

Danilov M. V. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Chair of Political Sciences of the Law Department, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Dyl'nov G. V. – Doctor of Philosophy, professor, chair of the theory and history of sociology, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Dyl'nova Z. M. – Doctor of Sociology, professor, chair of regional sociology, Sociological Faculty, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Dyl'nova T. V. – Doctor of Sociology, professor, chair of youth sociology, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Golub O. Yu. – head of the chair of public relations, Saratov State Social-Economic University, Doctor of Sociology, professor of Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

Golubovskaya O. L. – post-graduate student, the «State Government and Regional Sociology» chair, Penza State University. E-mail: GolubovskajaOlja@mail.ru

Ivchenkov S. G. – head of the chair of youth sociology, Doctor of Sociology, professor of Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: IvchenkovSG@mail.ru

Kalinnikova M. V. – Doctor of Sociology, professor, chair of regional sociology, Chernyshevsky Saratov State University: e-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Krasil'nikov O. Yu. – Doctor of Economics, professor, chair of economic theory and national economy, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: ok-russia@yandex.ru

Kuz'mina S. V. – post-graduate student, chair of applied sociology, Sociological Faculty, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: kuzmina-s-v@yandex.ru

Liverko O. V. – post graduate student of the Chair of Politology, the Law Department of Saratov State University. E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

Lobachyova O. A. – post-graduate student, chair of regional sociology, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: lobachova.81@mail.ru

Maslennikov V. A. – post-graduate student, chair of youth organizational work, Sociological Faculty, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: vamvim@yandex.ru

Mogilevich B. P. – Doctor of Sociology, professor, chair of English language for humanitarian directions and specialties, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Neboga V. S. – post-graduate student, chair of the sociology of communication and management, Sociological Faculty, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Poltavskaya J. N. – post graduate student of the Chair of Politology, the Law Department, Saratov State University. E-mail: teleprof@grk.renet.ru

Pashkina T. A. – PhD in sociology, associate professor, chair of regional sociology, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: press2010@oblstat.renet.ru

Selivanova Yu. V. – Doctor of Sociology, head of the chair of correctional pedagogy, Chernyshevsky Saratov State University. e-mail: juliaselivanova@mail.ru

Varfolomeev Y. V. – History Doctor, Professor of the Social Communications chair of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. E-mail: ybartho@mail.ru

Vasilieva E. N. – head of studies, Institute of Social Education (branch) of RSSU. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Vestov F. A. – PhD, professor of criminal law, penal law and criminology, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. E-mail: vestovfa@mail.ru

Vorobiov V. P. – Doctor of Sociology, professor, chair of state government and regional sociology, Penza State University. E-mail: GolubovskajaOlja@mail.ru

Zhdanov P. A. – PhD Student NRU Higher School of Economics (Specialization in Political problems of International Affairs and Global Development), World Politics Department e-mail: p.jdanov@gmail.com

Zimin V. A. – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Candidate for Doctoral Degree of the Chair of Political Sciences of the Law Department, Saratov State University E-mail: natali.26.12@mail.ru

Zubkov V. A. – Doctor of Philosophy, professor, chair of economics and management, Saratov Institute (branch) of Russian State Trade-Economical University. E-mail: volodia.zubkov@yandex.ru

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

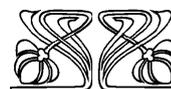
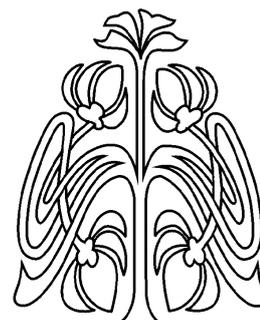
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

